

Андрей Чернов

СТИХИ И ПРОЗА В СТИХАХ

Дом Галича

Андрей Чернов

СТИХИ И ПРОЗА В СТИХАХ

Дом Галича
СПб
2023

УДК 882.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч-49

На авантитуле рисунок
Завена Аршакуни

На с. 483 «Горбатые гоноропулы» — реконструкция голодаевского пейзажа
на основе топографического плана Ф. Ф. Шуберта (1828)
и семи пушкинских зарисовок этого места.
На горизонте Петропавловская колокольня.

Чернов А. Ю.

Ч-49 Стихи и проза в стихах. — СПб.: Дом Галича, 2023. — 560 с.

В новую книгу петербургского поэта Андрея Чернова вошли его избранные стихотворения с 1972 года.

УДК 882.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© А. Ю. Чернов, стихи, 2023
© Дом Галича, 2023

ТЕТРАДИ С АНТРЕСОЛЕЙ

Городские портреты

Угловой переулок

Оттиск

* * *

Вот лежит он из-за лишней крошки.
Неудачник. Сорванец. Плебей.
Вор подбитый. Серый воробей.
Перья врозь — он ждёт прихода кошки.
Форма воробья как раз такая,
Чтобы глубже лечь в моей горсти,
Клюв — чтобы потом сказать: «Пусти!»
Крылья — чтоб ударить, улетаю.

1972

* * *

На бульваре листвы поредела стена.

Дождь летит. Мокнет очередь.

Лужи — как блюдца.

— Что дают?

— Листопад.

— Листопад? А цена?

— Раз нагнуться.

1973

* * *

Ты в восьмом, я уже в девятом.
Первый вечер в школьном году.
И завидно твоим ребятам,
Я ведь рядом с тобой иду.

Пополам апельсина дольки.
Поцелуй заказным письмом.
И в среде педагогов толки:
— Он в девятом. Она в восьмом.

ПРАВООУЧИТЕЛЬНОЕ

Подрастёте — вам хватит
и зрелищ, и горького хлеба.
А пока будьте добрыми,
будьте, ребята, хорошими.
Не ходите по лужам,
ведь в них отражается небо.
Так зачем же по небу,
по синему небу галошами?

1973

СТАРИННАЯ ГРАВЮРА

И. З.

Соседка соседку с утра призывает к войне:
Та ставни раскрыла, а город так густо заставлен,
Что, если окно распахнуть на одной стороне,
Напротив уже не откинешь до вечера ставен.
Мужлан из предместья волов своих тянет за хвост.
Телега застряла под хохот калек и воровок.
Патруль не рискует усесться в седле в полный рост,
Чтоб в тесную сеть бельевых не попасться верёвок.
В морозы здесь душно — течёт по фасадам роса,
А в землетрясенья дома дымоходами трутся.
В проулке хромом по карнизу от шпор полоса,
А в башне горбатой со стражником не разминуться.
И только двоим из высоких напротив окон
Не тесно в том граде, не душно в том смраде воловьем:
Она протянула над городом руки, и он
Их держит всю ночь над дымящимся средневековьем.

1974

* * *

От того, сколько ты прстоишь у окна
И просмотришь мне вслед из окна,
Не зависят из будущих бед ни одна,
Из грядущих обид ни одна.

Так зачем же мне знать, грея ветер щекой,
Что, к стеклу прижимаясь щекой,
Из-под самых небес ты мне машешь рукой,
Просто машешь и машешь рукой?

1974

* * *

За мостом у замшелой торговки
Я куплю тебе белый бутон
На зелёной стреле, а потом
Нас не выпустят из Третьяковки.

Некто в кителе, пялясь анфас
В пустоту, излагает изустно,
Что искусство в музее — для масс,
А живые цветы — не искусство.

Но сперва посреди духоты
За спиной твоей граждане ахнут:
— Ах, представьте, у Врубеля пахнут,
То есть только что пахли цветы.

1974

* * *

Варежкой ледяной
Тело на́ душу надели.
Крепко-накрепко пришили
Жирной ниткой к рукаву
И пустили погулять,
Сунув жёлтую морковку,
Чтоб личина снежной бабы
Обрела стандартный вид.
Но совсем иной игрой
Двор гудел, где ты со всеми
Крепости катал. Морковка
Не сгодилась ни на что.
И конечно, промочил
Варежку. И не заметил:
Оторвали её с мясом,
Затоптали в снег. За это
Сразу же по возвращеньи
Дома строго спрошен был.

ЧЕЛОВЕК С СОБАКОЙ

Валентину Берестову

Ты держишь пустую перчатку за палец,
А в правой руке — поводок.
Мальчишки, которые с горки катались,
Спросили: — А это бульдог?

И ты, для порядка взглянув на них косо,
Боишься уже одного —
Что, если сегодня не будет вопроса:
— А можно погладить его?

Мальчишки, они любопытны до дрожи,
Но хитрость твою не поймут.
И третий вопрос будет задан чуть позже:
— А как его, дядя, зовут?

На двадцать минут они великодушно
Спокойнее станут, мудрей.
И двадцать минут будут слушать послушно
Историю жизни твоей.

Слова за слова лёгкий ветер заносит.
Боксёр твой хрипит горячо.
Но не про него, про тебя они спросят:
— А вы к нам придёте ещё?

1974

* * *

Ю. Щ.

Наши бедные матери
стелют белые скатерти,
ставят сверху вино
и не смотрят в окно.
А окно не зашторено,
и оно не затворено,
и как будто за мной
ходит ветер волной.
Первым дымом прокурены
наши братья нахмурены,
матерей не таятся,
ничего не боятся.
Знают девушки строгие,
что вернутся немногие,
но не знают про то —
кто.

Неужели всё будет так,
потому что я вижу так.

1974

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

Бесстрастным знанием наполниться,
Чтоб ни печали, ни восторга,
Как перезимовать на полюсе.
Ни Запада там, ни Востока.
И ваши жаркие послания
Терять, не пробежав конверта.
Я — мальчик Кай. Я — весь внимание.
Вернись, засни, замёрзни, Герда.

ЛЕТО 68-е

Молчат, которые постарше,
зато подростку — исполать! —
он твёрдо верует, что наши
ушли свободу отстаять,

и по горам по Воробьёвым
щебечет желторотый птах
про то, что Герцен с Огарёвым
о том клялись на Ленгорах.

30 АПРЕЛЯ

И в холодную полночь поёт соловей.
Леденеет. От сырости горло свело.
Ну а что ж ты поделаешь с песней своей,
Если раньше тепла
Её время пришло?

ПЁТР КИРИЛЛОВИЧ

ПОЭМА

1. МОНОЛОГ ЗМЕЯ СО СКАЛЫ МЕДНОГО ВСАДНИКА

Сколь упрощённо мыслят эти люди,
Когда идут сюда свергать державу
И с ненавистью смотрят на меня.
Они уверены — все беды в змее,
В том змее, нерастоптанном злодее,
Ну, выбейте меня из-под коня...
И рухнет конь. И гордый всадник рухнет.
Вы сами искромсаете друг друга.
Вам невдомёк, что так же, как в скульптуре,
И в государстве есть закон пропорций.
Ах, Фальконет всё это понимал.
И дабы равновесий не нарушить,
Царь только сделал вид, что топчет змея,
А сам — не сам, но лошадью своею —
И в этом государственная мудрость! —
Опёрся не на камень, на меня.
Ну, выбейте меня из-под коня...

2. СМОТР

Пред водопадом с нарастаньем
Летит течение реки.
Меж просвещеньем и восстаньем
Колеблются бунтовщики.
Поручик ходит перед фрунтом,
В нутро дилеммы углублён,

Меж эволюцией и бунтом
Пока ещё не выбрал он.
И с той же мыслью потаённой
Его начальник батальонный,
Штабс-капитан, герой в цвету:
— Респу... а может, конститу...
В борьбе с навязчивою думой
Затягивает ту же нить
Полковник бледный и угрюмый:
— Убить?.. Сослать?.. Сослать?.. Убить?..
Вотще вьёт петельки планета,
Как в той, в Давидовой праше.
(Царю докладывали это
Не в частностях, но вообще.)
Царь сверху, он крамолу видит.
Кривя в улыбке скорбный рот,
Он всех обманет, всех обидит,
Печать сломает — сам уйдёт.
Ну а покуда, взор рассея,
Бесчисленные зрит полки.
Темна страна его Расея,
А те, что «страшно далеки»,
Всего лишь дети — и не знают,
Что выбирают

Не между правдою и кривдой,
А между Сциллой и Харибдой.

3. ОТВЛечение ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ

Сначала эти заговóры
Между лафитом и Клико

Лишь были дружеские споры,
Не заходили далеко.
Считал свои дуэли Пушкин.
Меланхолический Якушкин
Его Ноэли обожал,
Забыв про роковой кинжал.
А может, было всё иначе...
Ворчал Якушкин между строк:
— Поэт, мелка твоя задача
На тронах *удивить* порок!

Но вот рассвет в окне привстал.
Свинцовы окна. Лица серы.
Кавалергард взметнул бокал:
— Ура, решительные меры!
И вот уже в кровавых красках
Полнеба залила заря,
И партия в бумажных масках
Готовится встречать царя.

О чём ещё там говорят
Всё злее и всё современной?
Да, рукописи не горят...
Хотя, когда сжигает гений...

4. ПОЯВЛЕНИЕ ГЕРОЯ

Пошёл в цареубийцы русский барин.
День мятежа назначил и пароль.
Как заговор весь план его бездарен,
Но, как поэт заметил, в этом соль.

Вы видите большую робость Пьера
В черновиках, оставленных Толстым?

Пугают Пьера казни Робеспьера
И душит пугачёвской смуты дым.
И потому потянутся потомки,
Мятежной этой робостью болея.

...Переходили сумерки в потёмки,
Благоухала майская аллея.
Поговорив с Наташей о Ростове
(См. последний диалог в романе),
Пьер вышел к Поварской, в его кармане
Клеймённый капелькой сургучной крови
Пакет секретный, тайное письмо
На юг: «Мы, равно как и братья наши...»
Но — тсс! Сейчас не время про него,
Ведь липы могут нашептать Наташе.

5. ДИАЛОГ

Экс-либерал закон был в меру лыс
И посему тождествен государю.
Рек первый: «Бей!» Второй решил: «Ударю,
Но нравственность при этом ухнет вниз».
Закон сказал: «К злодеям будь жесток.
Не только лиц ты знаешь, но и лица!»
Царь отвечал: «Я сам царубийца».
Заплакал и уехал в Таганрог.

6. ОТВЛечение ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ

Плавен поворот равнинных рек.
У людей совсем не так бывает:
Чем он медленнее назревает —
Круче повернётся человек.

Зачарован в странном этом танце
Круговертью собственной души,
Пьер встречал себя в республиканце
В Тульчине, в немазаной глуши.
Позже, при свиданьи с Муравьёвым,
Шедшим от республики назад,
Увлекался граф порывом новым
В конституционный дивный сад.
Видел в Каратаеве мессию,
Но к Американским Штатам плыл.
И в себе искал одну Россию,
А вокруг другую находил.

7. ДОРОГА

На ухабах проседая,
Граф в колясочке катит.
Колокольчик Дар Валдая
Утомительно гремит.
— Тпру! — и вылезает барин.
— Друг любезный, вот те раз!
При дороге, неисправен,
Покосился тарантас.
Рядом — сам и желчь, и злость —
Господин сухой бранится,
На поломанную ось
Опираясь, как на трость.
Миг — и просветлеют лица.
— Здравствуй! — Здравствуй! Ты куда?
— В Кишинёв. — А я в Одессу.
— Станция где? — Вон — у лесу.
— Подвезу. — Пожалуй, да.

8. ВЪЕЗД НА ПОЧТОВУЮ СТАНЦИЮ ВЫРА

В воротах старых каменных дворов
По сторонам стоят два круглых камня,
А иногда два стёсанных столба.
Они так и задуманы — косыми.
Когда чуток не рассчитает кучер,
Или ямщик, и дверца экипажа
На стенку аккуратно наползает,
И дамы говорят в коляске «Ах!» —
Накатывает колесо на столбик,
Отскакивает от стены коляска
И звонкой колеёй во двор въезжает,
И дамы «Слава Богу!» говорят.

Но Пьер с приятелем лишь покачнулись.
(Они давно не новички в дороге.)
Тем более что важным разговором
Как раз сейчас друзья увлечены.
Но пересказывать я вам не стану,
Поскольку сам в коляске той не ехал
И слышал лишь обрывок фразы графа.
Когда ему уже перепрягли,
Он крикнул молодому человеку:
«Так, значит, свидимся? Прощай, Евгений».

9. ОТЪЕЗД СО СТАНЦИИ

Остановиться, дабы оглянуться,
У нас, ей-богу, не всегда есть время.
Но на ходу мы оглянуться можем.
И Пьер, назад взглянув на повороте,

Увидел, что ворота превратились
В подобье пасти, где булыжник — дёсны,
И небо красное, как будто нёбо,
И треугольник чёрного орла
Гнилушкою, а столбики — клыки.
Ах, как нас государство опекает!
На стенку мы бросаемся отважно,
Проскальзывает меж клыков повозка,
И мы в казённую въезжаем пасть
Целёхонькими. Вот он тот угольный,
Краеугольный камень государства.
Что ж, тяжела должна быть колесница...
Так думал Пётр Кириллович Безухов,
Скача из Петербурга в Кишинёв.

10. ОТСТУПЛЕНИЕ ПОЛЕМИЧЕСКОЕ

Сто прапорщиков — это сто полков.
Любезный Грибоедов ошибался.
И всё-таки, наверное, был прав.

11. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГ

...Плюхнулся, как блин на сковородку.
Долго ничего не понимал.
В центр никто не вёз. Один нахал
Четвертной потребовал на водку
(И к тому же только серебром).

В воздухе студёном, налитом,
Над знакомым каменным мостом
Ехал генерал с открытым ртом.
Попадались флотские. Потом

От Невы (но слева, а не справа,
Где торчат на равелинах пушки)
Грянул выстрел. Глянул на часы.
Стрелки защемили цифру девять.
Пётр Кириллович протёр стекло.
Враз похолодело на душе.
И тогда невнятно, еле-еле
Шевельнулось слово «неужели».
Кучер встал и объявил: — Уже.
Приехали, барин!..

12. ПЛОЩАДЬ

С рассветом возвело восстанье
Вкруг медного Петра каре.
Штыки его — что крыша зданья,
И всадник в них, как во дворе.
Свет тускл. Он разучился литься,
Он тонет где-то в шубе туч,
Почти не освещая лица,
По кромке бытия струится...
Штыков им хватит. Нужен луч.
Прямой, что искра из кресала,
Отвесный — и — марш, марш! — вперёд,
Чтоб сталь запела, заплясала,
И чтоб успех, а не исход,
И чтоб в глаза артиллеристов
Разящей радужной косой
Шарахнул из-за туч неистов,
Как залп удачный — луч косой,
И чтоб средь гама городского,
Не убоявшись ничего,

На эполетах Трубецкого
Сверкнул и возвратил того.
Один лишь луч... Одно мгновенье,
И, площадями клокоча,
Как наводнение — наступление.
Успех, успех!.. Но нет луча.
И, гармонируя с природой,
Отрывист, как собачий лай,
Над нерождённою свободой
Парит унылый Николай.

.....

Ещё одна осталась сила,
Которая всех сил сильней.
Но эта сила — как могила,
Никто не думает о ней.
Ещё одна осталась сила
Поленьев, кольев и камней.
Безухов притулился к ней.
Его догадка осветила:
«А что, когда...» Но вот толпа —
Толпа бурлящая, крутая —
За-ради шутки мнёт попа,
Всё наседая, нарастая.
Но вот прошёл мастеровой
С доской, утыканной гвоздями,
И чей-то вопль, и чей-то вой,
И чья-то шляпа под ногами.

...Но что за личность в армяке?
Взгляд — англичанина надменной,
Дуэльный пистолет в руке...

Ну вот и свиделись, Евгений.
...Но, лихо описав кривую,
Почти что каменный снежок
В тот миг лицо его ожёг...
— Очки! — и дзынь о мостовую.

Едва живее мертвеца,
Лишённый даже дара речи,
Ушёл задолго до конца
И не слышал уже картечи.

13. ЭПИЛОГ

— Рылов, Коханий, Пистоль, Муравей и Бесстыжий.
Главным у них был Пистоль,
он царю был двоюродный князь,
сын Пугача незаконный, но царь догадался:
граф Аракчеев ему про то нашептал.
Царь тада графу сказал: поезжай, мол, за море,
выбери лучший карабль и за войском плыви.
Ибо Писанье гласит, что Пугач напугает,
семечко даст и оно меня изведёт.
Царь напугался тада, и Пистоля схватили,
в крепость свезли, но товарищи вышли его выручать.
Граф Аракчеев про то намедни проведаль
и через верных людей ружья подменные дал.
Вешали их без креста, но вышла заминка.
Рылов святым был и прежде,
сквозь петлю он трижды прошёл.
Только когда её через ноги надели,
тут уже святость его помочь не могла... —

Так пояснял расстрига в кабаке
Над самолично писанной иконкой,
Где новых пять святых и крест в руке
Над всеми ними в нимбе тучки тонкой.
Рассказ был глуп, но прошибал до слёз.
И кто-то носом шмыгал осторожно:
— Послушай, поп, а я-то в крепость вёз
Бревно с крюками. Замолить-то можно?

.....

А Пьер Безухов среди реки Оби
В таких раздумьях вечер коротает:
Греби, Харон, от берега, греби.
Паромщик, похоронщик, Каратаев.

Декабрь 1975 — лето 1976

Выра

Правка — август 2023

* * *

Оттиск мига в черепке кувшина
Сохранит прикосновенье рук.
Будущее время — та же глина.
Бросим глину на гончарный круг.

Вылепляйся новая эпоха!
Время пачкать руки — глину мять.
Если же эпоха выйдет плохо,
На эпоху нечего пенять.

* * *

Долгий дождичек осенний,
Пожиратель воскресений,
Жёлтых крон печальный жнец,
Да закончись, наконец!

Мокрым рукавом помашешь,
Наши улицы распашешь.
Сеешь сам себя, и что ж?
Ты уже снега пожнёшь.

1977

* * *

Людмиле Всеволодовне Коротковой

Тамбурным не увлекаясь мужским разговором,
Долгим четвёртым десятком вёрст утомлена,
Интеллигентная дама смолит «Беломором»,
Смотрит куда-то сквозь «Не прислоняться» она.
Мчится в просторах душа продолжением взгляда,
Вровень составу и вслед за составом кружит.
Спутников не было, а провожатых не надо.
Лишь огонёк папироски на стыках дрожит.
Вот и прекрасно. Нет встречи — нет и расставанья.
Жизнь сквозь отдушники тамбура дышит в лицо —
Ни берегов не имеет, ни дна, ни названья,
Как проблеснувшее среди болот озеро.

3 июня 1977

* * *

А за окном — ни готики, ни пагод,
Ни штампов на эстампах «De Paris», —
Качалась ветвь замёрзших красных ягод,
И на неё садились снегири.

Но я-то знал, что где-то за морями —
Почти такой же дом в другой стране:
Там пагоды висят в оконной раме,
А эта ветка — в рамке на стене.

И на неё глядит, должно быть, кто-то.
Глаза отводит медленно, с трудом.
Но старится любительское фото,
Желтеет, выгорая, унибром.

А человек с собой никак не сладит.
И так проходит день, неделя, год.
Снегирь взлетел. Он никогда не сядет.
А ветка в рамке всё чего-то ждёт.

1977

КАРТОТЕКА ПУШКИНСКОГО ДОМА

Пристрастье к собственным корням.
А в картотеке свет нерезкий,
И строго на учёных дам
Из рамы смотрит Модзалевский.

Расслаиваю букву «Ч»
При электрической свече.

Здесь век прошедший погребён,
В галантном шкапчике спрессован,
По именам перетасован,
Железный, стал бумажным он.

В благоговейной тишине
Идут чины, мундиры, лица,
Тмутаракани, две столицы...
И вдруг — зачем всё это мне?

Зачем мне знать, что там, в начале,
Когда не знаю, что в конце?
Не знаю толком об отце,
О маме и о той печали,
Проплывшей на твоём лице.

1977

БЕЗБОЖНЫЙ ПЕРЕУЛОК

За то, что была на другую похожа,
Когда-то, случайно, всего один раз, —
Влюбляются тоже и сходятся тоже,
И даже причины не помнят подчас.
Но там, где гремит переулок Безбожный,
Вдруг вспыхнет, как свет под трамвайной дугой,
Что жизнь была только лишь слепком с возможной,
Похожей на эту, но всё же другой.

1977

* * *

О. Х.

Скверик против шахматного клуба.
Над планетой шахматной доски
Здесь консервативно и неглупо
Молодыми правят старики.
Ты талантлив. Толькоходишь в пору,
Но подсядет мальчик на скамью.
И легко тебе предложит фору,
И с трудом ты сделаешь ничью.
Он уйдёт в закатанных по икры
Наглых джинсах, в жёваном пальто,
И кольнёт тебя впервые, что
Есть же на земле другие игры...
Шашки, скажем, домино, лото.

1977

КОЛОКОЛЬЧИК С БОНАПАРТОМ

...И столбик с куклой (только медной),
Скрестившей руки на груди,
Такой величественно-бедной,
Что, право, хоть и не гляди...

При треуголке, шпаге, ленте
И непременно сюртуке
Стоит себе на постаменте
Резная ручка на звонке.

Как будто бы и впрямь не зная,
Что стёрся взгляд и даже нос,
Что под ногами Дар Валдая,
А не монмартровский откос,

Что можно взять за треуголку
И язычком о купол бить...
А надоест — сослать на полку...
Умели ж предки не любить!

Необходимо у капрала
Отнять полмира. А потом
Необходимо из металла
Соорудить его шутом.

Пусть Бонька позовёт Глафиру.
Пусть громче позовёт, злодей!
И венценосный чудодей
Гремит на целую квартиру.

1977

* * *

Как мамина рука
В сатиновый рукав,
Уходит вверх река,
Смыкаясь в берегах.
И так же на реке,
Где осыпь островка, —
Две оспы на руке
В отметилах песка,
И так же в ручейке
(На пальце поперёк)
Щекочущий в зрачке
Ныряет перстенёк.
Поверил бы — и впрок
Припал к реке щекой,
Когда б не холодок —
Живой, да нежилой.

1978

ТАНЦЫ В ТАРУСЕ

Летних сумерек истома...

Межиров

После сумерек потёмки,
Пахнущие резедой,
Беспросветный зуд подёнки
Над умершею водой.

От реки ведут ступени
К Дому отдыха, и там —
Грязный гипс, лихие тени
Да скамейки по углам.

Точно пальцем в ухо давит,
Тычет в нас магнитофон,
Дома бывшего фундамент
В танцплощадку превращён.

Призывают веселиться
Фрески из «Ну, погоди!» —
Эти блики, лики, лица,
Лица, господи прости!

Так пускай, не выцветая,
Как не позабытый стих,
Ариадны нить живая
Нас с тобой ведёт сквозь них.

29 июня 1979

* * *

Д. С. Л.

И снова гарью к потолку
Алхимии алмаз.
Рифмую «Слово о полку»
В четырёхстопный раз.

Но всё молчат мои князья,
Как перед толмачом.
И отомкнуть их речь нельзя
Ямбическим ключом.

«Ты сам, мы сами по себе,
И твой язык — не наш!»
И тает в грифельной гульбе,
И брызжет карандаш.

Нестройный этот хор един
(Впервые, может быть):
«Что знаешь ты, простолюдин,
Как смеешь ты судить?»

Что ж, в наших силах до конца
Продолжить разговор:
«О князь, как звать того певца?»
И князь ответит: «Вор».

19 ноября 1979

* * *

Не мигая, как будто в гляделки играя,
Друг на друга глядели два Николая.
Один с крестным знаменьем.
Другой с красным знаменем.

Тот прилежно выписан богомазом
В неподвижности строгой.
Этот в миг остановлен полковым фотоглазом
Перед дальней дорогой.

Век проходит. Один Николай всё темнеет,
А другой выгорает.
Век проходит. Хозяйка-старуха стареет,
Пыль с обоих стирает.

Но резки и суровы по-прежнему лица:
Спор за землю и небо
В тихой горнице той напряжённо и немо
Громыхает, клубится.

* * *

Все грядущие печали
На конце карандаша.
Зрит неизвестные дали
Дальнозоркая душа.

И предчувствуем до срока,
И тревожимся, когда
Понемногу издалёка
Приближается беда.

А потом острим за чаем.
(Интуиция — враньё!)
И беды не замечаем
За мгновенье до неё.

1979

* * *

Из почтового потом
В деревянный ящик.
Ну да отпоёт местком
Всех, сюда входящих.

Тот же воздух испитой
Обожжёт у входа,
Точно перед номерной
Проходной завода.

Кумачом течёт металл.
Ночь кострами вьётся.
А за то, что век молчал —
Вечность выть придётся.

1979

ХОДАСЕВИЧ

Этот век ему не пара.
Даром, что над мостовой
Встал он на краю бульвара
С непокрытой головой.

Пройдено чистописанье.
Мутная сомкнулась твердь.
Впредь — ловить его дыханье,
Задыхаясь, кашлять впредь.

И в предвестии разлуки
Здесь, на площади Сенной,
Вслед за Блоком комкать руки
Над обугленной строкой.

Ты просей словарь, как просо,
Через сито языка.
Ты вскипай, крутая проза,
В чугулке черновика.

25 июля 1980.
Смерть Высоцкого

ПРИСТУП

То ли снег за стеклом падал вниз
Мимо глаз, то ли мы возносились, —
Вот и вышла душа на карниз,
И на жести следы растворились.

И покудова тело моё,
Заоконное, глухо дышало
И, храня направленье своё,
Ни живо ни мертво — устояло,

Вся в сомненьях, как будто жена
По дороге из дома чужого,
С кем-то третьим решала она,
Обсуждала, вернуться ли снова.

3 апреля 1981

АВИАТОР

Умастив золотым вазелином
Незакрытые части лица,
Авиатор Васильев над Клином
Государство читает с листа.

Точно в сказочке детской над всеми
Он дозорно сидит, высоко
И ветрами сгущённое время
Нарезает на дольки легко.

И как будто прочерчена круто
В параллель горизонту черта,
И хотя пролетела минута,
Мимо уха летят почему-то
Лихолетья, столетья, лета.

Осторожней, поручик Васильев!
Осторожней, кому говорят!
Ну как этой игры не осилив,
Долбанёте сейчас аппарат?

Вашей крепкой машине фанерной
Не по крыльям сия синема:
За бортом год 10-й, двумерный,
Не сходите, поручик, с ума.

Пахнет облако керосином,
А небесные кочки золой,
И не надо пророчеств над Клином
И фантазий над бедной землёй.

Ну почудилось... Ты ж не в убытке,
Рекордист, и кумир, и герой —
Точкой в небе, штрихом на открытке,
В юбилейном буклете строкой:

Мол, во времени полубылинном
Ровно в три пополудни часа
Русский лётчик Васильев над Клином
Видел город, селенья, леса.

9 марта 1981

ТАРУССКИЕ ЯБЛОКИ

заговор

I

Слово наливалось светом,
словно яблоко на ветке,
но при этом
становилось
горше,
злее,
зеленей.

Мы ушами искушали
певчих птиц,
мы разрешали
солнцу двигаться над нами,
так ему и говорили
поутру:

ступай себе
над полями
(и над нами),
над ручьями
(и над нами),
над горами
(и над нами),
и над лесом,
и над логом,
и над завтрамом!
Мы трепали
языками,
засыпали,

забываясь в ослепленьи
первого луча дневного.

Наливалось светом слово.
В полдень яблоки гремели
как могли
по скату крыши.

И одно о подоконник
разбивалось.
И другое
расшибалось о скамейку.
Третье бултыхнулось в бочку
и пошло на дно спросонок.
Вынырнет — ну что ж, съедим.

А четвёртое втыкалось
в перевёрнутые грабли
и будило нас. И крестик
ты в траве похоронила.
Не нашла и не сказала
мне об этом. И ребёнка
понесла тогда. И тоже
не сказала.
Разве правда,
что любил я не тебя?

II

Этот косогор тарусский —
узкий берег над высокой,
над широкою водой,

эта стереофония
двух соседских танцплощадок,
эта ёлка, что бросала
тень сырую на участок
и за то была однажды
приговорена хозяйкой
к медленной стоячей смерти
при посредстве топора.

Мы не плакали — смеялись.
Наливалось солнце светом.
Мы не знали в это лето,
что при яблонево́й кроне
нашей, — тоже был положен
ритуальный топорец.
А зимой сады помёрзли.

III

Ночью — ветер, ночь и грозы.
Днём — жара, река и ветер.
Ночью — речи, очи, плечи,
а потом — река и ветер.
А потом и жар, и ветер.
И опять — река и ветер.

IV

Этот трогательный трагик
и изрядный старожил,
наш хозяин,
поделился

как-то раз соображеньем
о круговращеньи плоти.

Он
в Тарусе
на террасе
говорил нам:
«Эти корни
ни дерьма, ни химикатов
не знавали до сих пор.

Тут над нами есть могила,
в ней лежит Смирнов-Агатов,
знаменитый в прошлом тенор,
а когда-то был погостом
городским
весь косогор».

Помнишь, как ты подавилась
брызнувшим в тот миг наливом?
А хозяйка утешала:
мой хозяин пошутил.

V
Этот яблоневый сад
на костях любви нашей
не прилепится назад,
отлетевший и опавший.
В городе родном, чужом,
по совсем иной причине
выкорчуем да сожжём.
Дым развеем по кручине.

И московскою тропой
мне по звёздам крупной соли
в дворницкой ночи доколе
всё своё носить с тобой?

VI

Господи,
ветку за яблоко тянут
ниже и ниже — ближе к земле.

Господи,
годы, наверное, встанут
в прахе, в золе,
в страхе, во зле.

Господи,
дай нам ещё протянуться,
дай же руке дотянуться, доткнуться
в этом саду, в домашнем аду,
Господи,
скоро уж дети проснутся,
я их с побывки домой поведу.

VII

Отпускать тебе грехи —
значит отпускать на волю.
Я тебя не отпускаю.
Я замкну тебя в стихи.

Хорошо ль тебе в строке
хореической живётся?

Много ль места остаётся
в семизначном уголке?

Я замкну тебя одну
навсегда во время оно,
шнур глухого телефона
между веток протяну.

21 декабря 1981

* * *

Ещё ты и не называлась женой
Моей, а тем паче — чужой,

Ещё мы ни лучших, ни худших времён
Не знали, ни детских имён,

Ещё... впрочем, это почти что уже
Был куплен пакетик цветного драже,

Разорван, рассыпан по Трубной
Размолвкой первой, не крупной.

* * *

...И семя своё разбросав по земле,
отправимся дале.
И детям следить за тобою во мгле
в недолгой печали.
Ещё не смутился покой на челе.
Прокуренный хлеб зачерствел на столе.
Мы всё это знали.

Ты помнишь, душа примеряла судьбу?
Далёкое лето...
Дыхание матери тает на лбу,
и душно без света.
Но будто бы вдруг пробудили трубу,
и ты, перед сном закусивши губу,
увидел всё это.

Зачем мы заранее знаем сюжет,
не ведая цели?
Как будто иных откровений и нет
на самом-то деле?
К чему осознание немислимых лет,
зачем в изголовье осмысленный свет,
как сон у постели?

1982

НЕВЕСТА

КОНСПЕКТ ПОЭМЫ

За три месяца до декабристского восстания семёновский поручик Константин Чернов стрелялся за честь сестры с флигель-адъютантом Владимиром Новосильцевым, которому мать, урождённая графиня Орлова, уже после помолвки и обручения запретила жениться на девушке не их круга. Секундантом у Чернова был Кондратий Рылеев. Оба дуэлянта после поединка скончались. Похороны Чернова стали первой в России политической манифестацией.

Сюжет сентиментальной драмы
Был в жизнь перенесён. Эраст
Приедет, не спросясь у мамы,
И влюбится, и клятву даст.

Красавица не виновата.
Он примет вызов через год.
Убьёт её родного брата
И сам в шести шагах падёт.

Шла перемена направлений
В искусстве. Поединка пыл
В тот год воспеть сумел бы гений.
Он был, да только в ссылке был.

Другой поэт светло и вяло
Взмыл в романтическую высь:
Эрасты! Вам крестьянок мало.
Вы за дворянок принялись!

В невидимом венце терновом
Он апеллировал к штыкам:

Клянёмся честью и Черновым!
Вражда и брань временщикам!..

С нравоучительною целью
Оповестил: повинен царь,
Строй, спесь... Над этой же дуэлью
Слезу роняет государь.

А где-то и без слов крылата
Всё не утрёт её рука
Кровь брата на мундире брата,
Кровь на груди у жениха.

...Того царя отпела вскоре
Картель. Романтик был казнён.
Что — рядом с общим — чьё-то горе?
Чужачество усмотрят в нём,

Когда казённые кларнеты
Подсвистывают на плацу,
Когда плеснёт из-под кареты
Тюремной жижей по лицу,

Когда верёвка оборвётся,
Но вновь прикажут запрягать,
И Лунин бодро улыбнётся:
— Своих бастилий нам не брать!..

Те судьбы озирая вместе,
Историк ищет общий план,
И вот не вспомнят о невесте
Ни Щёголев, ни Эйдельман.

Но что ей — общая утрата,
Что этот перечень, пока
В крови мундир родного брата,
Сюртук венчальный жениха.

...Как странно, не меняя позы,
Грядущее припоминать,
В объятая натуральной прозы
Бедняжку передоверять.

А может, мы и вправду слишком
Литературой увлеклись?
Что делать! По журнальным книжкам
В тот век влюблялись и дрались.

Завидный жребий — с пистолетом
Стать супротив временщика,
Но веселей одним куплетом
Взметнуть мятеж его полка.

Мука особого помола,
Вино изысканных кровей,
Четырёхстопная крамола —
Краёв полночных соловей.

И кто-то знал за суматохой
Нелепых казней и потрав:
Художник, спорящий с эпохой,
Всегда оказывался прав.

И по указу государей
Стихи задолго до суда

В делах секретных канцелярий
Вымарывались без следа.

...Те под землёй, те — за Уралом.
Тот век — иные времена.
В замужестве за генералом
Всё реже плакала она.

И пусть меня толкает рифма
К её судьбе. Я — не о ней:
Кровавей греческого мифа
Античность родины моей.

Но как светла! Лучом, текущим
К тем кущам с этих вот низин.
— Прошедшее грозит грядущим.
— О, не пророчьте, Карамзин!

1978–1982

* * *

Александру Аронову

В юности сыро и стрёмно.
В пространстве её холостом
Неправдоподобно-огромно
Зиянье в зените пустом.

Пресечена пуповина.
Рот отъят от сосца.
Ещё ни жены, ни сына.
Ни матери, ни отца.

1982

МАРЦИАЛУ ИЗ РИМА

Если выпало в империи родиться...

И. Б.

Через десять лет в гирлянде дохлых мидий
свиток выплюнет понтийское зеркало, —
узнаю твой лик, блистательный Овидий,
под прозрачным псевдонимом Марциала.
Скоро осень? А и вправду листья гонит
подзаборным сквозняком столицы нашей.
Цезарь здравствует. Соратников хоронит.
Обжирается, как прежде, манной кашей.
Под стеною он одной ногой — в могиле,
а другой, как Александр, в Афганистане,
в той же Ливии, где нас опять побили:
оттого и небогато с новостями.
Как там дышится тебе вниз головою?
Кто латынь твою улыбкой привечает?
Врут в Сенате, что грозите нам войною.
Врут сивиллы, что броня на нас крепчает.
Колесницу третьеримскую за дышло
не ухватят ни гельветы, ни языги, —
где уж им! Живут как люди. Раз так вышло —
позабудем ближних варваров языки.
В метрополии покуда всё спокойно.
Громыкает только в метрополитене —
ну да нет такого слова! — и на кой нам
тех гусей дразнить на внутренней арене?
Всё-то кукиш на прогорклom монориме
приближаем к византийским абсолютам —
как там в Риме? — позабыл ты, как тут в Риме?

Ave, Caesar, morituri te salutant!

И гниют себе топорики в тростинках, —
нива выжженная не заколосится,
но боюсь: зазеленело на суглинках.
Ждать недолго — завопит, заголосится.
Тут у нас полно небитой молодежи.
Ходят списки по рукам твои, и это,
если верить прорицателям, похоже —
хоть и малая, но добрая примета.
Собираются волчата вечерами,
завывают что-то на ухо друг дружке,
и хотя стишки трезвы (что между нами!) —
разве заговоры лучше, чем пирушки?
Есть свобода заунывная в напевах,
есть пиррихии в гекзаметрах — и ладно,
не марать же лист! — а вот поэтов левых
не люблю: хоть смело пишут, а нескладно.
Свиток мой — головоломка правоведа.
Да пойдди найди: не в тартар скроюсь — в табор,
вон и ветвь в окне не знает права вето,
оживает, несмотря на вечный ...тябрь.
Анаграммой припечатав, утром новым
отойдёт ко сну твой аноним нетвёрдый...
Кстати, индекс в Риме перенумерован:
вместо Третьего велют писать Четвёртый.

Март 1982

ИЗ АЛБОМА

ПАШКА

«Алло, Гутионтов!..» — «А он на топтушке. Звоните». Звоню. «Он верстается». Перезвонил. «Извините, Он выбежал...» — «Вышел?» — «Нет, шапка на месте...»
Звоню.
Раз сорок на дню. И сбиваюсь. И снова звоню.

Апрель на носу. И декабрь. Наказанье такое...
«В отделе?» — «Внизу. Вы по делу?» — «Да, что-то такое...»
Ага, объявился, не зря ж я тебя обругал...
«Чего тебе надобно, старче?» — «Стишок написал».

«Большой?» — «Восемь строчек...
Впечатан в набухший суглинок...»
«Погромче. Здесь автор!» — «Подтаявший к вечеру лёд...»
«Донецк вызывает!» — «...Проблема промокших ботинок
Опять перед нами встаёт...» Гутионтов орёт

Сквозь топот печатных машин и печатных машинок,
Поверх телетайпов, засылов, «квадратов», «картинок»,
Чтоб трубку не клал... Послезавтра в газете прочту,
Что он отлучился. На пару минут. В Элисту.

Послал же Господь мне приятелей! В мыле и спешке
Проходит их век заводной. Позвонить бы Олежке...
Он тоже в газетах, поскольку известный поэт.
Но нет его дома. И дома-то, в сущности, нет.

«Алло, Гутионтов!..» — «А он на планёрке». С галёрки
Слежу за игрою друзей. И делю их восторги.
И фрукты кидаю в помрежа. И режу цветы,
И сам не пойму, что б я делал без их суеты?

НИНА

Монте-Карло, Монте-Кристо... —
Это ветер в голове,
А пока что интуриста
Нинка водит по Москве.

Третьяковкой и «Берёзкой»
Этот город знаменит,
Здесь на площади на плоской
Классик бронзовый стоит,

Тут на улочке на узкой
Всё, что хочешь для души:
Хочешь — семечки полузгай,
Хочешь — «Барыню» спляши.

Ах, замах у нас вселенский...
Возвращаешься без ног
В переулочек Обыдёнский,
В коммунальный свой чертог.

Есть для пудры умывальник,
Для усталости — халат.
И сама себе начальник,
И отец, и старший брат.

И промокшая, как ветка,
Как под ливнем летний луг,
Образцовая жилетка
Для знакомцев и подруг.

Поостыть бы только нервам,
Продышаться бы душе,
Всю-то жизнь прожить на первом —
Вровень с жизнью — этаже.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬ

Андрей Петрович Трѣзин,
чего повесил нос?
Зачем ты не любезен
и на пиру тверѣз?

Вольно ль тебе на этих
просторных берегах
да в трѣхсаженных клетях,
неструганых гробах?

Тепло ль тебе на службе
у батюшки Петра
да в Меншиковой дружбе,
в болоте у костра?

Земля у нас богата
железом и пенькой,
а если брат на брата,
то каждый брат — герой.

А если бунт случится,
и вспучится волна,
и море накренится —
твоя ли в том вина?

Доменико Трезини,
гляди попроще: здесь
в заморском дворянине
всего заметней спесь.

Проныры да придурки
попрыгают в графья —
ногтём по штукатурке
пройдёт твоя графья.

Хотя охрип до тех пор,
покуда не прозрел:
российский архитектор
и бессловесно смел.

Одна беда — нелепость,
противная уму:
ты станешь строить крепость,
а выстроишь тюрьму.

Ты выведешь каналы —
венецианский ряд,
но выберет канавы
светлейший казнокрад.

Ещё не раз закроют
лепниной и землёй,
построенное сроят,
но этот город — твой.

И слава, и проклятье
положены Петру,
а ты в голландском платье
незримый на ветру,

дабы в ином колене,
не ведая родства,

с тетрадкой на колене
твой внук слагал слова:

зело небесполезен
среди северных равнин
Андрей Петрович Трезин,
российский гражданин.

1983

* * *

Ничего мне от тебя не надо.
Объясняю и тебе и всем:
Ничего мне от тебя не надо.
Только-то тебя и насовсем.

Эту пошлость проглотив послушно,
Даже не прибавишь ничего.
Ничего и от меня не нужно.
От меня не нужно ничего.

* * *

М. О.

Эта слабая тень в слишком позднем окне
с неуклюжим изломом куда-то вовне,
эта женщина, тонкая не по летам,
это та, что над нами на краешке, там,
та, с которой не спать, разве только что спеть
ти-та-та, та, которую встретил бы впредь,
не узнал бы да хмыкнул — и которую тут
вертихвосткой зовут и монашкой зовут,
та, что манит ладошкой, а словно крылом,
чьи грядущие лжи и обиды в былом.

ПИТЕРСКИЕ СТРОФЫ

Пойдём же вдоль Мойки...

Кушнер

— Айда? — Туда? — Ага, туда,
Не всё ж нам на печи
Жевать столичные года,
Тверские калачи.

Я начал: «И...» — и тут же ты
Попала в шаг: «...светла!»,
И просияла с высоты
Она из-за угла —

«Адмиралтейская...» — смотри,
Какая глубина!
«...игла» — двусложных две петли,
Кораблик — два крыла.

Куда? О да, туда, к реке,
Где оду треплет ветер,
Где даже в бронзовой руке
Хитрит российский метр.

И гибкости, и воли в нём
Не боле, чем в судьбе,
Эксплуатируя приём,
Он вторит сам себе:

Реминисценция слепа,
Но выдаст медный звон —

Александрийского столпа
Классический пеон.

Куда? Вдоль пристани веков
Внимательно сличать
Прямоугольных сквозняков
Чугунную печать.

Куда? На ветреный канал,
Где резвый философ
Псевдоморфозой обозвал
Всех этих львов и псов.

Айда вдоль кушнеровских строф.
...сначала, но потом,
Не тратя времени и слов,
Давай-ка повернём

Там, на сенатском вираже,
Где пляшет под баян
Анри Луи Огюст Леже
Рикар де Монферран.

(Хозяин скажет: «Москвичи —
Недаром москвичи!»
Но, не переча, промолчи,
Мы всё же москвичи!)

Вон у расстриженных оград
До срока вписан в план
Лихой трёхмачтовый фрегат,
Дешёвый ресторан.

Знать, Азия уже и здесь
Цыганкой во плоти
У трапа станет в душу лезть,
Шептать: «Позолоти!»

Айда! Мне тоже нужно знать,
Придётся ли и впредь
На этой гуще погадать
Да ложечку спереть.

Айда, любимая. Скорей,
Пока не лопнул трос
И это чудо с якорей
Само не сорвалось,

Покуда Саша с Леной ждут,
И Миша с Леной ждут,
И Вовка с Ленкой здесь живут
И в гости нас зовут,

Покуда и земных-то миль
Негусто за спиной,
Покуда режиссёр Мотыль
Хлопочет под стеной,

Возводит струганый чертог.
(Кино и есть кино!)
Но мстится — подведён итог,
И, право, не смешно.

Как заплетается узор,
Хитёр и деловит:

Экскурсовода сирый взор
И близорукий вид,

И тот собор, и тот раствор
Тебя в моей крови,
И тот, с кем я двойным родством
Мгновенный визави...

Пойдём! Пока ещё вдвоём,
Коли охота есть —
Пойдём. Узнать ли нам о том,
Что сбудется? Бог весть.

Пойдём не в ногу и не в такт,
Но всё-таки пойдём.
А если что-то там не так —
Потом, потом, потом.

1983

ВЫРИЙ

Вырий — рай древних славян.

Выра — село между Лугой и Петербургом.

Когда над Вырой облака
Удерживал я над тобою,
Не опрокинув их, пока
Не грянули они бедою,
Когда, бессилён побороть,
Я продышал всего лишь с ноготь
Зрачок и ледяную плоть,
Рот ободрав, успел потрогать, —
Увидел не тебя, мой свет,
Но краем, самым краем зренья,
Тот край, где почему-то нет
Разъятия и разлученья.

1983

ВЫРСКАЯ СТАНЦИЯ

СТАНСЫ

Выра была третьей почтовой станцией от Петербурга по Минскому тракту. Выриным назвал Белкин своего зрителя; гусара-похитителя нарёк Минским. Знакомство Минского и Дуни происходит в доме, который в начале XIX века, перебираясь в Батово, уступил под станцию полковник Фёдор Рылеев. Рядом, в ганнибаловской Суйде, в конце 1798-го вынашивала дитя супруга помещика Сергея Львовича Пушкина. Мальчик появится на свет в мае 1799 года. К этому времени Пушкины уже переедут в Москву.

В первые годы XVIII века отсюда, из любезного ему Рождествена, бежит в Италию царевич Алексей. Зато вскоре приезжает и селится на Зарецкой мызе первый архитектор Петербурга Доменико Трезини.

Через век в имении его потомков начнётся трагический роман юного флигель-адъютанта с семнадцатилетней красавицей Катей Черновой. Дело закончится самой громкой дуэлью первой четверти XIX века. Но самая тайная дуэль тех лет произошла, как полагает другой здешний житель, в том же Батове: в мае 1820 года сосланный на юг Пушкин сделает остановку в Выре и вызовет Рылеева на поединок (тот, поверив сплетне Толстого-Американца, видимо, громче других кричал: «Правительство сечёт наших лучших поэтов!»).

Если Пушкин, как обычно, стрелял в воздух, то оредежское эхо этого сюжета откликается в «Выстреле».

Набоков, сочинивший эту версию, так и не узнал, что хранящиеся в моей семье записки композитора Константина Николаевича Чернова (1925 год) подтверждают его гипотезу о батовской дуэли Пушкина с Рылеевым. Черновы, соседи и родня декабриста, не зная причин того поэтического поединка, и через век помнили о самом факте дуэли. Так потомки рылеевских крестьян до сих пор показывают в укромной батовской аллее на берегу Оредежи Пушкинский камень. («Почему Пушкинский?» — «А тут Пушкин сидел».)

В 1912-м Кузьма Петров-Водкин напишет картину «Купание красного коня». На ней отрок, очень похожий на тринадцатилетнего сына вырского помещика Владимира Дмитриевича Набокова. Ну и полоска красного берега за плечом отрока — поклон В. Сирину от С. Вырина.

И в Оредежи рѳскошное пойло...

Рылеев. Надгробная Рыжку

I

Выявлено. Выбелено чисто.
Свежая разломлена тетрадь.
Здесь, почти в именье декабриста,
Пристрастишься лето летовать.
Рассуждать с хозяином о старом,
Всѳ искать решительный изъян
И листать затрѳпаный недаром
Некий краеведческий роман.

Мальчик бродит по лугам.
Холодно его ногам.
Мальчик всѳ запоминает.
Мальчик завтра уезжает.
Лето кончено. Прощай.
Перерезан каравай.

II

XIX-й, зело болезный,
Уходил дорожкой продувной.
Но качалась колыбель над бездной,
По-над пѳстрой парковой травой.
А пока спелѳнутое лето
Лишь коснулось краешка стола.
Имени опального поэта
Млечная черѳмуха цвела.

Предки жили у реки.
Бунтари. Крепостники.
И не чьи-нибудь — его.
И не чьи-нибудь — твои.
Так-таки и никого
Ты не встретишь у реки?

III

В ту экологическую нишу
Однажды потянешь всех своих.
Валентина Дмитриевича, Мишу,
Жору, Пашу, Машу и иных.
Вова с Олей кинутся с порога.
Вова с Леной сядут на порог.
Господи, да как нас было много!
Всех сюда и втиснуть я не смог.

Ах, как странно в двадцать пять
Родину приобретать,
Узнавать в чужом лице
То, что в матери-отце
Ты навеки затвердил,
Да, наверно, позабыл.

IV

Рамкою вину свою оправлю...
(Смех и грех, а вырвалось само.)
К берегам иным письмо отправлю,
То, с нелепым адресом письмо.
И покуда адресата ждали
Мы по эту сторону земли,

Почтари письма не потеряли.
Просто слишком поздно принесли.

По чернильным капиллярам
Чёрной пастой, белым паром
Переписывай судьбу
Тех, которые в гробу.
Мыслью, мышечным кошмаром
По чернильным капиллярам.

V

Между тем не канувшее лето
Шло поодаль от твоей судьбы.
Мальчик первых два сложил куплета.
После дождика пошли грибы.
Улыбался бритый император.
Либеральный бант отец вязал.
И почтовой станции диктатор
Трюхал пешедралом на вокзал.

Дух фиалковый, грибной,
Палых листьев пережной
Заглушает двух империй
Бритвенно-свинцовый дух.
Вдохновенных суеверий
Шепоток — тревожит слух.

VI

— Балуйте детей своих побольше,
Балуйте детишек, господ.
Вам не ведать, что там будет дальше —

Красный берег. Быстрая вода.
Толку чуть и в праведном запрете.
Только чуть прикрикнешь — погляди! —
Махаон на ветхом парапете
Крылья свёл на бархатной груди.

Ничего ему от нас
И не надобно сейчас.
Бродят тени в бывшем парке.
Захлестнулась нить у Парки.
А повешенный в аллее —
Утра серого бледнее.

VII

Ну ещё какая там провинность?
Что за новый подвиг? Что за страсть?
Или тяжкая необходимость
Динамитом ограничить власть?
Нет, недаром лужские равнины
Насыщает Красногорья ток.
Из-под коренного комья глины,
Красной глины бьют о передок.

Лучше бы совсем не это —
Жить до нового рассвета,
Всё запомнить, записать,
Детям, внукам рассказать...
Но — записано в программе:
«...не мужьями, но мужами!»

VIII

Детский мир пружинных пистолетов,
Оредежи беспокойный ток.
И опять к концу подходит лето.
Ну ещё, ещё один глоток.
Бабушкино Батово пылает.
Пятипалый лист припал к тебе.
Два глотка, но этого хватает.
В остальном доверимся судьбе.

Наступает старый год.
Мать выходит из ворот.
Может статься — за грибами.
Может статься, что за нами
Мать выходит из ворот.
Наступает старый год.

IX

Окликать и заклинать былое
Кто тебя втравил, цитатчик, вор?
...складываю вчетверо и втрое
Мнемозины памятный узор.
Между станцией и магазином,
Как взаправдашний мемуарист,
Потакая танцу Мнемозины,
Закавычиваю этот лист.

1983

* * *

В случае главной утопии...

Твардовский

Вылепился — доверяйся же обжигу.
Нет, перетрушу и вместо того —
Ткнусь под крыло ленинградскому дождику
Лбом потереться о струи его.

В случае главной и прочей утопии,
В случае личной и прочей беды,
Сквозь те вокзалы, зеркальные копии,
Как в зазеркалье, провалишься ты.

В белую ночь беспричинно ослабиться,
Снова и снова кружить по друзьям,
Там, где слезам ещё верят, — обабиться,
В детство вернуться. С грехом пополам.

1983

* * *

Серый, розовый, лиловый
пятьдесят какой-то свет.
Дышит кашею перловой
гладиолусов букет.

Я ребёнок, я счастливчик,
у меня цветущий вид.
— Испеки ещё куличик! —
нянька сверху говорит.

Я пеку его, куличик,
я пеку его, пеку.
Перекручен детский лифчик,
пятка где-то на боку.

Оттого и не печётся,
что в песочнице печёт.
И затем она печётся,
что песок ручьём течёт.

Он течёт да натекает,
подпирает под грибок,
он старуху замечает,
а меня относит вбок —

и стоять мне на песочных
на текущих на часах,
строить из песка в песочных
крупноблочных облаках,

там, где цепкая старуха
в сером платье под зонтом
смотрит пристально и сухо
за вручённым ей внучком.

Начало 1980-х

NB. Году в 1979-м композитор Григорий Гладков, познакомившись с Берестовым, решил спросить у него что-то самое-самое, но вместо этого вдруг брякнул: «Валентин Дмитриевич, а почему в словах Сталин и Сатана все буквы одинаковые, а «л» — лишнее?» Берестов сдвинул очки на нос и ушёл в себя. А потом вскинул детские, но в тот миг очень серьёзные глаза, и сказал: «А потому что Сатанаил!»

Кажется, это не пришло в голову ни одному из раскулаченных старообрядцев. Иначе за эту кличку давали б срок, и вся страна её знала.

Уже в начале перестройки Берестов на своей кухне читал нам с Ниной Коротковой свои стихи, написанные в 46-м (себе на восемнадцатилетье) и опубликованные ещё при жизни Сталина то ли в «Огоньке», то ли в «Смене». Стихи были про советскую молодёжь — звонкие и оптимистичные. После строчки «чтоб стали настоящие преграды...» мы, с Ниной, не сговариваясь, ахнули: «Что?..» Он замер на мгновение. На чело навернулся пот. Прошептал: «Боже... Если бы тогда кто-то это заметил...» И впрямь молодой поэт прошёл по лезвию. На слух звучит: «...Сталина стоящие преграды...»

* * *

О. Г.

С популярного издания
У психолога Леви
Утяну в одно касанье
Рифму новую к любви.

Положу полупрозрачный
Лист на пёстрый переплёт.
Светлый колер стихнет. Мрачный
Сквозь бумагу протечёт.

Мы пером его не тронем.
Мы ещё в своём уме.
Мы о светлом, о стороннем
Побеседуем в письме.

Начало 1980-х

РЕЩИКОВ ПЕРЕУЛОК

Б. Ш. О.

А посредине тех пятидесятих
И я гулял на тех ещё Арбатах.
Отцу по службе вышел перевод,
И вот в полуподвальной коммуналке
Не ведаю ни горя, ни забот.

В дверном проёме подрастают риски.
Сосу свои московские ириски,
Здоровуюсь с соседями чужими,
Сместилось что-то в паспортном режиме.
Заходит дядя-милиционер,
Но стоптан снег на мартовский манер.

Какие времена вокруг и возле!
Потом пойму и осознаю после
Поленницу в поленовском дворе,
Уложенную, может быть, Глазковым,
А мне четыре, и на той заре
Дружу с Барто, Чуковским, Михалковым.

Но излученья лирики тех лет —
Ещё неназванный, уже нездешний свет.

ВЛАДИМИРСКАЯ

Прилабунится, ища защиты
У щеки младенческой щекой,
И иконописные ланиты
Озарятся краскою земной.
Как ты им втолкуешь, бестолковым,
Что и мыслью можно исколоть
Эту плоть, наполненную словом,
Светом заморожённую плоть?
Он дитя. И может быть, не знает,
Для чего пришли, чего хотят.
Но сама его не отстраняет,
И сама не опускает взгляд.

1–5 сентября 1984

* * *

Страшно снежинке лететь на ладонь.
Страшно ладони к огню прикоснуться.
Страшно огню... Но при чём тут огонь?
С третьей же строчки ты стал повторяться.

Фигу в кармане, кулак или горсть
Лепишь из пальцев — слетают метели,
Напоминают: ты гость, просто гость
В собственном доме и в собственном теле.

Что ж на пороге стоять? Переход.
Выдох — ещё переход. Не старайся
Выучить, вымучить всё наперёд.
Дома нам скажут: располагайся.
Передохни. Впереди — переход.

1984

* * *

Не то, что мните вы, природа...

Тютчев

Дачная местность конца ноября.
Графика ветра и воли.
Мокрые прутья вокруг фонаря,
что вы, по циркулю, что ли?
Или воистину прав урбанист,
в этом пустом перелеске
соединивший берёзовый лист
с веткой посредством железки?
Или же специалист молодой,
определивший уныло
этот бушующий болью прибор
как комбинат хлорофилла?
Чу! Там и следующий сиганёт
юрким стрекозчиком серым,
на брудершафт попивая компот
с критиком К. и Гомером.
Мёртвым узлом он затянет бразды.
Рифмы — что сальные пятна:
лирика, мол, воспеваньё узды,
мол, выражаясь печатно.
Вроде бы дело моё сторона.
Слишком запущенный случай.
И невидимкою в тучах луна
снег освещает летучий.

1984

* * *

Г. Е.

В виде света разной густоты
На фотобумаге я и ты.

Слишком быстро, как от никотина,
Пожелтеет оттиск негатива.

Видно, не хватило серебра,
Видно, карточку порвать пора.

Видно то, что мы стоим в обнимку,
Ненароком повредило снимку.

Ну а всё, что после мы поймём,
И сейчас проявлено на нём.

УГЛОВОЙ ПЕРЕУЛОК

Переулок заломлен углом. Над столом
Наговорено — не продышаться.
Что ни слово — облом. Повело о былом,
Но и в будущем не продержаться.
С понедельника... Впрочем, сегодня среда...
По часам... Но будильник в починке...
И сличаем, чья толще вина. А беда
Из вины лезет, как из личинки.
«Извини...» — «Извини...» — «Не поставит ли чай?» —
«Может, кашу сперва расхлебаем?»
И опять репетируем слово «прощай».
И не врём уже, но подвираем.

* * *

Чего в карманах только нет,
когда пошарим да поищем:
вот ненадписанный конверт
с вложением многостраничным —
макулатура, чепуха,
потерянный солдатик сына,
листа кленовая труха
и чек из зоомагазина.
...куда идти, когда домой
нельзя? Не просят. Не пускают.
И от обиды за спиной
почти что крылья вырастают.
Чего ты к щёлочке приник:
что день грядущий, мол, готовит?
Он сам возьмёт за воротник.
И обернёт. И остановит.
И выбьешься из колеи,
накатанной вперёд лет на пять,
забыв с утра ключи свои
или лекарство в нос накапать.

Около 1984

* * *

Всего-то уюта —
От часа минута.
Всего-то комфорта —
На кухне конфорка.
Вода кипятится.
Всего-то случится,
Что выпадет блюдцу
Упасть и разбиться.
Всего-то?..
Всего-то тяжёлая птица
В карниз постучится.
...Как мягко ты стелешь.
Глядишь непреклонно.
— Чего ты там мелешь?
— Зелёные зерна.

* * *

В питерском профессорском семействе
Дочери — каникулы в семестре.
Старшая походит на Мурзилку.
Ласково потреплет по затылку.

Ужин в честь столичного актёра
(Бузотёра, вора и невежды).
Младшая посередине спора
Детские свои сощурит вежды.

Старшая... Но стоит ли стараться,
В жизнь чужую проникая вкратце,
Уплывать по тем волнам всё дальше
Под улыбку Даши и Наташи?

Далее — влюблённостью заплатим,
Этой монеткой самой лёгкой,
Но о чём, о ком мы там заплачем,
Поперхнувшись фразой неловкой,

Но зачем сюда мы заходили,
В честь какого кораблекрушенья, —
К Даше и Наташе не имеет
Ровно никакого отношенья.

Нуте-с... И гуляй, танцуй от печки
Этой вот профессорской, и дальше
По Торжковской улице, вдоль речки
Чёрной-чёрной и под снегом даже.

1984

* * *

Назначу глиной первый снег,
А мрамором — лёд новогодний.
И царство на берегах трёх рек
Поставлю на песке за Сходней.
А поздно вечером вернусь
И, оглушён домашней ссорой,
Всё буду думать: ну и пусть,
Ведь я же тот, другой, который...

РАСПУТИЦА

Вадиму Черняку

Снег шершав и рассветы корявы,
Но уже оскользается взгляд,
Потому что из каждой канавы
Небеса не мигая глядят.

Вдвое глубже, и выше, и шире,
Ибо вся отразилась в реке,
Города, что штыки, растопыря,
Ты вот-вот воспаришь налегке

Не мотором стальным дребезжащим,
Не пропеллером — смертным винтом,
Над прошедшим и над настоящим,
Над звездой своей и крестом,

И не тройкой — червонной тачанкой,
Ведь не зря по углам берегла
Эти кровли, пернатые дранкой,
Безъязыкие колокола.

Ну так в путь — над солёной и пресной,
Над слезящейся талой водой,
Поднебесная — станешь небесной,
Золотою утрёшься зарей

Над прибрежной строкой краснотала,
Где надёжная в пролежнях грязь,
И над всеми, кого ты заспала,
Грузной грудью на грудь навалясь.

В карауле архангельской стражи
Как живые склонились они,
А иначе нельзя же, нельзя же,
Потому что последние дни,

Потому что крылатая почта
Раззвонила на все голоса,
Что водою пропитана почва
И текут по земле небеса.

29–30 августа 1984

НЕЖИЛОЙ ФОНД

* * *

Веточка вены на левом виске,
Слабая, с временем накоротке,
Тонкая под суховеем ветла,
Светлая, но и под гримом светла,
Словно кому обещалась светить...
Прядью не спрятать, косынкой не скрыть,
Малая речка нездешних полей,
Так и не ставшая жизнью моей.

10 октября — 9 ноября 1985

* * *

Л. Б.

Машинист и сам не знает,
Что везёт тебя ко мне,
Стрелку к стрелке подбирает
На железном полотне,

Веко к веку прилипает,
Но вот так и на часах
Стрелка к стрелке приникает
От меня в трёхстах верстах,

Где в луче единорога
Разделяясь пополам,
Разбегается дорога
По невидимым полям.

1985

* * *

Эта жизнь моя, крытая толем,
Послушанием листовым.
Изогнувшийся низким глаголем
Дачных падалиц лиственный дым.

И слоями меж небом и пашней
За штакетником календаря
Разрушение кроны вчерашней
На дубовом листе ноября.

И соседская дань суесловью
С кандидатом столичных наук,
И в суглинке бок о бок с морковью
Хрен да редька и репчатый лук.

...Неужели не надоело
Лишь подошвою почву месить?
Прежде чем положить в неё тело,
Вдруг опомнишься душу вложить.

Не сейчас, так хотя бы под старость,
Если светит оттуда и нам
Огородных обрядов усталость,
Бузиной охраняемый храм,

Тот расстриженный, краснокирпичный,
Где крест-накрест горбыль у ворот,
Где весна скорлупою яичной
Только хрустнет — и тронется лёд.

1985

* * *

Вёдро. Пустое ведро на попа или навзничь.
Донце облуплено. Не остынет и за ночь.

Где мы? В Тмутаракани? Царьграде? Париже?
Для нашей темы можно бы и поближе.

Камни степные белых костей белее.
Вот они — черепки в горсти Водолея.

Лунного клея не хватит соединить их.
Вытекло время в море. Секутся нити.

Так говорю — ты же взглядом уходишь по склонам.
Птица плещется в сини, облачко в море Чёрном.

И одиноко нам, и солоно одинаково.
Сколько порушено, столько же и наплакано.

31 августа — 2 сентября 1985. Херсонес

* * *

Можно ли и пожелать такого —
Рекрутом сквозь годы, как сквозь строй,
Заменяя всё-таки другого,
Оставаясь всё-таки собой.
В колее обычной бабьей доли
Обретя почти счастливый вид,
На твоё унылое «доколе?»
Только улыбнётся и смолчит.
И тоску усердием утруя,
Утверждать, мол, ничего... живём...
В лихачёвский томик «Домостроя»,
Как в кровать, ныряя перед сном.

1985

* * *

Зачем мне этот ключ от дома,
В котором ни дверей, ни стен, —
Лишь прошлогодняя солома,
Чужой печали едкий тлен,

Чужой любви непрочный плотик,
Притопленный на полпути...
Один и есть на свете плотник,
Чтоб эти стены возвести,

И то не прежде, чем стенанья
Под крышу возведёшь к нему,
И между делом мирозданья
Он осветлит и эту тьму.

3 ноября 1985

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ

Поновили, подмазали, порассуждали,
но всё та же и в тех же пространствах нетронутых
узколицей цыганкой на автовокзале
отвернулась и кормит ребят запелёнутых,
и всё тот же над ней лейтенантик ременчатый
наблюдает да с палочки каплет мороженым,
ну и некто, районной печатью отмеченный,
притворился, что спит на сидении кожаном.
Да и ты, рассуждавший о ней, за колонною
точно тот живописец самоуверенный,
что вписал себя сбоку в картину хвалёную,
а теперь поостыл и глядит как потерянный.
В самом центре российского плоского глобуса
не Икара заоблачного, не паруса —
ждёшь, чтоб лёд на Оке или встал, или тронулся,
присоседился и ожидаешь «Икаруса»,
обилеченный, в молодость облачённый,
с фотокарточкой сверенный, не обличённый.

ПАРАД В ВОСЬМИДЕСЯТОМ

М. С. Г.

Терракотовых ласточек вздыбленные хвосты.
Ветеранов ондатровых звёзды на заднике данном
Да кирпичная стужа заката — заставы, посты
И грызня, если верить иным непроверенным данным.

Здесь, под сенью стены восходя на гранитный редут,
Через бруствер трибуны в окопной нахохлены думе,
И болтают в низах: пулемётчики их берегут,
Расчертив на квадраты брусчатку, дежурят на ГУМе.

Как они воевали при страхе таком? Ордена
Доставали штыком, или чем? И самим непонятно.
В ликованьи бесстрашном под ними проходит страна.
Старикам мавзолейным бесстрашие даже приятно.

От бесплатных больниц до почти что бесплатных бойниц.
От бесплотных докладов и здравиц до масок бесполоых.
Скоро, скоро портреты с фасадов повалятся ниц.
Это вспышка не выстрел в упор — крематория всполох.

1985–1989

* * *

И сердце тобой захлебнётся, едва
сомкнутся вскипевшие по роговице
две бездны, и разъединятся слова,
и мир раздвоится.

Куда, раздвоив, ты уводишь меня,
руками укрыв и упрятав под веки,
не в эту ли область слепого огня,
в которой при жизни горят человеки?

И что́ там за краем желания, за
чертой, до которой вы нас допустили?
«А дальше нельзя, не смотри!» — и глаза
вспотевшей ладошкой на миг заслонили.

1986

* * *

Елене Дьяковой

Едва повернёт от Успения к Покрову,
И сердце набухнет от влаги гниющей свирели,
Душа, как больная собака, находит траву
В ближайшем дворе — на помойке ли, на пустыре ли.

Смотри — так и ветви смиряют растительный зуд,
Отторгнув плоды и слагая истасканный ситец,
И горькую сырость созвездий, как соску, сосут.
И это важней, чем дыхание и фотосинтез.

Не плачь, ради Бога не бойся: все страхи — враньё.
Когда это брезговал Он неумытой душою?
Как прачка Мария отбелит, отмолит её,
Прикроет привычной ладонью, по-женски большою.

* * *

Соловьиного пенья — что сора в прозябшей низине,
невесомых скорлупок не вымести и ветрам.
Верхоглядом над кручей, юнцом постаревшим, разиней
озирая окрестность, разбирать по слогам

то, где всё ретивое однажды повыклюют птицы,
где пунктиром прочерчен эпохи несграбный сюжет —
в тусклом списке теней, отпечатанном на роговице,
чем слабее, тем горше, чем дальше, тем резче просвет.

1987 — 8 августа 2023

ГЕНЕТЛИАКОН

послание к Иксу и Игреку о Московском царе Алексее, предупреждённом немцем-астрологом об эпидемии чумы и немца посрамившем, а также о том, что писали по этому поводу разные авторы — иноземные и отечественные

*Не зри на мя, аки волк на агнца,
но зри на мя, аки мати на младенца.*

Даниил Заточник

Алексей Михайлович Тишайший,
бывший между Грозным и Великим,
не откушавши и простокваши,
встал наутро даже слишком тихим.

С ночи перед ним лежала карта
Всей вселенной. А поверх вселенной —
розовый пергамен Энгельгарта,
труд астрологический, секретный.

Немец врал: вдали обсерватории
без таблицы, без инструментария
посреди заснеженной Московии
на краю земного полушария

ненадёжны звёздные энклитики
для устройства внутренней политики.

На вопрос о сопредельной Турции,
близкой Швеции и дальней Дании:
наказуя праздные индукции,
церковь порицает волхование:

Марс горяч, но слово государево
и остудит, и раздует зарево.

Хитрый немец то ли продал чёрту
свою душу, то ль кому подальше —
ляху или турку. К звездочёту
Алексей Михайлович Тишайший

не затем писал, чтоб выходило
как у ведьмы-дуры — так на эдак! —
впрочем, что-то в той хартийке было,
ну и припасалось напоследок:

Жди беды в предел своей державы
не от козней ляха или турка —
вижу: люди падают, как травы,
но не слышу сабельного стука,

потому как скосит пол-Европы
чёрный всадник на коне крылатом
и махнёт через твои сугробы
в тыща шестисот шестьдесят пятом!

Вот какие лютые напасти
предрекал британский этот немец.
— Язву обуздать не в царской власти! —
врал царю учёный иноземец.

И хотя забыл свои таблицы,
не привёз ни трубки, ни пенала —
оставалось плакать и молиться,
раз такое горе подступало.

...или как у них в «Декамероне»,
не надеясь даже и на чудо, —
скоморохов звать, блудить на троне,
жрать и сказки сказывать, покуда

вьётся возле нечисть моровая,
вотчину твою перебирая?

Алексей Михайлович Тишайший,
не любивший скоморошьей скверны,
каши и в обед не расхлебавши —
бдел. А три царевны-Алексевны,

три порфирородные юницы,
слушали сопение органа,
забавляясь, аки голубицы,
под присмотром дядьки-басурмана,

и к тому же складывали вирши,
лексикон латинский затвердивши.

...здесь, должно быть, вставка летописца:
Евдокия, Софья и Мария,
де, едва успели народиться...
Впрочем, допетровская Россия

знала толк в строительстве органном.
Строили — да за море дарили.
И персидский шах с бухарским ханом
музыку московскую ценили.

Нехристи, а чувствовали кожей:
трубный глас — духовный. То есть — Божий.

Богомолен, но не суеверен,
в полдень царь прикрикнул на царевен,
приказал дворянам собираться,
повелел боярам подыматься,

дабы впредь российские пределы
сквозняком заморским не продуло,
птица бы и та не пролетела,
полевая мышь не прошмыгнула.

Веру верить — значит дело делать.
Что нам звездочётовы таблицы?
Ратники, полков, наверно, девять,
в новолетье встали вдоль границы.

...И, двойным кордоном санитарным
саморучно Русь перепоясав,
бил поклоны и в приказе Тайном
даже с ляхом был почти что ласков.

А когда на будущее лето
этот самый всадник молодецкий
выкосил почти пол бела света,
но не одолел кордон стрелецкий —

распростился мудрый царь московский
с посрамлённым немцем-звездочётом,
обрядивши в царские обноски,
отпустил не абы как — с почётом,

чтобы и в Британии узнали,
сколь хитра московская затея!
И прошло семь лет, и у Натальи
родился сынок от Алексея,

и в честь ключника, что запирает
райские врата пред маловером,
был крещён... А дальше всякий знает,
как мы жили при Петре, при Первом...

В этом месте на полях приписка,
скорось, завившаяся вязью:
се родила баба василиска
по кощунству и по безобразью.

Пётр — и сам масон, и сын масона.
Слева резолюция: ре-зон-но!
А чуток правей — листок в линейку
из тетрадки за одну копейку:

Алексей Михайлович Тишайший —
благодетель всей державы нашей,
это он заслон поставил мору,
оттого-то Русь и вышла к морю,

Царь, а не кичился подлой славой,
не гулял в тулупчике нагольном,
не конфузил шведа под Полтавой...
Ты его сконфузь-ка под Стокгольмом!

Се ля ви: тот копит — этот тратит.
Тот блюдёт себя, а тот не помнит.
Батька ладит, щели конопатит,
а сынок придёт — окно проломит!

В тексте пропуск, ряд подтёртых точек
и карандаша летучий прочерк ———

Ссылка: Разговоры в царстве мёртвых,
сочинение Петра Крекшина.
И начальным почерком на стёртых
сгибах — буквами большими:

Даром что Тишайшим прозывался!
Ну а как же Соляной и Медный

бунты? А раскол образовался —
тоже сам собою? Этот бедный,

юный огонь — невинности румянец —
не тогда ли попусту размыкан?
Для чего терпел старообрядец,
для чего Степан, Богдан и Никон?

И отсюда линия прямая
к линии великого младенца,
что явился на исходе мая,
как прошло семь лет с отъезда немца.

Новогодней полночью зачатый,
на утеху птицам в тёмных нишах
он развесит на стене зубчатой
тех стрельцов, чуму остановивших.

А уж как пойдёт лихое дело,
как пойдёт — читай того ж Крекшина —
быть пожару. И земля сгорела
вглубь себя на полтора аршина.

И посол державы иностранной,
сургучом закапавши и воском,
доносил, что фабрики органной
впредь не будет на холме кремлёвском,

дескать, новый государь намерен
известить старинную забаву:
натерпелся в детстве от царевен!
Ох, любили поиграть на славу...

А у московитов есть обычай —
среди реки на Масленой неделе,

издавая свист и гогот птичий,
жечь на льду и лиры, и свирели.

...что-то оттепели зачастили!
Распустили розовые нюни.
Сколько цвета, Господи, побили!
Где они, июни да июли?..

Нет, недаром Алексей оплакан
в час, когда скрипели ножки трона,
и недаром врал генетлиакон
Епифания и Симеона,

мол, явился отрок богомольный,
и планеты встали в лучшем виде,
мол, аспект четырёхугольный
был на небе, егда Пётр прииде!

Это после! А тогда с порога
Симеон мешал исторгнуть бремя:
— Потерпи, — просил, — ещё немного,
не рожай, — просил, — ещё не время!

Знали, знали подлые монахи!
Утаили в трепете невольном,
убоялись, вот и скрыли в страхе,
что аспект был... тупоугольным!

...Поясню: генетлиакон — это
гороскоп, изложенный стихами.
Ну а что касается аспекта —
если надо, разбирайтесь сами...

У несжатой нашей книжной нивы
между финских стенок и паласов
мы не любопытны и ленивы,
как заметил, кажется, Некрасов.

И своих преданий не читаем,
ежели не в пикулевском вкусе,
и своей истории не знаем,
ежели она не в кратком курсе.

Но при всей тоске официоза,
и при том, что платят маловато,
и при том, что в Красноярске — проза,
а в столицах брат пошёл на брата —

хорошо с неглупыми людьми
выявить: что новенького в мире?
Извели Россию марсиане?
Отыскались градусы в кефире?

Тут ещё зараза из Европы,
ну и негативные процессы:
аэробика и гороскопы,
йоги, возвращенцы, экстрасенсы...

И как шашку выхватим цитату,
разбираясь, кто виновен в том, что?.. —
и цитатую по супостату,
если от себя себе же тошно...

Но и это, верно, так по-русски,
просадив полжизни за копейку,

из двухкомнатной своей кутузки
выйти на бульварную идейку.

Западники и славянофилы —
тот своей любуется системкой,
тот на стенку лезет что есть силы,
призывая лезть на стенку стенкой.

Всё Россия — опытное поле, —
обронил один неглупый лирик.
И как током вечное «доколе?»,
И за каждой кочкою — рубильник.

Ну и Пётр — он нашей же закваски:
никакие немцы не смогли бы
всю Россию, так по-русопятски
онемечивши, — поднять на дыбы

у семи ветров на перекрёстке,
где варяги переходят в греки,
где простоволосые берёзки
над оврагом, аки человеки.

1987

КАК БРАЛИ ДЕДА ПАВЛА ЛЕБЕДЕВА

...Из пивной его и забрали.
— Здесь свободно? — подсели двое.
И один сказал: — А нельзя ли
Это вот убрать за собою? —
— На, прикрой газеткой. — Газеткой? —
Осмотрели его с интересом.
Мол, газетку читай с соседкой.
Кстати, номерок-то с процессом.
Тут социализм строить надо,
А такие вот Кирова сгубили... —
Согласился: — Жалко их, гадов,
Поздновато разоблачили. —
— Что, жалеешь врагов народа?..
Ладно, подождём тебя у входа. —
Протрезвел: — Да что вы, ребята?
Всё у вас в порядке с головою?
Я бы сам вас отвёл куда надо! —
И отвёл. Но их было двое.

1988

* * *

Вселенных чёрные икринки
висят — которая моя? —
на самой тонкой паутинке,
на самом дне небытия.

Откуда сон? Откуда эта
лучом пронизанная слизь,
строка начального завета,
твердящего: не промахнись!

И там, и тут белок мерцает
и набухает теснота,
и та, и эта вызревает,
а выживет — одна из ста.

4 декабря 1988

* * *

Андрею Николаевичу Алексееву

Не город — созревшая полость,
А в тех раздвижных небесах
Гранитная мышца упёрлась
Звезде в раззолоченный пах.

Не город — строка тараканья.
Вот эдак и переведи:
Железо прозябло до камня,
И камень промок до кости.

И архитектура нелепа.
И архитектуры не жаль.
Казённой картонкой совдепа
Предстанет Петрова скрижаль.

Не город, хотя и похоже
Громадами вздыбленных плит
На город. Не город. Но что же
Так ясно, так стыдно болит?

17 декабря 1988

* * *

В. Н.

Бледный, болотно-озёрный модерн,
Предрасположенность к царству русалью,
Слабый побег от общественных скверн
Века, уже провонявшего сталью.
Даром зачитаны Вертер и Стерн.
Маска безмолвия дышит печалью.

Флора прикинулась фауной. В лад
Гибкие ноги разводит лилёя
На штукатурке. И кажется, ад —
Это альковное зелье Бердслея
Или Бальмонта разбавленный яд,
Но чем хмельней оно, тем холоднее.

Провинциальный закат сквозь окно
Над Петроградской, близ моста Тучкова,
Тлеет по Шпенглеру. Знать не дано,
Легче ль воды соловецкое слово,
Вправду ли Китеж уходит на дно,
Стеблем кувшинки связав часового?

1988 — 4 ноября 1990

* * *

Не глотнувшие духа и страха того,
не вобравшие грудью уклада стального,
не всосавшие мёртвого млека его,
вот за то и хлебнули всего остального.

Манной каши надежд да косых посошков.
Да простывшей водицы — возможно насколько.
Ох и розов отвар либеральных вершков...
Ох и вяжет язык из кореньев настойка...

Кто там семя бросал, а кто локти кусал?
Из каких кладенцов на цыганке монисто?
Модернист конформисту козу показал,
или где убодал конформист модерниста —

всё едино. При деле и тот и другой.
Крепко колышки вбиты. Такая эпоха,
что и мат на заборе всё больше благой,
да и тот не слышней воробьиного вдоха.

1989

* * *

Гиря до полу дошла.
Сдохла мышь под половицей.
Выветрится. Не впервой.
Как перед грозой тишь
или как на той Каяле?
Мстится — как перед грозой.

Улетели или сели
диссиденты. Кроме мата —
всё бессмыслица. Как раз
На Кропоткинской в портфеле
обнаружена граната
марки «Ардис». В самом деле?
Жалко, что не «Адидас».

Еле-ели откачали
упыря. В анатомичке
жрал суслятину. Рекомо:
поделом, своих не тронь!

В «Комсомолке» снимок дали:
группа панков, осквернивших
вечный, так сказать, огонь.

Впрочем, пол не подымали.

* * *

Григорию Кружкову

Снег на ниточках идёт —
Розовый, лиловый,
Потому что Новый год
С каждым годом новый.

И пойдя убереги
Взрослый взгляд резонный
От изрезанной фольги
В полынью оконной.

Стекленя за стеклом,
Как по наущенью,
Зарастая Рождеством
На пути к Крещенью.

1989

* * *

Нету их. И всё разрешено.

Самойлов

Когда уйдут и эти,
последние, когда
в провал тысячелетий
затянется вода,

когда сомкнутся краски
и отслоится крик,
и хрустких строчек связки
слизнёт сухой язык,

в две тысячи недалнем
заштопанном раю
каким воспоминаньем
у бездны на краю

среди иных разборок
историка рука
затеplit тот огарок —
десятые века?

Столетия антитезы,
чреда великих войн,
стальных машин протезы,
их рёв, и вой, и вонь,

трёхмерная опока,
заштатные места,

ни пылкого Пророка,
ни кроткого Христа,

а эпигонов масса —
талдычат и мычат,
под красным знаком Марса
и тот, и тот зачат...

И подытожит хмуро
из своего угла:
— Была литература.
Что толку, что была?

9 января 1989

* * *

А. Г.

Перепели песни и во тьму
Переговорили разговоры.
Вот и разошлись по одному
Прожектёры, мальчики, позёры.

Лезли удивлённые на свет,
Трепетали на ветвях крылатых:
Ах, листва 60-х лет,
Как летела ты в 70-х!

А когда погасла та звезда
И померкла, не взойдя, иная, —
Мы вошли за ними, ни стыда,
Ни иллюзий не перенимая.

И хотя стояли на своём, —
Прóжили своё, да не прожили.
И теперь их песенки поём,
Потому что новых не сложили.

Конец 80-х

В НАЧАЛЕ 80-х

О. Х.

Прагматики, железные мужи,
влекомы выделеньями рассудка,
до неба громоздили этажи,
а после отступили. Чья-то шутка
бетонная о равенстве полов
овладевала публикой на ложе
Прокруста. А поверх живых голов
под вечер брезжили рога и рожи,
которых, впрочем, не было. Дыра
над Атлантидой следствием фреона
была объявлена. Адепт добра
и дубнинского синхрофазотрона
пел шепотком влагательное «О»,
другой по колбасе и пестицидам
с высоты Эн уменья своего
шаршил корневыми. Суицидам
подростков и бездетных матерей
и прочим олимпийским видам спорта —
гип-гип!.. У нарисованных дверей
парламента — здоровая когорта
евреев выявляла. «Новый мир»
открылся мемуаром миротворца,
который поднимал за Третий мир
бокал напалма. Низенького горца
покуда не склоняют...

Вот тот мир,
где нам с тобой ещё светило солнце.

1989

* * *

В горький город горький путь...

Из старой тетради

От нервического тика
Негражданственных свобод
Снится седенький заика,
Аналитик и юрод,

Тот, сухой и большерукий
Всенародно битый тать,
Отлучённый от науки
Лжи молчаньем потакать.

Щурится от поворота,
Запределен и нелеп,
И протягивает что-то,
Так похожее на хлеб.

А у нас свои печали,
Актуальнее его,
Мы себя не расщепляли,
Нам-то каяться с чего?

А у нас в руке синица
Да с повидлом бутерброд.
И чего он только снится,
Колотушкой в сердце бьёт?

5 ноября 1989

Москва. Дом Кино.

Собрание «Мемориала»

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ ЗАВЕНУ АРШАКУНИ

I

Поперхнёшься воздухом пушистым,
оттолкнёшь ладонями окно...
Упаси родиться пейзажистом!
Это ремесло обречено,

если вопреки пределу зренья
укрупняет самый крупный план
целый таз вишнёвого варенья,
с кручи опрокинутый в туман.

Надо быть любителем отпетым,
чтобы в простоте возревновать
то, что было воздухом и светом,
словом или цветом называть.

II

Особенно когда зелёного в избытке
над заводью в тени... И тянет, тянет так,
что стоит разогнуть заглотиш этой пытки —
душа сойдёт с крючка и канет в облаках.

А всё же длится для — запоминанья, что ли? —
купание громов и мальчиковый стыд:
чего он там торчит, как военрук при школе
опережением всего, что предстоит?

Особенно шатры и шпицеры проспекта
в сошествии огня среди рыхлых воздушей —
естественный урон нетронутого лета,
свивание завес из зданий и снастей.

И то, и то, и то, что с мясом выдирает
невесть чего клочок и метит без следа —
дарит исподтишка да втихаря спасает,
особенно когда, особенно когда.

III

Портрет жены художника
в небесно-голубом:
в одном окне Остоженка
да Лиговка в другом.

Два города, два чайника,
конфорки включены —
портрет любви печальника,
почти и не жены,

а те, которым завидно,
сходили б за него!..
Портрет семьи хозяина
себя не самого,

влекомого, ведомого
по ниточке ножа,
портрет судьбы бездомного
домашнего бомжа.

Портрет жены художника —
почти автопортрет.
Венок из подорожника
сплетён, да не надет.

1981–1989

МОРСКАЯ, 47

Александрю Марголису

Анаграмма Александра,
А притрёшься рукавом —
Феникс или Саламандра
На жетоне страховом.

Может, Феникс, может, Сирин,
Это ли не всё равно?
Быт размыкан и растырен,
Бытие отменено.

То, что сам железный Феликс,
Бдительный, недоглядел,
Соколиным оком вперясь,
Колупнуть — всего-то дел!

То, что Киров не похерил,
То, что Жданов не дожал...
И кому считать потери,
Если мировой пожар?

И не всё ль равно до сноса
Гнить под номером каким?
В Невке Навуходоносор,
В небе — Осоавиахим.

А глотнув такого духа,
Не подымешься афронт.
В перспективе бляха-муха,
Ленпроект и капремонт.

Для того ли, чтобы Сирин
Продавался на рубли,
Птица Феникс, птица Сирин
Этот дом уберегли?

Этот розовый, который
Лужским пламенем объят.
С банно-прачечной конторой
Здесь живёт Управиздат.

А во тьме, под штукатуркой,
Прижимаются тесней
Саламандра — медной шкуркой,
Чудо-птицы, иже с ней.

Мировой пожар доселе
Только их не опалил.
То ли спички отсырели,
То ли ангел оттрубил.

1989

* * *

Льву Лосеву

Каково скалолазу глядеть в небеса,
Если дрожь его жизни не круче Монблана?
Из незримых расщелин зовут голоса.
Из-под наста гудят горячо и гортанно.

Каково атеисту, когда он один?
А хотя б не один... Только давит зиянье,
Где зеницей сгущается ультрамарин,
Сокращается время и нет расстоянья.

От болезней по младости убережён,
Ан, уже замечает: крепка укоризна.
Вот и прёт на рекорд, на кордон, на рожон,
Эверест или пик Коммунизма.

Нету гор выше гор... Но и новая рать
Станет песни горланить, сбивая ботинки.
Годовалая Ева пытается яблоко рвать
Прямо с книжной картинки.

1989. Большие Ижоры

* * *

Вике

Вощёную щекóлду опрокинув,
Та осень набухала по садам
Мясистой мимикрией георгинов,
Цветенье уподобивших плодам.

И всё же от заката до заката
В предвестьи всероссийских непогод
Здесь в садоводстве мясокомбината
Как счастливы мы были в этот год,

Как счастливы, уже на самой бровке
В скворечне запотевшей в два окна.
Минутный жемчуг бельевой верёвки
Был вечен, как Китайская стена.

Лето 1989. Большие Ижоры

* * *

Монашествующий в миру,
Как страстотерпец на пиру,
В своём смирении великом
Блазнить не должен постным ликом.
А стихотворствующий тут,
Согласно своему обету,
И перевод сочтёт не в труд,
И как награду примет Лету.

1989

НВ. Акростих Константина Философа, сочинённый им ок. 863 г.
для глаголицы. Перевод мой.

Аз, **Б**уквы из**В**едав,
Глаголю: **Д**обро **Є**сть.
Живёте **З**ело **З**емным,
Иже да **И**же.
Как-то, **Л**юди, **М**ыслите
Наш **О**ный **П**окой?
Реки **Є**слово **Т**вёрдо.
Укажут возле с**Ф**ер-то **Х**ерувимы,
в **П**ечали* **Ш**теЦ или **Ч**ервь.

* Буква «Печаль» в кириллическом и глаголическом написании сохранилась в Мюнхенском алфавитариуме X века.

Подробнее см.: <http://nestoriana.wordpress.com/2012/10/11/abc/>

* * *

Виктору Правдюку

Ангел, вслепую скользящий по той стороне,
не замыкает трамвайной — в натёках заката — оснастки,
не оставляет на глянцевой голубизне
бледную сыпь стеклореза, но дело к развязке
близится, и на перекрёстке клаксон
даром в осиплую спину рожком завывает, —
экологически чист и почти невесом,
Господи! — всё-то летит и почти поспекает
в недрах метрошных дворцов, где подгорный указ
окаменелый скреплён в сталактитах мажорных
аж Георгадзе, и мимо неоновых касс
пригородных — через Мгу — мимо платных уборных
в волнах лаванды, и ближе, дворцом проходным
через парадный подъезд в византийском зловоньи,
сквозь витражи, небеса и промышленный дым,
сквозь репродуктор смердящий и крики вороны
кооперации цивилизованной, сквозь
лейблы, и всю фурнитуру генштаба, и Лету —
всё-то летит он поодаль тебя, но не врозь,
мол, не печалься, хотя бы и песенка спета.

Май 1990

ПРОГУЛКА ПО НЕВСКОМУ С БЕРЕСТОВЫМ

Такой московский — грузен и небрит,
Вдруг просиял и явно не по теме:
— Вон питерская рифма, — говорит, —
Пельмени-Мельпомене.

Ремонт в пельменной. В драме перерыв.
И самозванцем выглядит философ,
Что лирику дидактикой смилив,
Юродствует за-ради парадоксов.

Се хохотун. Неправильный герой
Из детства, из придавленного действия.
Но я-то видел, как при нём иглой
На караул берёт Адмиралтейство.

1990

* * *

Ольге Павловне Павлюкевич

Лютеранке в православном храме
И перекреститься не грешно.
Питерские кирхи под замками
Или приспособлены давно.

Но кому-то ж надо и в блокаду
По-немецки Господа просить,
А потом бежать по Ленинграду
Русским буквам правнучку учить.

Затерялась. Соблюла приличья.
Выжила на смертной полосе.
Ни двуличия, ни двуязычья.
Маленькая, выглядит, как все.

Vater unser, это не из спеси,
Это из непрожитых веков.
Стены твердокаменных конфессий
Ниже ленинградских облаков.

Около 1990

* * *

Анатолию Собчаку

Господин капитан бомбардирский, косичка торчком,
Только с лошади скок — саданёт о скалу каблучком,
И звездами пойдёт, как стеклянный, тот камень-гранит
Или глиной обмякнет, но в точности след сохранит.

Восковая слеза помутится на медной щеке.
Узнавай по глазам свою выделку в каждом щенке.
Чудотворец рыгает и блеет: ужю пощажу!
Не на дыбу, так на ассамблею — для куражу.

Время плёточкой машет и всё-то стрижёт по низам.
Мимо рта мёд да пиво текут у певца по усам.
И не это беда, что не пьян, но как пьяный опух, —
Ни руки не поднять, ни смахнуть малахитовых мух.

17 декабря 1990

10 ФЕВРАЛЯ

На циферблате треснула эмаль:
навекы — без пятнадцати пятнадцать.
И только арапчонок на запятках
чернильницы украдкой тычет кукиш
отважно отвернувшейся кликуше
в обтянутые крепом ягодицы
и нам с тобой моргает: «Nota bene!
А, кстати, стол стоял совсем не здесь!»
Бьёт луч из-за портьеры. «Солнце русской
поэзии... — храмовница в экстазе
совокупляет звуки, — закатилось!
Ап-чхи!..» И ты смеёшься. Арапчонок
невозмутим, но удовлетворён.
Дымится день. Плывёт дерьмо в Обводном.
Торжественно искрит толчёный мрамор.
Сипит оленинграженный расстрига:
— Одних вертушек сорок тысяч, да-с! —
В Немецкой церкви ангелы слетают
на головы купальщиков. Мышата
кота хоронят позади Сенатской.
И шесть часов до «600 секунд».

20 декабря 1990 — 14 августа 2023

NB. К первым двум строчкам: на Мойке, 12 в минуту смерти друга Владимир Даль остановил часы. Здесь и сейчас 14:45.

ПАРИЖАНКА

М. В. Р.

Тётка Мавра — ювелир, а не юбиляр.
Ей в таможду и в ОВИР выручать товар,
Ей прилично, как в тюрьму, и в ЦК, и в шоп.
Утверждает: «Всех уйму. Понимали чтоб».

Тётка Мавра нос торчком, хоть и не велик,
В бок упрётся кулачком — плакать не велит.
Скажет: «Мать твою итить, не перекопать!
Нас должно ещё хватить лет на двадцать пять!»

По бульвару коlobком с ветерком катит.
Ветер как за свитерком девичьим летит.
Отражается в стекле: «Догоняй, Андрей!»
На своих ли, на метле — всё простится ей.

1991

НА СМЕРТЬ МЛАДЕНЦА

В. В.

Как ты справишься с этой безносой
там, на Пулковской полой горе,
красной вербой да ивой белёсой
восходящей к вечерней заре,

и у самого серого моря,
где асфальтом продолжено дно,
и такое же, как на горе,
небо пеплом соединено

выше мрамора крашенных брёвен,
с Монферрановым куполом вровень,
на крутом перегибе веков,

в ленинградском твоём захолустье,
где младенцев искали в капусте,
хоронили — поверх облаков.

Июль 1991

ВИТАМИН С

Никите Алексеевичу Толстому

Тот век, не дотянувший до седин,
Покончивший с собой братоубийством,
Серебряный, разрозненный, в торгсин
Свезённый на рысях соцреалистом,
На чердаке, в полуподвале мглистом
Ещё глотал миндаль и керосин.

И я застал его былых бойцов
Рассеянных — туги и худоухи,
Из племени адептов и чтецов,
Надгробьями блокад и голодухи
Два старика да полторы старухи
Хранили жар великих мертвецов.

Здоровая, купеческая кровь...
Бежали пролетарского нагана
И бровь, каких не делают, и брошь
На самом горле. Ветхое сопрано,
Махоркой приперчённая любовь,
А на устах Марина или Анна.

В семидесятых, веку вопреки,
Столь археологически культурны,
Они легко вставали на котурны,
Как некогда на Невке на коньки.
Их речи были вязки и сумбурны.

В отличие от именитых, тех
Из Переделкина да Комарова,

Без всяких притязаний на успех
В янтарь законсервировали слово,
Не повзрослев и не сменивши вех.

И я стучался — чуткий, точно тать.
О, это как чесотка, как проказа —
Истлевшими программками шуршать,
Вкушать вино, незримое для глаза.
Что за сюжет — подробности рассказа?
Я приходил не слушать, а дышать.

Но с невиновной миной на лице
Мог объявиться вновь, спустя полгода,
Где чайным ядом витамина С
Лимон на блюде высыхал. Погода
Не поменялась. Явная свобода
Зияла крематорием в конце.

И всё, что не добрал при всех своих
Наставниках и что сквозило в этих
Полублагих, полубезумных детях
Ясней, чем в современниках твоих, —
Отмерило тебя от сих до сих.
И кануло. И затерялось в нетях.

1991

БЕЛАЯ ПОЭМА

Сагадату Хабирову

1

Стоять, ты наш зелёный, стоять,
стоять, браток... Вот эдак и поймать
себя воспоминанием на стыдном
сюсюканьи, почти совокупленьи
с таким холодным и таким не женским
предметом, дурно пахнущим соляжкой.

Застать себя в двух метрах от стены
хрустально-идиотской, в белом прахе
бетона, среди груды мокрых досок,
каких-то арматур. Узреть себя
внутри костра, поскольку отраженье
как чудо в том нетронутом стекле.

Пристрастнее, чем сорок тысяч братьев,
и безнадёжней дряблого персека
над телом комсомолки, и скромнее
растителя Лолиты, и сильней,
чем давним летом под дождём таким же,
хотел поцеловать, да не решился,

теперь под бу-бу-бу-бу Б. Курковой
застать себя оглаживающим
символ совка — так искренно, так нежно —
в толпе, но кто увидит? Столь мгновенно
прикосновенье пальцев к телу танка.
Родименький, зелёный, стоять!

2

— Ну да, пройти они по нам пройдут,
но будет склизко...

Перед баррикадой
возник какой-то попик с депутатским
значком на рясе, со своей кастрюлькой
в кульке из прогрессивного издания
и с ложечкою, точно доктор.

— Все
здесь православные? И хором: — Все,
все батюшка. — Все причащаться будем?
— Все, батюшка. — Вот так сложите длани
и оглашайте имя.

Так-так-так —
кварталах в двух одобрил пулемёт.
И потянулись, складывая руки
Андреевским — по очереди — смертным
крестом: Артёмий, Александр, Василий,
Айдар, Мыкыта, Айвар...

Почему-то
тут пулемёт заткнулся. — Перекурим! —
скомандовал афганец. И впервые
ему не подчинились.

3

Командир,
ты закури, когда вода стоит
не только что в кроссовках и карманах,
а даже в пачке «Явы». Лишь стальные
пруты покуда отторгали влагу,

и та, змеясь, искрила и лоснилась
в прожекторных клубях. И отползала
к невидимой реке. Одни глаза
да кулаки, приросшие к железной
лозе, внутри сухими были. Так
в канун Преображенья на Дунае
змей избивают. Ежели гадюка
семь лет сумеет пролежать под плахой,
она вползёт на камень, а сползёт
уже драконом. И займётся лес,
и льды в горах обуглятся.

— Вниманье,
мы ровно-ровно дышим! — репродуктор
стебался, но по делу, — оставаться
всем на местах. Сейчас опять полезут
от Красной Пресни...

Белой глыбой айсберг
покачивался, быстрорастворимый,
как рафинад в стакане. И у стенки
полковник, по всему южанин, вспомнил,
как брал его отец смотреть на снег.
— Кто был ничем, бывает, и летает, —
и отшатнулся, будто бы ужален —
на, выкуси! — и теми же губами
сведёнными, — не может быть, чтоб Бога
настолько не было.

4

И рассвело
так неправдоподобно быстро, как бывает
лишь в детстве в планетарии. Зрачок

ещё не различал цветоделенья,
но был ли в это утро мир цветным,
я не уверен. И на том спасибо,
что он покуда был.

Мутилось небо
московское дождями. Метромост
волок за электричкой электричку
на ту войну, где русские по русским
опять стреляли. (Ох, глядел как в воду
тому лет девять Толик Головков,
арбатский миннезингер.)

Но уже
в своих непыльных фетрах комиссары,
вскрыв сейфы и опрастывая чрево,
склонялись над фаянсовым очком
и как кольцо наотмашь рвали воду,
и старый маршал, слушая куранты,
решался — нембутал или окно?

5

И уходили в день, хотя просили
из репродуктора: не покидайте!
Бестрепетно, почти и без усилия
крест проставляя и на этой дате,

и выходили в ночь во вторник, в среду —
три смены отстояли. И добыли
себе свободу, а вождам — победу.
Но тут, как говорится, — или-или.

Август 1991 — август 1992

БОНАДИЕС

(из Варяг в Ромеи)

Ольге Седаковой

Едва зацветает стена крепостная,
из тьмы изумрудной —
смотри: шевельнулась, распалась! —
слетает беспёрая стая.
...Куда подевалась?

Какие там ласточки? Яростней, ярче —
фисташковым сором лексемных чешуек,
бесплотной, но жадной пылью, цитатой
античности в средневековой постройке,
скачком аритмии.

Ну вот всё и кончилось. «Бонадиес!»
Играет прибор сувенирной латынью.
В Амальфи к апостолу францисканец
над бездной бредёт, озираясь ушами.
Поместилось... Но что?..
Приключилось... Но что же?..

А толстые девочки на два прихлопа
поют аллилуйю. И дремлет апостол.

И милостиво Средиземное море.
Особенно в мае.

18 мая 1992. Равелло

* * *

Т. Т.

Пока струились вертикали
Живыми призраками дня
И воздуха перетекали
Между копытами коня,

Картонный и, конечно, волглый
Проспект, прочерченный углём,
Хотя внизу вонял карболкой, —
Оканчивался кораблём.

И так державно, так по-царски
Сияли буквы Л,Е,Н,И,Н,Г,Р,А,Д.
А выше — огненные цацки
Нетленных, в сущности, громад.

1992, декабрь

РИМСКАЯ ПРОГУЛКА

И. Б.

Вот эволюция мрамора к штукатурке.
Ливень, проткнувший пинию, треплет пальму.
Дева, столь благосклонная в Ленинбурге,
вертит хвостом вульгаты и корчит тайну.
За непривычкой к плееру или шприцу,
за неимением цели с концами смыться,
денег лиловых местных и места в мире
станем брэнчать на заёмной, но звучной лире.
Скачет старик, под собой подобрав сутану.
Карабинер безнадёжно кадрит путану —
та только фыркнет, арабскую выгнув шейку.
Выйдешь на форум — нарвёшься на Евтушенку.
Стебли бестий морских, апельсиново мясо,
мрамор альпийских льдов на имперском блюде —
тут бы и Державин не удержался,
ну а живые классики — тоже люди.
Или, себя самого отыскать отчаясь,
сам побредёшь с клюкой по остывшим плитам
там, где империи перед распадом кончались
кровопусканьем, а после — радикулитом?
Ловим чего ненасытной своей сетчаткой?
Тени оракулов заперты под брусчаткой,
а за отказ причащаться кровавой пищей
дважды скупой заплатит. И трижды нищий.

1992; 2023

* * *

Мише Яснову, с любовью

И эти пятна по воде,
И кружева речитатива,
И вдаль — пустые, как нигде,
Дремотные ряды залива,
И дождик над Кронштадтом, криво
Повисший на одном гвозде, —
Вот машинерия Дидло.
Мошенничество на пленэре.
Мы побывали на премьере.
Совок трухою занесло.
Помпеям больше повезло.

Дразнить гусей. Кормить собак.
Да совершить ещё оплошку —
Искать на буднях тайный знак.
Водить стволом не понарошку.
И наконец глотать морошку
За честь жены, за просто так...
А надо. Или та, с веслом,
Косою и отбитым носом,
Явившись с клумбы за углом,
Интересуется вопросом —
Нашистом или *демороссом*
Ты будешь в фонде нежилом.

1993

* * *

Стальной щетиною сверкая...

Пушкин

Законы были справедливы:
Не смей с подноса тырить сливы,
Употреблять паллиативы
И нюниться, когда вольют.
У нас и праздники — что надо:
Вон в мае даже два парада
И всенародная услада —
В зенит исторгнутый салют.

Зато и ценят иностранцы
Народов наших обниманцы,
То темпераментное *оп-па!*,
То с саблями Хачатурян.
Цени, пока мы по гражданке,
А как на площадь влезут танки —
Сожмётесь, как селёдки в банке
(Показывают крупный план).

И содрогнутся миллионы,
Пред телевизором скоблёной
Стальной щетиной багровея,
Когда с трибуны атташе
Фотографирует ракету.
Чудак, на ней оснастки нету.
А номер с ба-а-льшим намёком:
«Шесть-пять-четыре-три-два-ноль».

Июль 1994

РУНЫ БРАТУ НИКИТЕ

*И душа его свободна,
Потому что занята...*

Берестов

Модель островитянина проста.
Стальной реки холодные уста
в начале мая припадают к морю.
Душа свободна, ибо занята.
Уже и для неё пробили зорю.

Мосты разъяты. Дальний, как Восток,
всё призрачней тот берег. Локоток
заезжей дивы, что с того, что близок?
Соблазн читается, но между строк.
Не яблочко — классический огрызок.

Раскачиваясь, что твоя бадья,
из глаз сокрылась юности ладья
и где-то за Кронштадтом затонула.
Внимай, по-детски ужас затая,
словам Сестра, Отечество, Семья —
предвестиям совсем иного гула.

Лето 94, В. О.

РУНЫ ПЕТРОПОЛЮ

Александрю Пануце

...И трижды отступился ученик.
И город от него отрёкся дважды.
И сам устами стылými приник
К источнику неуголимой жажды.

В нечистоте промышленной зимы
Не к небу — к измерению иному
Лиловые и сизые дымы
Летели параллельно окоёму.

Рогатилась звезда. Лучил металл,
Распространяя тёмное свеченье.
И даже Пётр у райских врат не знал,
Последует ли третьє отреченье.

1995

* * *

Море схлынуло. Куда ж ещё нам
плыть, когда ползти не вмоготу?
Жабры рифм топорща учащённо,
обречём себя на немоту.

И заснём, как засыпают рыбы,
как заведено для нас, для рыб:
из-под той, такой текучей глыбы
сами убежать мы не смогли б.

Та вода — она была опорой.
Ржавая — поила плавники.
И пускай уродец кистепёрый
Огласит прибрежные пески.

Середина 90-х

ПЯТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Точку подвинул — линия вышла.
А её подвинул — получилась плоскость.
Плоскость опрокинул — объём образовался.
Так вот и построил пространство.
Стал сдвигать объём относительно объёма —
Ничего не вышло, кроме жара и грома.
Вместо идеального четырёхмерия —
Жадная потная дура — материя.
На неё подую — пойду за газетами.
Пусть оно само собою сбывается.
Народились солнца (иные с планетами),
А на той, на синенькой, жизнь затевается.
Ах, какие рожи в лесу этом девственном!
Эти мезозои неужто же вытерплю?
Скоро ли в Москве на бульваре Рождественском,
Взяв из-под ребра, из себя тебя вылеплю?

NB. Время — неспособность материального к неизменности и способность к перемещению в пространстве. Это мера изменчивости материи и её метаморфоз — энтропийного распада и эволюции. Наряду с гравитацией время — базовая, неотчуждаемая функция материальности. В Двенадцатом сонете Шекспира: «И ничто не может защитить от серпа Времени». Цитирую в своём переводе:

...Серп времени над миром занесён.
Ему, — что человек, что зверь, что птица...
И только красоте не страшен он:
Она сумеет перевоплотиться.
Она смеётся, смерти угрожая,
Плодами будущего урожая.

В закрытых системах энтропия нарастает. У энтропии не может быть обратного хода, ведь стрела времени всегда летит в одну

стرونу. Эволюция противостоит энтропии, однако не симметрична ей, она существует на уровне не организма, а вида.

Наличие эволюции говорит о том, что наша вселенная — система открытая. И потому мы должны допустить или наличие и других, смежных вселенных, или наличие Творца, или и то, и другое.

Четвёртое измерение — не время, а материя. Вне материи времени нет. Мне кажется, Овидий говорит об этом в «Метаморфозах» (Кн. 1, ст. 1–14). В моём переводе:

ОВИДИЙ [*О первородном хаосе*]

Ныне поведаю вам о начале вселенной
И обретении форм земными телами.
Боги, вершившие первые воплощенья,
Песню мою до сегодняшних дней доведите!
Не было моря, земли и бескрайнего неба.
Лик мирозданья первичного однороден.
Хаосом он прозывался, лежал вне пространства
Нерасчленённой громадою, бременем косным,
Соединяя вещей разнотелное семя.
Не даровал ему свет ни один из титанов,
Не отрастали у Фебы* рога в новолунье,
Токи воздушные Землю не обтекали.
Не было веса, и ночью над горизонтом
Не простирала перстов своих Афродита**...

* Феба — в древнегреческой мифологии титанида, дочь Урана и Геи (Неба и Земли), мать Лето и Астерии, бабушка Аполлона и Артемиды. В поэзии имя Фебы стало символизировать Луну.

** В латинских списках здесь ошибочно Амфитрита, одна из nereид, супруга Посейдона: «Амфитрита не протягивала рук вдоль горизонта». Но имя Амфитрита обесмысливает метафору, ведь Амфитрита живёт в глубине океана, а тут перед нами зримый троичный небесный ряд: огонь титанов (т. е. Солнце) — рога Луны (Фебы) — руки (лучи) Афродиты, планеты, которую римляне назовут Венерой. Греческая Афродита родилась из морской пены; пена по-гречески — *arhgos*. Об этом см. стихи 536–537 в книге IV тех же «Метаморфоз», где Венера обращается к Нептуну: «...Если в божественной я глубине в дни оные / Сгустком пены была и от ней сохраняю по-гречески имя!»

ИЗ «АЗБУКИ СПб»

АНГЕЛ ПЕТРОПАВЛОВСКОГО СОБОРА

третий по счёту, изготовленный в середине XIX века (два предыдущих погибли). В 1994-м, когда ангела со шпилья Петропавловки сняли на реставрацию и он томился в одном из крепостных бастионов, я зазвал Дмитрия Сергеевича Лихачёва посмотреть на него вблизи. На крыльях ангела были пробоины от пуль, и я сказал, что пули неизвестно чьи — то ли русские 1917 года, то ли немецкие 1941-го. — «Немецкие, — уточнил Лихачёв, — осенью в начале блокады мы шли из Пушкинского Дома с Мануйловым, и тут немецкий истребитель атаковал ангела. А потом пролетел над Биржей и дал очередь по нам. Но уже промахнулся».

По крыльям текут облака.
Легка ль его ноша? Легка,
Как воздух меж градом и раем.
Он с нами — посланник Творца.
Жаль только, не видим лица.
И кто его сделал — не знаем.

БОЛЬШОЙ ПРОСПЕКТ ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА

был не дорогой, а сигнальной просекой, нацеленной одним концом на дозорную башню Трубецкого бастиона, другим — на Костыльную заставу на берегу Финского залива, где, если бы шведский флот появился в заливе, должны были поднять флаг.

Когда ещё и видимость слаба,
Позволит обнаружить супостата
Аж в три версты подзорная труба,
Прорубленная в сторону Кронштадта.

В О К З А Л Ы

БАЛТИЙСКИЙ АРХИТЕКТОРА КРАКАУ

В честь архитектора Кракау
Здесь пили кофий и какаву.

НИКОЛАЕВСКИЙ КОНСТАНТИНА ТОНА

он же Московский

Поклониться творению Тона —
Это признак хорошего тона.

ВАРШАВСКИЙ

Копоть. Слякоть. Мутный пар.
*А ля гар комм а ля гар**.

ВИТЕБСКИЙ

по первому имени Царкосельский

Глянь: расчёт предельно жёсткий,
А изящества не минешь,
Ведь соавторы — Бржозовский —
Не сверни язык! — и Минаш.

ФИНЛЯНДСКИЙ

...А ему с платформы бурк:
— Это город Петербург!

ЛАДОЖСКИЙ

*платформу которого в 2003 году снесла первая же электричка
(торопились построить к юбилею и маленько не рассчитали)*

Три парника и две консервных банки.
Комфорт, как в танке.

* На вокзале как на вокзале (*фр.*).

ВОЛКОВО

и поле, и кладбище

Словцо блокадной поговорки
Забористой морозца колкого:
— Как жизнь?
— Да как маршрут «Четвёрки»...
По Голодаю — и на Волково.

ВЛАДИМИРСКИЙ СОБОР И ЦЕРКОВЬ ВЛАДИМИРСКОЙ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ

— Где обознатки, там и перепрятки!
Узнали мы у первого же встречного,
Что Князь-Владимирский — на Петроградке,
А вот Владимирская — у Кузнечного.

ГОЛОДАЙ

прозванный так потому, что до конца XVIII века здесь был чудовищных размеров каторжный острог. Его узники, снятые с казённого кошта, ежедневно проходили по улицам города, прося подаяние. Вместе со своим острогом они погибли в наводнении 1777 года. По Далю «голодай» — голодающий. Топографы и историки осьмнадцатого столетия предпочитали это страшное место вообще никак не называть, и имя «Голодай» появляется на городских картах только с начала XIX века. Так что ни купец Голидей, ни английское «Holliday» (смотри статью А. А. Ахматовой «Пушкин и Невское взморье») — ни при чём.

— Голодай да холодай,
А колоднику подай!

ДВОРЦОВАЯ ПЛОЩАДЬ

о которой экскурсоводши любят повторять, что эта площадь — самая большая в Европе

Если главное — масштаб,
То заказчик — Главный штаб.

КАПЕЛЛА

— Когда ну очень накопело,
Есть средство дивное — Капелла.

КАРТА СПБ

как четыре луча Андреевского флага: слева — Большая и Малая Нева, а справа — Нева и Большая Невка

Средь низких блат — высок и благ! —
Андреевский простёрся флаг.

КОЗЬЕ БОЛОТО

у Сытного (некогда Обжорного) рынка. Здесь 27 июня 1740 года казнены Волинский, Хрущов и зодчий Еропкин. В своё время Мережковский записал три последних стиха плача, который я попытался восстановить

Юлию Рыбакову

На Козьем болоте
В казённом намолоте,
У битого жёрнова,
У ряда Обжорного
Горьку ли сладеньку
Сладили свадебку
Мил да милашка —
Топорик да плашка.

КОТЛИН ОСТРОВ И ФОРТ КРОНШЛОТ

— Котлин — Питеру оплот.
А ему оплот — Кроншлот.
А Кроншлоту — только флот.

КРОНВЕРК

Пора листопада. Потом — листопада,
Полёт пятипалый до самого вала
Туда, где уже переломлен клинок,
Где запах костра и пеньковый венок.

КРОНШТАДТ

— Сию фортецию Кронштадт
В бою вовек не сокрушат!

КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ

Ты прохожий, ты несовершенный,
Помощи и радости лишённый,
У часовни Ксении Блаженной
Брось свой грех, ещё не совершённый.

КУНСТКАМЕРА

— На сей Васильевский на остров
Волочь со всей России монстров,
Да, поселив их во спирту,
Держать реторту заперту,
И потчевать вином да морсом
Господ, пришедших в гости к монстрам!

Пётр

РЕШЁТКА ЛЕТНЕГО САДА

Юрий Фельтен, сын повара Петра Великого, проткнул время. И решётка Летнего сада, и Чесменская церковь, и скала Медного всадника (ей Фельтен, а не Фальконе придал очертания морской волны) были осознаны как стиль только через сто с лишним лет.

— Впандан военным флейтам
Без каверз и каверн
Сковал решётку Фельтен —
Ну вылитый модерн!

ЛЕБЯЖЬЯ КАНАВКА

— Одно только имя — какая отрада:
Лебязья канавка у Летнего сада.

ЛИНИИ ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА

*на коих по замыслу Доменико Трезини были прорыты каналы.
Засыпала их Екатерина Великая*

— Когда каналы разделили линии,
В них зацвели, увы, отнюдь не лилии...
Дохнули специфические специи...
Ну полно, господа, мы не в Венеции!..

Екатерина II

ЛИТОВСКИЙ ЗАМОК

*перестроенный в тюрьму зодчим И. И. Шарлеманем в 1824 году.
Сожжён в феврале 1917-го и разобран в конце 20-х*

Литовский замок — русская Бастилия.
Сожжён и срыт. И тоже от бессилия.

ДОМ МУРУЗИ

Дом в мавританском стиле на Литейном проспекте, где жили Гиппиус и Мережковский, работал Корней Чуковский и родился Иосиф Бродский.

Полюбился русской музе
Мавританский дом Мурузи.

МОЙКА

До 1709 года южная граница города. По-фински эта река звалась «Мую» или «Муя», что значит «слякоть, грязь». В русских писцовых книгах именовалась «Мья». Мойка вытекала из болота на краю Марсова поля, но в XVIII веке Мойку углубили и соединили с Фонтанкой. Мойка, 12 — последний адрес Пушкина.

Пока в душе помойка,
И Мойка нам не Мойка.

НИЕНШАНЦ

Шведская крепость при впадении Охты в Неву, сдавшаяся 1 мая 1703 года.

После паденья Ниеншанца
У шведа не было — ни шанса!

НЕВСКАЯ ЗАГАДКА

Как звали ту, которая с Дворцовой
Украла кладку мостовой торцовой?

Не подглядывай, не подглядывай! А разгадка в самом названии: её звали и зовут... Подскажу: в 1924 году во время сильного наводнения она унесла в залив деревянные шашки торцовой мостовой, изобретённой в 1825 году инженером Гурьевым.

НЕВСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

как в XVIII веке звали Невский проспект

Если Невский — тетива,
Лук натянутый — Нева.

ОРДОНАНСГАУЗ

Комендантское управление на Садовой, 3, где в апреле 1840 года критик Белинский посетил заключённого под арест после дуэли с Барантом поэта Лермонтова.

В творческой, нетворческой ли паузе,
Лермонтов сидел в ордонансгаузе.
Скука... Одиночка с паразитами...
А ещё Белинский тут с визитами!..

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КОЛОКОЛЬНЯ

не архитектура, а, как выразились бы сегодня, — концептуальная скульптура, которой Доменико Трезини придал сходство с фигурой Петра Великого: под золочёным шлемом маленькая голова на узких плечах, широкие бёдра с разошедшимися в виде волот фалдами кургузого камзола. А сверху — золотой шпиль как нисходящий огненным языком Святой Дух.

Выше царского одра —
Изваяние Петра.

ИППОЛИТ ПРЕТРО

строивший в начале XX века жильё дома в стиле модерн

— Петрополь Ипполита Претро —
Модерн, а для потомка — ретро.

ПЯТЬ УГЛОВ

два взгляда

1

— Справедливости опять
Нету, как ни посмотри,
Вот углов, к примеру, — пять.
А дороги только три.

2

— Неудобно поправлять,
Но не всё так плоско в мире!
Нет, углов, конечно, пять...
Только улицы — четыре:

Загородный проспект, Разъезжая, Рубинштейна и Ломоно-
совская (когда-то — Чернышёв переулок)

КАРЛ РОССИ

*построивший здание Главного штаба, Михайловский дворец,
Сенат, Синод и прочее*

— Только оси, оси, оси
На уме у Карла Росси.

СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОР

*в ограде из турецких пушек, возведённый Василием Стасовым
в 1828–1829 годах в честь победы России над Турцией*

Вверх тормашками и вниз макушками
То, что было вражескими пушками.

СЕТУЙ

речка, пересечённая в начале XIX века Обводным каналом, отчего теперь по Волкову полю течёт Волковка, а у Александро-Невской лавры — Монастырка

Расчленили, как ни сетуй,
На две речки — речку Сетуй,
Но пройдем мы напротырку
Волковку и Монастырку.

СМОЛЕНКА И В ПРИДАЧУ КАРПОВКА

две питерские речки

Колокольня венчается маковкой,
Голень (это известно) коленкой,
Сторона Петроградская — Карповкой,
А Васильевский остров — Смоленкой.

ДОМЕНИКО ТРЕЗИНИ

Первый архитектор Петербурга, работавший здесь с 1704 по 1734 год, автор первого генерального плана развития города (1716 г.), Петровских ворот, Петропавловского собора, Александро-Невского монастыря, первого и третьего Зимних дворцов, Летнего дворца (вместе с А. Шлютером), Двенадцати коллегий, типовых «образцовых» домов «для именитых», «зажиточных» и «подлых», Галерной гавани, Портового Гостиного двора и т. д. Его имя было забыто более чем на полтора века.

На кочке брусника
Да клюква в трясине,
А вот Доменико,
Который Трезини.

ЦАРСКОЕ СЕЛО

От зазнайства панацея —
Посещение Лицея.

ЧЁРНАЯ РЕЧКА

Только пятна жиденького ила.
Желтизна морщинистого дна.
Чёрных этих речек много было.
Все переменяли имена.

ЧЕСМЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

*архитектора Юрия Фельтена, воздвигнутая близ Московско-
го проспекта в 1777–1780 годах в честь победы русского флота
в Чесменской бухте Эгейского моря*

Вот они — четыре алых паруса,
Изнутри взметённые до клотика.
Так что лучше выйти из «Икаруса».
И вообще — при чём тут «псевдоготика»?

ЯКОРЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

герб города и монограмма Петра I

Подобьем двух ключей от Рима
Сам Пётр перекрестил не зря
Инициалы Petro Primo... —
Небесной бездны якоря.

* * *

Николаю Беляку

В соединеньи неба и дольней вони,
Дельвига и Достоевского супротиву
Жёлтый кристалл Владимирской колокольни
Всё ж преломлял Литейную перспективу.

Запоминай же, покуда и сам не убыл,
Спрятав и это на донце своей кубышки,
В гипсовой раме с видом на пятый угол,
В панцире записном телефонной книжки.

1997

* * *

К Велесу за море...

Средневековая чешская поговорка

Ни берега, ни паруса, ни облака,
Солёная пучина, как прореха
Безмолвия — вне времени и облика.
Поскольку в море не бывает эха.

1997

СТИХИ К ОЛЬГЕ К***

* * *

Паришь ангелочком фарфоровым,
Обиженной букой глядишь,
Стращаешь не девичьим норовом,
Воробышек, мамин глупыш.

И ежеминутно прощаешься,
Когда остаёмся вдвоём,
И в сердце моём не вмещаешься,
А всё разрастаешься в нём.

2 мая 2000

* * *

Ничего ещё не решено.
В сумраке серебряном над нами
Крутится судеб веретено.
Ангелы качают головами.

Моему с твоим поводырём
Стоит объясниться нелукаво.
Смотрят: оборвём, не оборвём?
И вмешаться не имеют права.

Тишина межзвёздная густа.
Пахнет вечность книжным переплётом
И колышет детские уста
И молитвою, и устным счётом.

19 мая 2000

* * *

А ты — письмо из юности моей,
Дошедшее без адреса и марки,
И только почерк твёрже и смелей,
И слог ребячлив, и чернила яркие,
Всё набело, и ни одной помарки,
А прочитать — не хватит жизни всей.

29 мая 2000

* * *

Опереться о воздух локтями
И, повиснув над собственным сном,
Полететь над домами, дымами,
Над отцом, что в кладбищенской яме
Видит сны в измереньи ином.

Что ему до вороньего грая
В тех краях, где ни вёсен, ни зим?
У ограды ваганьковской с краю
Он не знает, что я проезжаю
На метро дважды в будни под ним.

От прошедшей расплакаться боли,
От забытого вспыхнуть стыда,
Направляя усилием воли
Беспричинный полёт в никуда.

2–28 мая 2000

В АЛЬБОМ ТОЛИ КОБЕНКОВА

У Сената намёрзнешься, не атакуя,
И пожалте — от Нерчинска до Акатуя,
Где прикрытый тобою Леонтьишко Дубельт
Циркуляром по темечку приголубит.

Собирайся, свободы рассеянной паства,
И кедровник валить, и крепить государство,
И шептать-причитать, мол, Россия-Расея —
Всё зелёнка от Терека до Енисея.

По грибам да орехам, грехам да огрехам,
Век железно проехал по собственным вехам.
Ах, когда-нибудь мы это дело отметим.
Ну, пускай не в XX, пускай в XXIII.

29 мая 2000

ГАРДАРИКА

Памяти Анны Мачинской

Вопрос, откуда (и куда) идёт Русская земля, в начале XII столетия поставил киевский летописец Нестор.

И сам ответил на его, отправившись в 1114 году в Новгород и Ладогу.

Первая редакция его Повести временных лет, как утверждает современная наука, была закончена к 1115 году. Восемь лет назад этот юбилей мы не заметили. А до этого не обратили внимания на древнейшую письменную дату русской истории. Зафиксирована она в том же труде Нестора: 2 (7 по новому стилю) сентября 912 года, в день святого Маманта, у церкви которого русским купцам велено было селиться в Константинополе, вчерашний язычник Вещий Олег подписал в Киеве внешнеполитический акт о вечном мире и любви с греками. Но поклялся не Перуном и Велесом, а «предлежащим честным крестом и святою единосущною Троицей единого истинного Бога нашего».

За 77 лет до Владимира Олег предпринял попытку крещения Руси. Для этого он и отправляется в Ладогу, объявив, что, вернувшись в Киев, перебьёт солгавших ему волхвов (так по Архангелогородскому летописцу). Но волхвы Олега остановили.

Будущую Русь викинги в X веке называли *Gardar* (укрепления, городки), а с XII века — *Gardariki* — Страна Городков (Частоколов, Острогов). Главными городами Руси, по мнению викингов, были *Aldeigja/Aldeigjuborg* (Ладога) и *Holmgardr/Hólmgarðaborg* — Новгород. По Холмгарду и всю страну звали Холмгардикой.

Начальную дату ладожского поселения по дендрохронологии установил археолог Евгений Рябинин. Основанный в 753 году город Ладога (с 1704-го — Старая Ладога, посёлок близ впадения Волхова в Ладожское озеро) — пра-Петербург. Историк Константин Бороздин по царскому повелению изучал древние русские города. В 1809 году в поданной на имя Александра I докладной записке он называет Старую Ладогу «первой столицей Рюрика». Город Ладога (Альдейгья, а с возведения в начале XII века каменной крепости — Альдейгьюборг) дал имя Ладожскому озеру.

Всеми этому предшествовали события не только исторические, но и геологические.

Как в Египте ежегодные разливы Нила создали избыток «простого продукта» и обеспечили расцвет древнеегипетской цивилизации, так и тут, на северо-западе Восточной Европы, геологическое поднятие Карельского щита привело к тысячелетнему разливу Ладоги и Ильменя, а потом, когда за полторы тысячи лет до новой эры чаша переполнилась, к Финскому заливу прорвалась новая река — Нева, и стал падать уровень Ильменя. Ещё через две тысячи лет это обернулось появлением новых, буквально всплывших с озёрного дна плодородных земель.

На освободившиеся от водного плена земли Южного Приладожья и Ильменского Поозерья в VI или VII веке вслед за кривичами пришли от устья Вислы и Одера будущие новгородские словене. Они умели обрабатывать тяжёлую пойменную почву, вместо бороны-суковатки пахали плугом с металлическим наконечником. Один такой наральник найден на левом берегу Волхова в урочище Сопки, другой в 2006-м обнаружил Сергей Кузьмин, сделав всего один небольшой шурф на правом берегу, в яблоневом саду на любшанском посаде.

В Новгороде, надо думать, и родилась легенда о граде Китеже: люди знали, что их кормит дно бывшего озера. И верили, что в случае опасности озеро их и укроет.

Русь начиналась с трёхступенчатой торговли при старейшине Гостомысле: в Ладоге по арабской технологии делали бусы, их у финских охотников меняли на меха, а меха продавали арабским купцам за серебряные дирхемы. На дирхемы покупали каролингские мечи и прочие западноевропейские товары.

По Комиссионной летописи имя Гостомысла открывает список новгородских посадников. В Погодинскую летопись попал осколок предания о Гостомысле и его могиле на Волотовом поле. Гостомысл — не имя, а прозвище: «Насмысливший гостей». Но именно в его время, то есть ещё до призвания Рюрика, возводится дубовая крепость на Городище близ будущего Новгорода и, судя по находкам в её окрестностях, начинает работать механизм ладожского «тройного товарооборота».

Началось с межплеменного союза свободных людей — славян, финнов и с местных, то есть ладожских, скандинавов. Последних называли «русью». В 862-м (дата по Нестору) ладожане наняли на службу викинга Рюрика «со всей русью», заморскими скандинавами. Очевидно, это был Рёрик Ютландский, датский

викинг, служивший трём поколениям каролингов мечом и своим немалым флотом и бывший превосходным министром финансов. В Дорестате он печатал для наследников Карла Великого серебряную монету.

Кто был отцом Рёрика, понятно по родовым именам внуков Хальвдана. Это Рёгнфрид — датский король, проигравший борьбу за корону и убитый в 814 году при попытке её вернуть. Символично, что Рёрик — не просто принц-изгой, но и родич принца Амлета (Гамлета), о котором рассказали Самсон Грамматик и Вильям Шекспир.

Почему в 860-х по приглашению ладожан вместе со «всею русью» норманн Рёрик Ютланский приходит именно в Ладогу? Если верить сагам, здесь когда-то правил его дед Хальвдан. Мать Рёрика, судя по косвенному свидетельству средневековых франкских анналов, была ладожанкой. Иначе трудно объяснить, почему в молодости Рёрик два года был королём славянского племени винодов (ободритов). Вот и дожившее до XVIII века новгородское предание говорит о Рюрике как о сыне дочери ильменского Гостомысла, выданной замуж за море.

В середине IX столетия Дорестат, где правит Рёрик, из лежавшего на перекрёстке важнейших торговых путей средневекового мегаполиса превращается в отрезанную от моря деревню: река поменяла русло, тот рукав Рейна, на котором стояла столица Рёрика, обмелел и заилился. Рёрик уходит из умирающего города и отвоёвывает в Южной Ютландии свою родину Хебею. А через несколько лет уходит на восток, в Ладогу, ведь через неё шёл в Европу поток арабского серебра. Именно на десятилетие правления Рёрика в Ладоге приходится львиная доля западноевропейских кладов куфического серебра. Ладожская археология также подтверждает приход сюда дорестатских фризов Рёрика: это камерные погребения, фризские кувшины и заготовки костяных фризских гребней.

Анналы позволяют уточнить датировку Нестора: Рёрик надолго пропадает из поля зрения хронистов не в 862 году, а тремя годами позже. Сообщается, что он в Дании (в Хедебю) собирает войско. Ждут, что он пойдёт войной на императора. Но когда приготовления закончены, конунг вдруг исчезает вместе со всем своим флотом и войском.

Рёрик уплывает в Ладогу, где только что изгнали оккупантов-находников. Слой тотального ладожского пожара на Земляном

городище археологи датируют серединой 860-х и объясняют изгнанием из Поволховья свеев. После чего приглашённый датских конунг Рёрик отстраивает Ладогу заново.

Из Ладоги Вещий Олег начинает объединение Северной и Южной Руси. Берет Смоленск (Гнёздово), убивает Аскольда и Дира и провозглашает Киев «матерью городов русских». (Это калька с греческого Метрополия, то есть столица.)

По Новгородским и Устюжским летописям именно в Ладоге он гибнет от укуса змеи.

Напомню: в Киеве в день святого Маманта он подписывает второй договор с греками, где клянётся уже не Перуном и Волосом (Велесом), а «предлежащим святым крестом и святою единосущною Троицей». Это может означать только одно: 2 сентября 912 года Олег крестился и теперь собирается крестить Русь.

Но прежде он должен отправиться в Ладогу, где на языческом капище лежит череп его коня. Олегу надо пересилить прорицание волхвов, прозвучавшее 33 года назад (в данном случае важно не мифологическое число, а то, что 879-й — год смерти Рюрика). И тем доказать, что новый Бог сильнее Велеса и Перуна. Волхвы, неосторожно предупреждённые самим Олегом («...Да придя в Киев, побью волхвов!..»), мешкать не стали.

В Нижнем Поволховье (по-скандинавски это Ормаланд — Змеиная страна) у Олега не оказалось под рукой того небесного копья, каким Перун ежегодно 19 августа побеждает змея Велеса. Но смерти Олега предшествовало появление на небе кометы Галлея, которая в середине лета 912 года висела, как утверждают летописцы, «копейным образом», то есть в виде наконечника копья или стрелы. Вероятно, поэтому средневековые скандинавские сказители, повествуя о Вещем Олеге, дают ему имя Орвар Одд (Наконечник Стрелы).

Олегова могила — огромная сопка на обрыве Волхова — сохранилась до наших дней. В пушкинское время её частично раскопал Зориан Доленга Ходаковский. Но нашёл лишь золу, угольки да гигантский двушипный дротик.

* * *

Несколько лет назад Сергей Белецкий в телефонном разговоре подвёл итог моих поисков эмблемы Рюриковичей. Ею, как полагали ранее, оказался геральдический сокол. (Вот только

никакого отношения к трезубцу Владимира он не имеет.) Дословно вердикт Белецкого был таким: «Очень похоже, что мы имеем дело с родовой эмблемой одной из ветвей древа скандинавских викингов. И притом именно эта ветвь связана с Русью».

Сокол (с пояском выше хвоста!) на ратуше Роскилле, первой датской столицы. Этот герб восходит к гербу первых датских королей. Отсюда и соколиный плащ Фрейи на тамге княгини Ольги, и многократное сравнение русских князей в соколами в «Слове о полку Игореве». То есть это и указывает на то, что наш Рюрик — это Рёрик Ютландский, датский принц-изгой, ушедший к восточным славянам в далекую Ладогу.

Шекспир не знал про Рёрика, но знал про герб датского принца Гамлета, родича Рёрика. И свидетельством тому прямой смысл гамлетовской реплики: «Я безумен только, когда ветер с норд-норд-веста. Когда ветер с юга, сокола от цапли я отличу».

Деревянный стержень с древнескандинавской рунической надписью был найден В. И. Равдоникасом в 1950 году при раскопках Земляного городища в Старой Ладоге на глубине 2 метров в микрогоризонте Е2. Сегодня он датируется 860-ми годами, то есть временем прихода в Ладогу Рюрика.

Условное прочтение надписи по-древнеисландски:

[E]s Efí of varíðr hali valr Hríms fránmanna grand fimbulsinni plóga
Перевод, сделанный С. Л. Николаевым: «Это Эви (или Уви), ястреб Хрима, на хвост которого надето [кольцо]. Для сиятельных (или змеиных) мужей — горе (или: горькое (для) мужей горе), для плугов (или побед) — волшебный/чудесный путь».

В моём стихотворном переводе:

Это Ови — яростный воитель.
Рвётся на ловитву ястреб Хрима.
Скорбный путь мужей в низине Змея
Плуг побед волшбой перепыхал.

Это стихотворение на мерном строительном стержне, обнаруженное в куче строительного мусора, возникшего в слое тотального ладожского пожарища середины 860-х — телеграмма, отправленная Рёриком нам, потомкам.

Археологи выделяют в Ладоге три слоя тотального пожара. Первый — 770-е (время Хальвдана Старого, деда Рёрика, конунга

Ладоги). Второй — конец 830-х. Это как раз начало шведской оккупации. (Нестор сдвинул начальную дату оккупации Приладожья находниками-свеонами на 859 год) И наконец, третий — изгнание оккупантов и последовавшая за этим гражданская война. Летописец запишет: «...встал род на род».

Вот что писал в 2000 году разработавший стратиграфическую таблицу ладожского культурного слоя петербургский археолог Сергей Кузьмин: «В середине 860-х гг. (около 865 г.) поселение очередной раз подверглось полному разгрому. Кроме мощного слоя пожара, драматичность этого события подчёркивают обгоревшие останки женщины и ребёнка, обнаруженные в заполнении дренажной канавки в раскопе А. Н. Кирпичникова (Кирпичников, Назаренко 1997: 76)». Добавим: мать и дитя погибли близ стоявшего на склоне коренного берега Ладожки срубного двухкамерного жилища с обложенным камнями очагом и помещением домницы для выплавки сыродутного кричного железа. Видимо, это была семья ладожского литейщика. Антрополог С. Л. Санкина определила, что ребёнку было года четыре или пять, ладожанке — лет 35–40.

Археологические данные и сообщение Бертинских анналов сомкнулись, и мы можем утверждать, что: а) Рюрик русских летописей — это Рёрик Ютландский; б) приходит он в Ладогу не в 862-м, как высчитал Нестор, а в 867 году.

В Ладоге Рюрик первым делом «срубил крепость» на мысовом городище. И за два года отстроил посад. В культурном слое одного из домов оказалось начертанное на деревянном строительном локте стихотворное послание. Эти руны, в середине XX века найденные археологами на ладожском Земляном городище и прочитанные лингвистом С. Л. Николаевым, адресованы потомкам, то есть нам.

Археологические слои Земляного городища Старой Ладоги говорят, что к середине 860-х относится уничтоживший Ладогу тотальный пожар. Но вскоре кто-то отстраивает Ладогу. Это и подтверждает руническая надпись на деревянном жезле, обнаруженном в слое строительного мусора.

Подробнее в моей книжке «Энеида Рёрика Ютландского». Она есть в интернете.

* * *

На Васильевский остров... знакомый до слёз...

Обласкан и поставлен на довольствие
В Десятой линии близ торжища и храма,
Меж динамитной мастерской народовольца
И чёрной лестницей колючей Мандельштама.
Какая разница — на кочке ли, в трясине,
Лечь под каблук очередной посадской Марфы
На этих линиях, натянутых Трезини
Небрежно-наискось на остров — остов арфы?
Сюда приписан. Лишь затем свободен.
По шляпку вбит. Прикрыт брандмауэра шубой.
И улыбается в ветвях варяжский Один
Своей языческой улыбочкой безгубой.

1994

* * *

Д. С. Л.

Когда на волховских низинах
Прошелестит и ткнётся в бок
Стрела на крыльях стрекозиных,
Как между рёбер, между строк,

И сапожком примяв полове,
Самой судьбы не убоясь,
Сухую кость, главу конёву,
Облобызать захочет князь,

И позже, позже, в Петербурге,
Тысячелетие спустя, —
Чего ты медлишь, храбрый Гюрги,
Невозмутимое дитя?

Или слова твои лукавы,
Неблагодатна благодать,
И с пояска у Елисавы
Твой змей сумел-таки сбежать,

Или копьё язвящей речи
Двушипным жалом заменя,
И ты в рутине долгой сечи
Обвык в объятиях огня?

1995

ПУТЁМ ЭНЕЯ

Татьяне Джаксон

I

Ничего, что облако
Из сырого войлока,
Если ветер волоком
Тянет нас за облаком.

Альфа да Омега —
Ладога, Онега.
Ледяное лего.
Небо цвета снега.

II

В фризском Дорестате,
В датском Хедебю
Принц не ради рати
Снаряжал ладью.

Час исхода горек.
Горше не бывает.
Датский конунг Рёрик
В Гарды уплывает.

Указал Вергилий
Пойти путём Энея.
Хорошая книга —
Радость книгочея.

2018 — 4 июля 2020

ЗАМОРСКИЕ ГОСТИ

Леонтию Войтовичу

Куда ни устремляешь очи —
Ни огонька по берегам.
Лишь кровенеют тут и там
Сорочьи ягоды да волчьи.

Клубится варево ночей
То серое, то смоляное,
И солнце вязкое, стальное —
Бледней, чем даже блеск мечей.

Тебе давно за пятьдесят.
На почве датской в Дорестате
Ты, что твой Гамлет, был нехстати.
Не спятил?.. Сам и виноват.

Сойди на берег. Оглядишь.
Здесь крепостцу на славу срубишь,
Аборигенку приголубишь,
Но сына *сделаешь надьсь*.

Найдёшь в потомстве торжество.
Таких, как ты, не время лечит.
Перелиняет старый кречет,
И крепче когти у него.

Поспела ягода крушина —
Кручиной волчьей вяжет рот
И предлагает наперёд
Испить из фризского кувшина.

27 июля 2008

ВИКИНГ

Глебу Лебедеву

На вёслах, под парусом — как повезёт! —
От гарда до гарда дневной переход.
То дёбрь, то чащоба.
Поглядывай в оба.

Поглядывай в оба — здесь страшен не враг,
Но свой же, такой же находник-варяг.
В кольчужках сидят попрошайки —
На каждой лужайке по шайке.

Словене, и финны, и прочая рвань,
Послушные, платят подымную дань.
Где люди боятся крамолы,
Там страх стерегут частоколы.

Здесь сами себя обращают в рабов.
Здесь даже на ложе не кажут зубов.
Здесь меч, несмотря на увечья,
Не стал продолженьем предплечья.

От имени Рода вещают волхвы,
А мы — вдоль по Ильмерю ходим на вы.
Воителю слава — услада
От гарда до гарда.

ЖРЕБИЙ ДЛЯ ОЛЬГИ

В. Н.

Вынется — сбудется. Всякая виса двулица.
Как повернётся вишнёвый в бадье черенок?
Так поглядеть — слетает с гнезда соколица,
Эдак — лазоревый тянется к солнцу цветок.

Пальцы твои выбирали жребий полегче.
Я это ведал, рисунок плетя с двух сторон.
Птица — не птица: вендельское оплечье.
Ну и цветок не цветок — царьградский грифон.

Ты не хотела за князя. Пришлось повозиться
Свату неловкого Игоря. Не голоси.
Пряслица меньше твой жребий, тоньше мизинца.
Станешь забрала и прясла держать на Руси.

Свычаем мужнин смиряя норов жеребий,
В кротости властвуй. У злобы короток век.
И позабудь, что обманом недевичий жребий
Вынуть принудил тебя вещей Олег.

ОЛЕГОВА ВИСА

*Росы... получили своё имя от некоего
могущественного роса, когда им удалось
избежать предсказанного их оракулами.
Произошло это благодаря какому-то
предостережению или божественному
озарению того, кто господствовал над
ними...*

Хроника Псевдо-Симеона,
последняя треть X века

Деревянные бусы моих крепостей
Напронизку — не ради арабских гостей,
Не во имя наследного дарства
Собирал я на шнур государства.

Я мечом приносил не пощаду, но мир.
Где Аскольд-самозванец и брат его Дир?
Ан, чернявые ладят девчата
Русам парусы паволочаты.

На святого Маманта вошедший в купель,
Не Олегом — Димитрием выйду оттель,
И пригублю медовую в Гардах бадью,
И солгавших волхвов, как волков, перебью.

Только прежде — во славу честного креста
Поцелую коня в костяные уста.

1996–2008

АМУЛЕТ

Елене Романовой

Прозрачна ночь, хотя и окаянна.
По сопкам спят сигнальные дымы.
Глядит с улыбкою вещунья Несмеяна
Альдейгьюборга ладожные сны,

Но как в курган воткнётся ночи ножик,
Росой студёной отрясая сонь,
Серебряный конёк-единорожек
Толкнётся в твою утлую ладонь.

1997

* * *

Допустим, среди дня...

Ал. Ар.

Запахали плешину, поставили сруб,
Отпустили коняшек на выгул.
И на много веков насорил Грызозуб
Золотыми скорлупками фибул.

Вот на этой реке, вот на этом ветру,
В этой провинциальной вселенной,
Ты очнёшься однажды, глотнув поутру
Этот воздух, полынный и тленный.

И не надо про то, что удел твой нелеп,
Мол, *другое, другое, другое...*
Возвратишься — и вот они Анна, и Глеб,
И отец, и Татьяна, и Зоя...

12 июня 1998 — 25 июня 2008

ПРОРИЦАНИЕ ОРВАРУ ОДДУ

М. В.

Не ворону битвы, не даже двушипной змее, —
Достанешься в Заморье, вещей, Хозяину брода.
На Млечной реке по еловой взойдёт кисее
Копейное знаменье конунга Орвара Одда.

Ладьи на колёсах — я вижу — идут на Царьград.
Я слышу кряхтенье руси, подпирающей днища.
— Се Дмитрий Солунский! — враги про тебя говорят.
Но примешь ты яд. И отравлена будет не пища.

Четыре хвоста у кометы, четыре крыла.
Невенчанный лоб ненаследной лоснится короной.
Но дивная мета в алмазах — в полнеба стрела,
На что тебе, князь, если кружишь дозорной вороной

На собственной гризне. Роскошная сага соврёт.
Забудется имя. Калёное жало возложат
На хладное лоно. Ты — Одд. Ибо всё наперёд
Открыто тебе. Но тебе это вряд ли поможет.

Ты — бред геральдиста, эскиз на кабаньем ребре,
Ты сторож излуки, смотрящий из-под небосклона
На храм византийский, что встанет на том вот бугре,
На мальчика, что без копья одолеет дракона.

Тебе суждено умереть от коня своего.
Отдай его Велесу, но через тридцать три лета,
Как станешь стареть, если глянешь в глазницы его
И выдержишь взгляд — пересилишь пророчество это.

МАЛЫШЕВА ГОРА

*...призва Олег волхвы своя и рече им:
Скажите ми, что смерть моя? Они
же реша: Смерть твоя от любимого
твоего коня. И повеле отрокам своим,
да изведше его далече в поле, и отсекут
главу его, а самого повергнут зверям
земным и птицам небесным.*

Архангелогородский летописец

Вот и повод меня повести в поводу
Конунгу на беду
На Морьящину
К богу Ящеру.

Тридцать лет и три года в его табунах
Мне скитаться без продыха в лунных волнах.
Станешь мокнуть у Велеса в лапище —
Дождик выбелит череп на капище.

А однажды, когда зашумят зеленыя,
Живородную змейку опустят в меня —
Дабы ластились небыли к былям,
Вскормят юркую млекою кобыльим.

1997

ПОБЕДИЩЕ

Ирине Воиновой

На кургане, на вольном дивинце,
Парусит полотно на девице,
К Победищу подходит ладья.
Вот чуть-чуть и окликнут: — Моя!

Чур моя! — и ревнуя к Стрибогу —
А не лап! — да в уключину ногу,
Точно в стремя под смех остальных.
Кто-то дружка, а кто и жених.

Но в лодейке не слышно ни смеха.
Кормщик в воду глядит, неумеха.
Смотрят в низкое небо гребцы —
Ни в мужья не хотят, ни в отцы.

И тверды их персты, как корни.
И чужое в горсти оперенье.

1996

ПОСЛЕДНИЙ СКАЛЬД

Он пал под Хольмгардом...

Руническая надпись

Эти сопки под вещим копытом,
этот тягостный вой по убитым,
эта в пенной кольчужнице гладь,
эта вёльва — жена или мать,
этот торг за дремучим дреколем,
эта спешка под мехом собольим,
это кунье смещение племён,
эта неженка, что я влюблён.
В синеглиньи — богам на заметку —
эти луны ценою в монетку:
захотел пребывать во плоти —
прикопай, прикопи, приплати.
Только ты, горделивая дева,
моего не признала напева.
Так на кой мне твои янтари,
Валгáлла меня побери.

1996

МЕСТЬ ОЛЬГИ

Татьяне Рябиной

Четвёртый день волнуются концы,
Перетирая весточки вчерашни.
До света новгородские купцы
Шептались с княжичем в Тайничной башне,

Волхвы кидали в Волхов «чёт-нечёт»,
Смущая гридней тёмными речами:
Княгиня на Купалу сватов ждёт.
Зарезан Игорь, аки волк в овчарне.

Чернее тучи юный Святослав.
Без повода то плачет, то ярится.
Болтают, Ольга, сына отослав,
Сама не смеет в Ладогу явиться.

И лишь Олегов конюх Крутояр
По-ладожански цыкнет на бояр.
И плюнет. И ползет на полати.
Ещё не время рати собирать.

1996

УРОЧИЩЕ ПЛАКУН

Н. М.

Тишина над Волховом обвисла
Пеленой туманов и снастей.
Это замышленье Гостомысла
Намывает в Ладогу гостей.

Ливень брызнет молнии короче,
Но всю ночь и многие века
На песочек Одиновы очи
Станет выполаскивать река.

Русской беллетристики инвестор,
Чуя древность и являя вкус,
Увезёт заморожённый Нестор
Глазчатую жменю этих бус.

Чьё трепещет в парусе рыданье?
Кто волной играет в «нечёт-чёт»?
Как вода во облацех преданье:
Тронешь — и она не потечёт.

1997

СТАНСЫ АЛЬДЕЙГИИ

Марку Коляде

Каменное прясло на приспе.
Полумрак воротной башни.
Закомары в ледяной крупе
По-музейному позавчерашни.
Подлинник не то, чтоб надоел,
Но у дел покуда новодел.

Всё равно — шепчи или кричи,
Розово-бесстыжи над раскопом
Силикатной пробы кирпичи
Кажут гузно всем твоим европам,
И надёжно замыкает взгляд
Алюминиевый комбинат.

Как сказал один тут: на фига
Красота, когда повсюду янки?
Дожуем последнего сига,
Сцеживая «Хольстен» из жестянки.
Только былие шмонает ветр.
Здесь теперь 101-й километр.

Некогда великая страна,
Ты беззубо поджимаешь губы.
В церкви серебрится бузина.
Киснут и ползут сырые срубы.
И Пилат с Вараввой заодно
Крутят колумбийское кино.

Вот и Рюрик дуриком забрёл
Из своей Фрисландии. Чего там
Наплели послы про злат-престол?
Восседали б сами по болотам...
Господи, помилуй и спаси
Первую любовь Всея Руси.

В немощи покинутая мать
Первых градов — Китежа и Киева,
Ладога, зачем мне поминать
Вервие твоё и время Виево?
Тесноту двенадцати веков,
Москвичей, потом большевиков...

Битой сукой, жмущейся к ноге,
Вскормишь снадобьем своей же печени
Прясла на яйце и твороге
Да культурный слой на человечине.
Ни принять, ни тронуть не могу.
А не пожелаю и врагу.

1996

АХМАТОВА ГОРА

Как о стену горох...

I

Не горка, не полгорка — останец.
Невнятное заклятие нетленьем,
И россыпью приплющенный свинец
Ружейным испражнением оленьим,
А за твоей спиной исподтишка
Заначивает вечности осколки
Кривая мудрость свейского божка,
Распявшего себя на чёрной ёлке.

II

Мировое древо надломилось,
И навстречу реки потекли
Там, где мудрость заменяла милость,
Там, где русов русью нарекли,
Где при всём варяжстве несвободен,
Отойдя от селища с версту,
Подвигом своим угрюмый Один
Подражать пытается Христу.

1997

* * *

Евгению Рябинину

Двенадцати веков вороньи ризы,
Черты и резы Ноевых колен.
Норманны, фряги, русы, финны, фризы,
Базар хазар на торжищах словен, —

Се Вавилон отеческих глаголов,
До всяких там из тартара монголов —
Находник-свей, негодник-печенег.
Студёный пепел — воспалённый снег.

Вот, собственно, где выпало родиться
И выпадет — как пить дать! — почвой лечь,
Перемешав золу, и кровь, и речь,
Полой кургана, как плащом, укрыться,

Зелёным, рыхлым, волховским плащом.
И Гоголя шинель тут ни при чём.

1996

СТАНСЫ ГАРДАРИКЕ

Дмитрию Мачинскому

Чтоб на куньих мехах с боку на бок
Вы своих ублажали арабок,
Мы заутро уходим в Алаборг,
Хоть и хмель не обсох на усах.
Плещет бисер в тугих туесах.

У норманна полдюжины родин,
Но не сдюжит в Гардарике Один,
Видишь путь — ну почти что свободен
От Велеша до самых Перынь —
Поостынь.

Как прожить и вольней, и обильней,
Не решить вечевой говорильней,
Обустроились стекловарильней,
Бабьей радости хватит на всех.
Мех за бисер. Монету на мех.

В небесах то дирхем, то динарий,
А в лесах предостаточно тварей,
И купцы из обеих Болгарий
Звонко платят разменной луной,
Исходя серебром, как слюной.

Пусть находник дощатым драккаром,
Как драконом взовьётся пожаром,
В этих стенах и камень недаром.
С них на доблесть твою наплевать.
Хочешь драться — умей торговать.

Загребай веселее налево,
Улыбайся, хольмгардская дева,
Поторгуйся без спешки и гнева,
Полотно подпирая сосцом.
Не побрезгуй словенским самцом
На побережии озера Нево.

1996

ЕЛИСАВА И ЗМЕЙ

Я только эхо в провалах глаз...

Елена Романова

I

Лет через тыщу брести у реки,
Вывозив голени в иле,
Там, где мальчишки искали «глазки»
И летописца дивили,

Там, где и ныне, смущая народ,
Слева направо
Чудище на поясочке ведёт
Девица Елисава.

Сладок вечерней размолвки медок.
Тронешь — под куколем свянешь.
— Слышь, Елисавушка, брось поводок,
Змейкой серебряной станешь.

Станешь хозяйкой последнего дня,
Сродницей первопричины,
Девственным эхом в глазницах коня
В черепе с чёрной Княщины.

— Ишь, расшипелся, рогатенький мой!..
Аль помирать неохота? —
И, как домашней скотинке «Домой!»
Дланью — пожалте в ворота!

II

*Тогда всё золото своё
Я замурую в глину...*

Валерий Петренко

Что нам сегодня намочит река
Вместо условленной встречи?
Лёгкое гру́зило рыбака?
Ядрышко свейской картечи?

Заклёпку драккара? Осколок «глазка»?
Баночку из-под колы?
В толще столетий под толщей песка
Множатся времени сколы.

Рожками крутит расстриженный бог:
Вот тебе Рубиков кубик.
Рюриков кубок на тризне эпох.
Ссохшийся Рерихов тюбик.

1996

РУНЫ СЫНУ

Где времена свивались плетью,
Где две реки впадали в третью,
Где властвовала Ингигерд,
Где был свободен даже смерд,

Где Фрея тише, чем рабыня,
Где славно погулял Добрыня,
Где сочинили сгоряча
Обряд крещения меча,

Сказав: «Не в силе Бог, а в правде»,
И где на фреске Бога ради
Негромким словом усмирён
Козлёночком глядит дракон

Алёнушкин, — в Альдейгьюборге
На городище Земляном
Мои печали и восторги
Запей, каким пошлют, вином
В тысячелетии ином.

1997

ВЕРХНЯЯ РЕКА

О. Х.

А когда наступила расплата
За последнюю склянку чернил,
Мерный ангел живого квадрата
Сверху пёрышко уронил.

И пока оно в руку летело
Легче снега и снегом легло,
Что-то важное отболело,
Вместе с вешней водой изошло.

Только вечность нам вехи назначит
И глаза промокнет рукавом,
И над чёрным квадратом заплачет
Мерный ангел в квадрате живом,

В недосыпе двуспальной могилы
Загорится звезда в потолке,
Собирая посмертные силы,
Мы потянемся к Верхней реке,

Где, гоня ненасытную гостью
За черту на последний правёж,
Мерный ангел с серебряной тростью
Стережёт изначальный чертёж.

1997

ЛУБЯНАЯ СКОМОРОШИНА

Раскопанная Рябининым на Земляном городище ладожская кожевенная мастерская заканчивается двумя стоптанными лапотками времён Ивана III. Оккупант переобулся в мастерской, и её не стало.

Московиты — люди башковиты.
У них пятки берестой подбиты.
Мы сапожки вам дадим за лапти,
Только Новгорода не залапьте!

1997

СЕВЕРЯК

*...Пришедши ми въ Ладогу, поведоша
ми ладожане, яко сде есть: егда будетъ
туча велика, находятъ дети наши
глазкы стекляныи и малыи, и великыи,
провертаны, а другыя подле Волховъ
беруть, еже выполоскываетъ вода.
Отъ нихъ же взяхъ боле ста, суть же
различь.*

Нестор. 1114 год

...Глядючи в небо, дракона сразит.

Владимир Леонович

Последнею весной тысячелетья,
Опасно ранней, ненасытно долгой,
Наполненной серебряным урчаньем
За Ладогу отползших ледников,
В начале мая около полудня
Пришёл ко мне паромщик Коля Кузин,
Принёс в кармане бусину, стекляшку,
Подобранную им у переправы,
И долго мялся, и пыхтел по-детски.

Мне не хотелось пить. Не то чтоб с Колей,
А просто не хотелось. Я сказал,
Что я в завязке. Он ушёл, находка
В развёрнутой тряпице, как в пелёнке,
Так и осталась на столе — укором
Или подарком. Кто их разберёт,
Потомков викингов да здешней чуди?
Я положил стекляшку на ладонь.
Сквозь патину просвечивала вечность.

Я вышел вслед паромщику на Волхов.
От Новой Ладogi дул северяк.
Река была сиреневой, а небо
Двойным, прозрачным. Я зашёл в музей,
Взял ключ от храма и уже у двери
Услышал вой зверья и птичье пенье.
Гремел орган... Откуда там орган?
Подростки?.. Бред какой-то... Я не сразу
Попал ключом в замок. И всё затихло.

Всё было как всегда. Святой Георгий,
Щитом прикрывшись, ехал без копья
С оранжевым флажком и знал, что зло
Непобедимо сталью. Под конём
Желтела сопка Вещего Олега,
И Велеса-дракона от реки
Вела на поясочке Елисава.
Но тут опять завыло и запело.
И стало ясно: это просто ветер.

И стало пусто, будто бы вот так
Лишили не иллюзии, а смысла
Настолько, что и в кулаке моём —
Не аленький цветочек, привезённый
Из жарких стран — индийских ли, персидских,
Не тот гранат из чёток пилигрима,
Змеевиком процветший изнутри,
А зёрнышко граната из сельпо,
Забрызганное прозеленью тлена.

Но если так — тогда, ответь, зачем
И Ладога, и перевозчик Коля,

И сын его, которого забрал
На переправе ненасытный Велес?
И зёрнышко оброненное это?
И может быть, мне только показалось,
Что в миг, когда рыдали оба хора,
Георгий отделился от стены,
Возликовав непоновлённым ликом?

6–17 мая 2000

НА ЛЮБШЕ

В. А. и А. В. Дыбо

Ладожского Средиземноморья
Снежный шелест в небе нежилом,
Где угодья Храброго Егорья
Вéлесовым вспаханы хвостом.
Наши музы — Альки и Наталки,
Наши кипарисы — ёлки-палки.
Вместо мрамора — разрыв-трава.
Вместо Парки — сонная сова.

Над водою мёртвого колодца,
Что бы ни случилось на веку,
Погадаем, сколько отольётся.
Лыком в стрóку каждое ку-ку.
Се цивилизация по-русски:
Вон из дома, точно из кутузки.
Не оседло жить, не кочево —
Втянешься, и вроде ничего.

И отсюда, не поняв границы,
Мы брели полмиллиона дней
За хвостом куницы и жар-птицы,
За звездой постылою своей.
А пахнуло Промыслом Господним,
И пришли к себе в одном исподнем.
Ну, не получилось. Бог упас.
Если можете, простите нас.

Декабрь 2000 — январь 2001

* * *

И жили без особенных забот
(Несчастливо? Но это — дело третье),
Когда всходил над нами небосвод
В то утро, в первый год тысячелетья.

Невидимый рыбак шёл по реке.
Гнилушкой тянуло от причала.
Как сумасшедший с бритвою в руке,
В тумане солнце низкое торчало.

И мы не знали в нищете щедрот,
В той коже обыденного зренья,
Что нас вот-вот накроет небосвод
На Ладого, в Четвёртый день творенья.

10 июня 2014

* * *

Даше и Наташе Ефимовым

Альдэйгия — страна невелика.
Алоде-йоги — Нижняя река,
Где Ладожка вливается в Заклюку
И Волхов различается по звуку,
Где шли на нерест лóдуга и сиг,
Где прожил я счастливый самый миг.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

(Гардарика. Издание «Интерьерного театра». СПб., 1997. Тираж 50 экз.)

Книга стихов Андрея Чернова посвящена истории зарождения и становления Русского государства («Гардарике» скандинавских источников).

Среди «гардов» особое место занимает Ладога — ныне посёлок Старая Ладога Волховского района Ленинградской области, выделяющийся как уникальной сохранностью почти четырёхметрового культурного слоя, так и ранним возрастом поселения. Работами нашей экспедиции получены спилы дерева с объектов, оставленных первыми обитателями Ладоги, и установлена дендрохронологическая дата возникновения этого посёлка в низовьях Волхова — 753 год. Таким образом, уже в недалёком начале следующего тысячелетия, в 2003 году, мы будем отмечать два весьма важных юбилея в истории Северо-Западного региона, а шире — и всей России: 300-летие града святого Петра и 1250-летие Ладоги, древней предшественницы Санкт-Петербурга.

Ранняя Ладога — первое прорубленное из Западной Европы «окно».

Ладога была хорошо известна скандинавам — шведам, датчанами, норвежцам, достигшим нижнего течения Волхова ещё за сто лет до возникновения Древнерусского государства. В северных сказаниях — сагах — это место часто упоминается под названием Альдейгия или Альдейгьюборг как международный торговый пункт движения из Балтийского моря вглубь материка. Из Альдейгии караваны судов по пути «из Варяг в Греки» продвигались в Чёрное море, достигая Византии, а по Великому Волжскому пути они проникали до средневекового государственного образования в Среднем Поволжье и на Нижней Каме — Волжской Болгарии, достигая на юго-востоке Хазарии, стран Арабского Востока и Хорезма. Сообщество ранних ладожских поселенцев было очень пёстрым: «Норманны, фряги, русы, финны, фризы / Базар хазар на торжищах словен...»

С Ладогой связаны важнейшие события начальной русской истории. Именно здесь, в 862 году (по летописным данным), появился основатель «династии Рюриковичей» — князь Рюрик, вероятный выходец из датской Ютландии. Здесь же, по летописной

версии, погиб от укуса змеи и погребён в одной из монументальных ладожских насыпей-сопок Олег Вещий.

С темой «Альдейгьюборга» связано упоминание Земляного городища — древнейшего участка Ладожского поселения, примыкающего к левому берегу Волхова и отделённого с напольной стороны укреплениями позднесредневекового времени. Именно здесь с 1909 года продолжают основные археологические работы, которые привели к открытию многих ценных свидетельств ранних этапов существования этого уникального памятника.

Ко второй половине VIII и первой половине IX века относятся выявленные экспедицией 1975–1985 годов остатки кузнечно-ювелирной мастерской и производственного комплекса, владельцы которого занимались изготовлением древнейших в Восточной и Северной Европе стеклянных украшений. Особой популярностью у первопоселенцев Ладоги пользовались так называемые глазчатые бусы — красивые изделия с разноцветными пятнышками («глазками»).

Любопытное сообщение оставил о них составитель «Повести временных лет», посетивший Ладогу в 1114 году и произведший, по существу, первые археологические изыскания на этом памятнике. Киево-Печерский инок был поражён видом таких бус, минимум за столетие до него вышедших из употребления; «...егда будет туча велика, и находят дети наши глазки стеклянные и малыи и великыи, провертаны, а другыя подле Волховъ берутъ, еже выполаскывает вода, от нихъ же взяхъ боле ста; суть же различь». Стеклянные бусы и мелкий бисер развозились торговцами в больших берестяных коробах в чудские (финские) земли лесного Севера, где их меняли на пушнину. Дорого ценившиеся меха сбывались затем ладожанами купцам из Волжской Болгарии и Арабского Востока в обмен на серебряные монеты — дирхемы: «Мех за бисер. Монету на мех». В финском Приладожье возникали даже постоянные купеческие фактории. Таковым, в частности, являлось городище на реке Сясь, известное в северных сагах под названием Алаборг.

Активными посредниками в этой торговле являлись скандинавские купцы-воины. На Руси выходцы с Европейского Севера назывались варягами, в далёкой Византии — варангами. На своих судах, увенчанных деревянными головами драконов, они бороздили морские пространства, достигнув за 500 лет до Колумба

побережья Америки, и глубоко заходили по речным артериям в пространство Евразии. Варягам были хорошо знакомы озеро Нево (Ладожское озеро с берущей из него начало Невой) и Хольмгард (Новгород Великий). Походы скандинавских воителей воспевались сказителями-скальдами.

Особый сюжет в книге посвящён Олегу, известному в сагах как Орвар Одд («Прорицание Орвару Одду»). Этому легендарному варягу, жившему тысячу с лишним лет назад, вещуньей-вельвой была предсказана смерть от черепа его коня. Предсказание сбылось; после совершённых Орваром Оддом подвигов в дальних странах при возвращении его на место, где он провёл ранние годы своей молодости, он был укушен змеей, выползшей из черепа его умершего коня. Нетрудно заметить, что этот рассказ вторичен по отношению к древнерусскому преданию о гибели Олега Вещего, принявшего «смерть от коня своего». Однако, согласно Новгородской Первой летописи, после длительного правления в Киеве Олег «иде к Новгороду и оттуда в Ладогу. Друзия же сказаеть, яко идуще ему за море и уклону змия в ногу, и с того умре, и есть могила его в Ладозе».

Связанными с Ладогой историческими персонажами являются шведская принцесса Ингигерд, жена Ярослава Мудрого, и воевода Добрыня, дядя Владимира Святого («Руны сыну»). Ингигерд получила в качестве свадебного дара Ладогу. Добрыня — в фольклоре былинный богатырь — прославился участием в христианизации Руси при князе Владимире. Вероятные следы его акций — разорённое и почти полностью уничтоженное ладожское языческое капище, остатки которого были открыты раскопками В. П. Петренко.

Многообразен пантеон богов и богинь у древних обитателей Северной и Восточной Европы в дохристианскую эпоху. Среди них «угрюмый Один» — верховный бог скандинавской мифологии. Выполненное в бронзе его изображение обнаружено в основании культурного слоя Ладожского поселения (750–760-е).

Фрейя — богиня и прорицательница северных сказаний — являлась олицетворением богатства. В сагах сообщается, что её именем называли всех знатных женщин, а также всякую владелицу имущества и всякую хозяйку, у которой есть своё добро (этимологически имя Фрейи расшифровывается из древнескандинавского понятия «госпожа»).

К славянскому языческому пантеону относятся Перун, Велес и Стрибог.

Перун — это божество дружинной эпохи, сходное по своей семантике со скандинавским богом-громовиком Тором. Более архаичным по времени возникновения был народный, земледельческий культ скотьего бога Велеса. Во многом загадочным остаётся место Стрибога в дохристианских верованиях. В «Слове о полку Игореве» ветры названы «Стрибожьими внуками». Не означает ли это, что Стрибог для наших далёких предков представлялся старейшиной простых стихий, дедом ветров, то есть повелителем воздуха и верховным небесным божеством?

История Ладоги до сих пор во многом загадочна. Но именно здесь, в Ладоге, следует искать истоки отечественной государственности. Ибо отсюда идёт Русская земля.

*Евгений РЯБИНИН,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института
истории материальной культуры РАН,
в 1973–1975 гг. возглавлял раскопки
Земляного городища Старой Ладоги*

IV

ГЛУХАЯ ИСПОВЕДЬ

* * *

Наташе

Всё о чужом да о своём
В подробностях-деталях
С неблизкой женщиной вдвоём
В не слишком дальних далях
Узор страстей перетирать,
Дом содержать, детей рожать.

Но ангел в ситцевом венце
Войдёт и бровь насупит,
Когда почти уже в конце
Лицом к лицу — в чужом лице
Твоё лицо проступит.

29–30 мая 2002

ВОСЬМАЯ ЛИНИЯ

Я вернулся в мой город...

Мандельштам

Этот город транзитного неба,
Город жирной нагонной воды,
Византийско-казённая треба
Азиатско-немецкой судьбы,

И в метро под ребро — чувство локтя,
И в окне — восковой брадобрей.
И поверх разведённого дёгтя
Ложка мёда речных фонарей.

Перспектива обратного счёта —
10, 9 — сужает круги.
Остаётся работа, работа,
Алкоголь, телевизор, долги.
8, 7, 6 — какое вам дело? —
5, 4 — летейская слизь —
3, 2 — вот и душа отболела —
Раз — и в голос — помедли, продлись!..

7 декабря 2005 — 5 января 2006

ДОРОГА ВО ВЩИЖ

Всё аушки да аушки —
Копеечная Русь.
Присяду там, на камушке,
Но я тебя дождусь.

Алёнушки, Иванушки...
Но по снегу скребя,
Я посижу на камушке
И я дождусь тебя.

10 февраля 2006

СТАНСЫ К NN

(на выставке Завена Аршакуни)

Когда клесты рябину обобьют
Насмешливо, неряшливо, кроваво,
Всё сбудется-устроится — уют
И под простым крестом земная слава.

Ревнитель прошлой дружбы нас простит.
Досмотрим сны, пошитые на вырост:
Там петроградский дождик моросит,
Там рак не свистнет и гарант не выдаст.

Теперь бы позвонить, да недосуг
Жевать ту жвачку, де, державу спёрли.
Когда теснее круг — теснее круг
Затягивается на горле.

Ни ста тебе рублей, ни ста друзей.
«А к вам, мадам, сюда приходят дети?»
Жар-птица (чучело) сдана в музей.
И зябко, как бывает на рассвете.

Когда клесты рябину оклюют,
Когда доской клеёною запахнет,
И тополь (его дворники убьют)
С холста листвою, как гранатой, ахнет.

31 марта — 3 апреля 2006

* * *

М. С. Г.

*На пределе спокойствия нервов
(как обмолвился бывший царь)
собиранье словечек и перлов
пополняет компьютерный ларь.*

И коллекция вящих помарок
слаще самых зачитанных книг:
чем глупей — тем дороже подарок,
где на «ты» эпоха и миг.

Чем глупее — ну тем и смешнее,
чем страшней, тем потешней оно,
и просторнее, и солонее
той последней империи дно.

31 марта 2006

* * *

Неправильно, неумело —
А всё же — была не была! —
Какая-то дудочка пела,
Какая-то тропка вела.

Не веря судьбе-генеральше,
Московской не веря судьбе, —
Всё дальше — подальше, подальше! —
Всё ближе и ближе к тебе.

27 апреля 2006

* * *

Иван-чай, вскипающий по склону,
на закате льнёт к земному лону.

Лучник поцелует тетиву —
лебедь оскользнётся на плаву.

Неужели же и это втуне —
даже и бесстыжие петунии

в ящике зелёном, за окном,
там, где жили-были мы вдвоём.

7 августа — 19 сентября 2008

* * *

Здесь небо ползёт на восток,
Здесь жестью блюёт водосток,
Здесь слог виршеписца высок.

Сквозь шёпот: «Помедли — продлись!» —
Не скажут тебе: «Оглянись!»
(Куда? В эту мутную слизь?)

Здесь, ежели ты не герой, —
Навалится город-герой,
Придавит свинцовой горой.

А ты говоришь: — Парадиз.
Вот-вот птичка вылетит из... —
И смотришь на нас сверху вниз.

19 сентября 2008

S.-Pb

*Реставратору А. Д.,
заметившему, что
S.-Pb равно S (Sulfur — сера)
плюс Pb (Plumbum — свинец)*

Ну вот нам и открылась наконец
Имперская алхимия латыни:
Сульфур и плюмбум — сера и свинец.
А парадиза нету и в помине.

* * *

Вагонные вёрсты.
Погонных бессонниц запас.
И падают звёзды
В последний предутренный раз.

Там что-то цветное
Скатилось конфеткой драже.
А небо такое,
Как будто ты умер уже.

Апрель 2012

* * *

Как много стало молодёжи...

Валентин Берестов

А на потóm, конечно, — суп с котом,
Бабой-ягой предписанное средство,
И всё навязчивее мысль о том,
Что человечество впадает в детство.

Ещё фортуна скалится хитро,
Ещё сентябрь метелит на бульварах,
Но всё моложе женщины в метро
И старые актёры в фильмах старых.

25 сентября 2012

* * *

Борису Вишневному

Душу вывернув, распотрошит
тот brutальный, батальный пейзаж,
где ди эрсте колонне марширт
и ди цвайте колонне демарш*.
Не бессилие обессилит,
но в бессильи имеем в виду,
что ди эрсте колонне — навылет
и ди цвайте колонне — в аду.
Вновь кострами взвиваются клоны.
Вновь ракета, как в песне, горит.
Выползанием пятой колонны
озабочен красавец Мадрид.
Дни безоблачны и небывалы.
И бушуют весенние палы
приближением мартовских ид.

24 марта 2013

* Неточная цитата из «Войны и мира»: «Die erste Kolonne marschiert, die zweite Kolonne marschiert...» (Первая колонна марширует, вторая колонна марширует...) Слова немецкого генерала на русской службе Пфуля, который зачитывает русским военачальникам план будущего сражения под Аустерлицем (Т. I, ч. 3, гл. 12).

* * *

Повторяю гамму,
Первопропись нашу:
«Мама мыла раму.
Маша ела кашу».

Что зубрил — замялось,
Что сберёг — забылось...
Только эта малость,
Мнемозины милость,

Так вот и осталась
На чёрный день, на старость.

5 декабря 2013

* * *

Нелеп, как пироскаф среди перронов,
«Собачья старость!» — говорил Аронов.
И громче прочих всех смеялся Берестов,
Заведующий стихотворных нерестов.

Мальчишками — накоротке с веками, —
Едва переступив на третью треть,
Так и ушли, не ставши стариками,
Нас, стариков, оставили стареть.

5 декабря 2013

* * *

В то лето ты умел, тираня зреньё,
По зёрнышку выклёвывать мгновенья,
Движеньё останавливать живую,
Ловить сетчаткой каплю дождевую,
Снежинку, что струится под откос, —
Но материнских не заметил слёз.

5 декабря 2013 — 23 августа 2023

* * *

Н. Вв.

Выходил куда-то. Лет на тридцать
Отлучился от простой строки.
Стариков не стало. Те же лица,
Да не те. Мы сами — старики.

Холодно, а потому постыло
Было в слишком взрослом том краю,
Если б ты меня не возвратила
В юность опустелую мою.

6 декабря 2013

ПТИЧКУ ЖАЛКО

В нищете и умереть не страшно:
На подхвате тяготы не в труд.
Не простынут ни кутья, ни брашно,
Утлый скарб соседки разберут.

Извлекут припрятанную нычку —
Выпьют и всплакнут по мере сил.
Но замёрзнет на заре синичка,
Та, с которой крохи ты делил.

10 декабря 2013

РАБЫ НА ГАЛЕРЕ

Почитая казни полумерой,
Впредь не внемля ни добру, ни злу,
Параноик, правящий галерой,
Выбрал курс на ближнюю скалу.

Чем окончится прямая линия,
В трюме обсуждает молодёжь:
— Валим за́ борт, если руль заклинило...
— Далеко в железах поплывёшь?..

10 декабря 2013

* * *

Феликсу Коэну

Где не знаешь, — неведомо где
Средь обыденного ненастья,
Как янтарик в солёной воде,
Просверкнёт это краткое счастье.
Из-под самых неистовых туч
Улыбнётся и зябко, и зыбко,
На закате последний луч.
И влюблённость. И просто улыбка.

10 декабря 2013

* * *

Андрею Туркову

Лётчики стихов не сочиняли.
Им хватало глубины неба.
Моряки писали, но плохо:
море к рифме приревновало.
А танкисты сгорели в танках.
И оглохли артиллеристы.

Фронтная плеяда — Гудзенко,
Слуцкий, Межиров, Самойлов, Тарковский,
Окуджава, Фатьянов, Липкин,
Левитанский и Львов Владимир —
все из чрева русской пехоты:
на Парнас — в прахорях — из окопа.

11 декабря 2013

* * *

О + С

На траверзе негданной беды
И в тесном створе Сциллы и Харибды
За то, что принял правила среды
И не пренебрегал дарами кривды,

И наперёд верблюда лез в ушко,
И в небесах пустых, паря как птица,
Клевал конфетку «Птичье молоко»... —
За всё за это надо расплатиться.

Полундра! Трое сбоку — ваших нет!..
И вовсе не система виновата.
«Виновен всякий, кто платил за свет», —
Как Лихачёв предупредил когда-то.

11–12 декабря 2013

КАЗУС САМОЙЛОВА

— Слаб я, человек... А во-вторых —
Кто я в сущности? И. о. поэта.
Первые погибли во-первых.
Не перебивай, я не про это.
...В послесталинские времена
Отмечали что-то... Я не пьяный,
Злой как чёрт... И вдруг вошла она...
Рыжая... Представилась Светланой.
Где-то выл, хлопком взрываясь, лифт.
Звук, сравнимый с фугою фугаса,
Ежели в ночи... Знакомство. Флирт.
Пушкин. И ещё знакомых масса.
«Вы меня проводите?» — «Легко!»
(Примечаю, что устои шатки!)
«Где живёте?» — «Тут, недалеко.
На соседней лестничной площадке».
Дом на Набережной. Мощный бред
Иофана... Свет включать некстати...
Просыпаюсь... В полстены портрет —
Вождь. Конечно, с трубкой. Но в халате.
Сквозь окно — рубин кремлёвских призм.
Фрукты в хрусталях, как бы живые...
И тогда подумалось впервые:
Да имел я этот ваш марксизм!
Попрощались... Оттепель цвела
На дворе. Ну и по всей России.
Царь Никита бил в колокола.
Мумию ещё не выносили.

11.12.13 — 17.02.17

ГЛУХАЯ ИСПОВЕДЬ

Григорию Галичу

...а если покаянья не случилось
И все твои потуги *внезачёт*,
Последнюю оказывая милость,
Чернец глухую исповедь прочтёт.

Он верит, что не овощ ты, но овен.
Не на одре — на алтаре сейчас.
— Виновен ли? — О, Господи, — виновен.
Очисти и прости в последний раз.

14 декабря 2013
Арбат, 51

ПАМЯТИ ЗАВЕНА

Не требуя взамен
Утраченного втуне,
Живописал Завен
Петросыч Аршакуни

(О нет, не на словах,
Словами были краски!)

Толпу на островах,
Трамвайчики на Ваське,
И на Неве буксир,
И сто портретов Нины, —

Обóжен Божий мир,
Сойдя с его картины.

Да, как ни посмотри,
Тасуя запятые, —
Армянские цари —
Ребята непростые.

И этот, ох, не прост
В простой своей заботе,
Подписывая холст,
Но — лишь на обороте.

*14 декабря 2013
Новинский бульвар, 7.
Кафе «Хлеб насущный»*

АФАНАСИЙ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ

составитель и редактор Нового Завета

Андрею Никитину-Перенскому

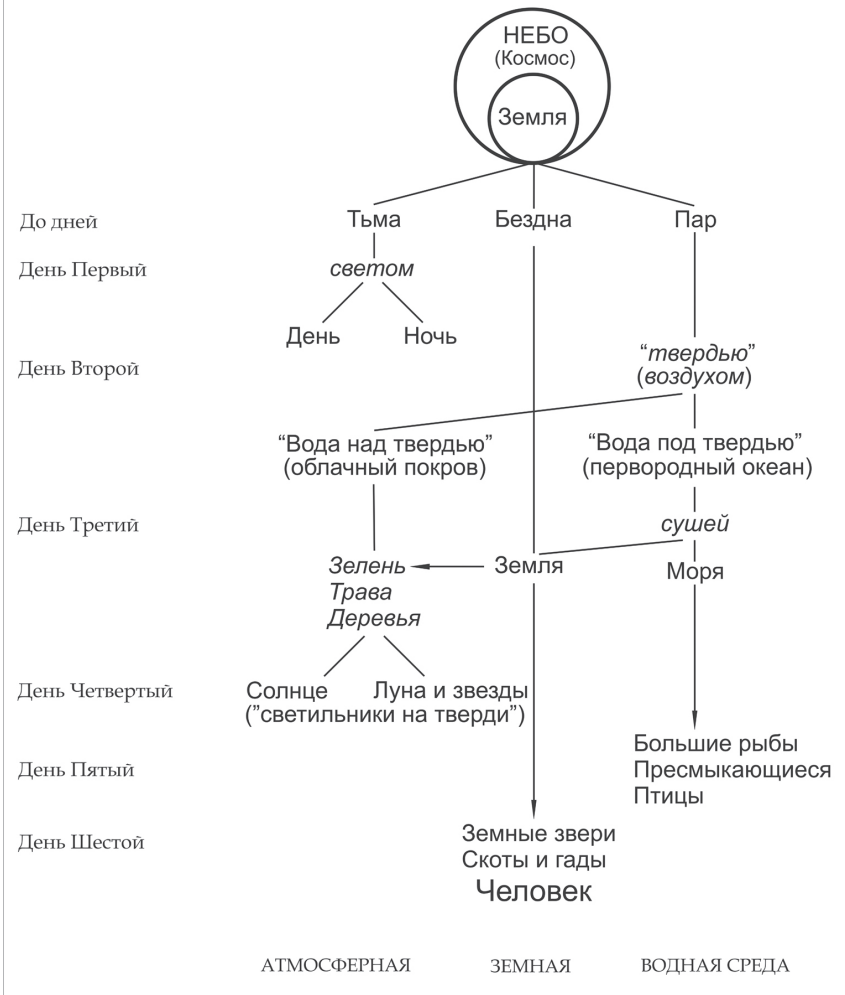
Мысленное царство тридевятое,
Вытопанное, потом распятое,
Скинувшее смертные вериги, —
Это царство-государство Книги.

Лишь пошёл на спад девятый вал
Казней, новых казней и арестов,
Двадцать семь новозаветных текстов
Афанасий благовествовал.

Трижды девять. Литерная мера.
Книжнику и парус, и весло —
Свод графем, что со времён Гомера
Значили и букву, и число.

15–16 декабря 2013

ЭВОЛЮЦИЯ ПО БИБЛЕЙСКОМУ ШЕСТОДНЕВУ

ЛЕТО 1983.
НЕ ДОГОВОРИЛИ С АВЕРИНЦЕВЫМ

*...и птицы да полетят над
землёю, по тверди небесной.*

Книга Бытия. 1: 20

— *Твердь Небесная* — неверный перевод.
Греки верили, что небо — твёрдое,
По-еврейски *ракия* — простёртое,
Строй пространств и разделитель вод
(Тучи — над, морей собранье — под).
А ещё — первопричина зренья,
Наше с вами третье измеренье.

Именно в него на пятый день,
Как в стихе двадцатом говорится,
Воспарили те, кому не лень, —
Те, кто смог, кто смел, короче — птицы...

— *Твердь* — конгениальный перевод! —
Прокричу сквозь тридцать лет — в то лето.
Разделяя избранный народ,
Не стесняясь выглядеть нелепо,
Пастырь тот — Атлант Наоборот —
Держит землю, опершись на небо.

15 декабря 2013

NB. См. Приложение, с. 533.

ТРОСТЬ КИТОВРАСА

*Ирине Воиновой, архитектору-
реставратору Староладожской
церкви Успения Богородицы*

Из бездны рукописных мреж,
С той кочки, с этого пригорка,
Предписывает поговорка:
— Семь раз отмерь, один отрежь, —

Но где, когда, какой порой,
Не доверяя глазомеру,
Краснодеревщик и портной
Семь раз прикладывали меру?

Краснодеревщик и портной,
Не говоря уже о прочих,
Лишь перелицевали край
Присловья византийских зодчих.

И никакой загадки тут:
Псалмы пропеты. Грунт заглажен.
И Парфенона древний фут
Семь раз к тростиночке приважен.
Отрежь. Се трость — Большая сажень.

В самих лещинах чуда нет...
Ты дань отдашь долготерпенью
И подождёшь, когда рассвет
Разметит ось Успенской тенью.

15–16 декабря 2013

NB. Античный греческий фут, равный 0,3087 м, — это 1/100 короткой стороны плиты под Парфеноном афинского Акрополя. Но никто не обратил внимания на то, что семь древнегреческих футов равны одной так называемой Большой древнерусской сажени (2,16 м). Русская поговорка «семь раз отмерь, один раз отрежь» — это о греческом футе: расчистив площадку будущего храма, архитектор должен был изготовить набор из девяти пропорциональных тростей, и, семь раз отложив поясok с эталоном греческого фута, он получал мерную линейку со шкалой в одну большую сажень. Остальные строились уже чисто геометрически.

Подробности здесь: http://chernov-trezin.narod.ru/ZS_2.htm

И здесь: <https://wp.me/p2IpKD-2QJ>

В ХРАМЕ

Школярских фенек пёстрый сор —
Весёлое собрание:
«Да будет свет!» — сказал монтёр.
И сделал замыкание.

И на исходе стольких лет,
Что враз не перемелешь,
Ты повторяешь: «Будет свет...»
И медлишь, медлишь, медлишь...

16 декабря 2013

ДИСПУТ

Марку Борнштейну

— Коротка оливковая сень,
Кратка и дружков твоих осанна.
Долог будет лишь последний день
На ущербе месяца нисана.
Значит, по-еврейски *назара* —
Истина... Давай, соври про это,
Ты, кто врал толпе ещё вчера,
Назорей, болтун из Назарета.
Если чуда не произошло,
Есть ли смысл в свою фортуна верить?
Что есть истина?.. —

Сказал: — Число.

У евреев это цифра девять. —
Монограммой начертил «I.X.».
— Так по-эллински, а так девятка
Римская... — Не робкого десятка...
Иудей... Но кто же без греха...
Ты царём назвался... — Ты сказал. —
Смотрит кротко, как пасхальный овен,
А смотри-ка — истину познал.
— Перед Римом этот не виновен. —
И уже у самых у дверей,
Холодком обдаст сквозняк летеийский.
— Напиши: Мессия. Назорей.
И ещё пиши: Царь Иудейский.

16 декабря 2013 — 29 апреля 2016

* * *

*Дочери Елене-Александре Трезини,
помрежу на крымском «Гамлете»*

Рычащее «Не тронь вина, Гертруда!..»
Нам Дмитрий Крымов перетолковал.
Откуда взял?.. Должно быть, из-под спуда.
Прищурился — и в яблочко попал.

Что за жемчужина мерцает в кубке,
Гертруда знает. Опускает взгляд.
Но не идёт, как прежде, на уступки.
Спасая сына, выпивает яд.

17 декабря 2013

ЖЕТОНЧИК МЕТРО

В Санкт-Петербурге солнца мало.
Дожди не знают проволочек.
Но ты однажды мне сказала,
Входя в метро: «Возьми желтончик!»

28 декабря 2013

* * *

Вместе — ты да я, да мы с тобою,
Там, где нет ни моря, ни земли,
По ничейной полосе прибоя,
Рук не выпуская, побрели.

И не рыбы, но ещё не птицы,
Вместе — мы с тобою, ты да я,
Не умея перевоплотиться,
Длим пробег земного бытия.

Что с телами будет? Что с душою?
С тютчевской споткнувшейся строкой?
Только ты да я, да мы с тобою,
Да моя рука с твоей рукой.

Разве только лунною дорожкой
Повернём — *да инда побредём!* —
За промёрзлой ладожской морошкой
Вместе — ты да я, да мы вдвоём.

1 декабря 2013

ХРАМ ХРИСТА НЕРУКОТВОРНОГО ОБРАЗА

в Конюшенном ведомстве, где в разное время
отпели двух весёлых поэтов, а 24 февраля 2013-го
Алексея Германа-старшего

Петроградской долгоночью,
Повернувшей на весну,
Восковое многоточье
Узелочком затяну.

Знатно их принарядили,
Протащив до рубежа
В камер-юнкерском мундире,
В пиджачке полубомжа.

А Гекуба?.. Что Гекуба
Или Царское Село?
Взвыли ангельские трубы —
Лишь к полудню рассвело.

Ростепельный, непогожий,
День по жести бил клюкой.
А с утра прощались с Лёшей,
Да в компании какой —

Здесь и Альфа, и Омега
От лучины до ЛАЭС:
От Григорьева Олега
И до Пушкина А. С.

2013 — 4 января 2014

Р. С. Почти год не мог дописать этих стихов. Не было первой строфы. Но тут мой друг лингвист Сергей Николаев, с которым мы комментировали «Слову о полку...», обнаружил, что строка древнерусского поэта «Долго ночь меркнет...» должна записываться не в три, а в два слова: «Долгоночь меркнет...». Диалектное «долговечер» — поздний вечер: «Сидел я долговечер один» (*Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914. С. 176). И в «Летописце русском» XV века: «В лѣто 6896. Мѣсяца мая 19 долгонощи преставися христолюбивый князь великий Дмитрей Ивановичь всея Руси». (См.: *Николаев С. Л.* «Слово о полку Игореве»: реконструкция стихотворного текста. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 544.)

ГЛЕБ НОВГОРОДСКИЙ. ЛЕТО 6579

Воспоминание у Тмутараканского камня

Тот в Литве искал свою Изольду
И летал на облаке в ночи,
Ну а этот море мерил по льду
От Тмутаракани до Керчи.

А спустя три года в Новгородчине
Сел на стол на дедчине и отчине.
В то же лето голод приключился.
Ну и по весне волхв объявился.

Нашептал смущённому народу,
Что иссохла дедова земля,
Люто врал про волю, про свободу,
Веру христианскую хуля.

Отчего повыпиты колодцы?
Отчего в деревнях* недород?
Новгородцы вы иль говнородцы?
Гостомысла внуки или скот?

Выплетал свои паучьи плутни:
Я, мол, бог... С богами не шути!
Де, сумею Волхов до полудни
Аки посуху перебрести.

Фёдор-поп да Глеб, ваш князь, виновны
В том, что недород плодов земных.

* Деревня (др.-рус.) — нива.

Ежели, словене, вы не овны,
Так пойдите и убейте их.

...И епископ кланялся впустую,
Роковые вымолвив слова:
«Кто за Спаса — станьте одесную.
И ошую, аще за волхва».

Горькой волчьей ягодой-крушиной
Раскатилось эхо средь земли:
Только Глеб с княгиней и дружиной
Под благословенье подошли.

И младенец на руках у мамок
Стих, почуяв смертную купель.
Варевом усобиц и изнанок
Всплыл — со дна крамол — прокислый хмель.

...С пояса сорвал меч харалужный.
Отроку, не глядя, протянул.
И простоволосый, безоружный
К чародею, за черту, шагнул.

— Ведаешь ли будущее? — Ведаю,
Ибо завтра чудо сотворю!
— Ну а ныне? — Ныне отобедаю
В тереме твоём, куда проследую
Сразу, как с тобой договорю.

— Лжёшь! — плеснула фибула гранёным
Самоцветом, а из-под плаща
Воронёнок в серебре чёрнёном
Выпорхнул, крылами трепеща.

Клюнул в лоб волхву... Не будет чуда...
И аминь. И мятежу — конец.
Кто-то молвил: — Знать ему откуда,
Что за пазухою топорец?..

И пошла кругами эта слава,
Мол, сразил невежу наповал,
Ибо щучью мудрость Ярослава
Святославов первенец приял.

И приблизились иные дали.
Лихолетье выло на дворе.
Вызревала Калка на Каяле.
Но текла Непрядва на Угре.

.

Поминая Лебедева Глеба,
Ярла, археолога, волхва,
Как велит кладбищенская треба,
Сопрягаю нищие слова.

Глеб любил порассуждать про Глеба,
Про того, кто море измерял,
Воевал Всеслава и нелепо
В Заволочье в западню попал.

Зачерствел на рюмке ломтик хлеба —
Многих тризн расхожий матерьял.

18–23 января 2014

ЗАХАРИЙ ПРОРОК

6 февраля: Захарий Серповидец,
Фёдор Стратилат и блаженная
Ксения Петербургская

Задрапирован в ситец,
Овчину и онучи,
Захарий Серповидец
Глядит с ближайшей тучи.

В брюзжаньи мало проку,
Но — Господи спаси! —
Библейскому пророку
Невместно на Руси.

Всё рытвины-ухабы.
А боле — ничего.
По всей России бабы
Забыли про него.

Зачем серпы кропили
Крещенскою водой,
Когда бывлые были
Позаросли бедой?

Где хмель теперь, где солод,
Где просветитель-серб,
С тех пор, как серп и молот
Вошли в бесовский герб?

Грядёт пора весенняя,
Да погребён уклад.
Куда же смотрят Ксения
И Фёдор Стратилат?

6–8 февраля 2014

ЦВЕТОЧНЫЙ ХЛЕБ

*Внучке Альке, возвращая
ей же сочиненное слово «всесерый».*

*Но тайная жива ещё отрада...
Ходасевич*

Из тех, кто лично знал богиню Мокушь,
последнею крестьянкой на Руси
была моя прабабка Ефросинья.
Отца её, Зиновия, забили
кнутом (за что? за то, что не отдал
её сестру помещику в услужу).
В тот год как раз и Фрося родилась,
и отменили крепостное право.

Знахарка или знáхарка — не суть,
как станешь величать... Про Ефросинью
молва ходила даже в Молокове,
а тут, в Кузнецком, в Павловском, она
за неимением фельдшера была
и фельдшером, и повивальной бабкой
(ну, потому-то Куниной звалась).

Два сына сгинули на двух германских.
Но до деревни немцы не дошли
ни в тот, ни в этот раз. «Как выживали?» —
спросил я маму. Начала с соседей:
«Петро-овы были бо-огатеи. Мо-окушь
сама таскала им в амбары. Мы же
цветы толкли». (Понятно. Тот Петров
работал председателем колхоза.)

Лишь во второе лето фронтовое
открылось, что богиня ни при чём.
В тот день моя *кувыренная* мама
(так звали беженцев Второй Германской)
пошла за васильками. Их сушили
и добавляли в хлеб. От этих самых
цветочных караваев детвора
запорами страдала. Голосили
на сумерках и в той избе, и в этой.
Но вновь цветы толкли. Ведь есть-то надо.

И повстречались в поле две девчушки —
одна с охапкой васильков, другая
(Петрова) с колосками. Заглянули
в глаза друг дружке. И похолодели.
Да так и разбежались навсегда.
И никому ни слова. (Это ж стыдно!)

Тот хлеб всесерый. Даром, что цветочный.

«...Ешь, ешь,
не надейся на ебеж», —

так убеждала маму баба Саша,
её другая бабушка. А маме
в 42-м исполнилось двенадцать,
и слов таких она не понимала,
покуда в техникум, на акушерский,
не подала, вернувшись в Ленинград.

9 февраля 2014

СОЧЕЛЬНИК В РОЖДЕСТВЕНЕ

Кате, Егору и Мите Сёмочкиным

Над Вырою, над журавлиным Иръем,
Шибая как глоток нашатыря,
Закатным оперением снегирым
Распластана январская заря.

Легко ли той лошадке мохноногой,
Впряжённой в дровни, ёлочку везти,
По целине, что названа дорогой
В краю, где ни дороги, ни пути?

Из тёмного, из Зарецкого леса,
Похрумывая снежным сахарком,
Бредёт, не проявляя интереса
К тому, кто у неё за облучком.

Подальше от людей и от начальства —
На тот недолгий праздник бытия
По прутикам, расставленным нечасто,
На запах хоть какого-то жилья.

Особый путь: при чём тут птица-тройка
И голый лоб Олегова коня,
От коих на Руси крепчают только
Мороз, маразм да дедова броня.

В стране, где молью траченная вера
Расхитила и души, и слова,
Но конь Рыжко да та лошадка Верба
Являли нам поклажу Рождества.

10 февраля 2014

ПОСВЯЩЕНИЕ ПЕТРУ АРШАКУНИ

На бледно-голубой эмали...

Мандельштам

На фоне заводской стены
Предвосхищеньем перепутья
В зелёный шум погружены
Берёз чернеющие прутья.

Бушует зелень молодая
Вальпургиева первая,
А на дворе стоит зима.
...Ну, — думаю, — схожу с ума.

Но вспомню: стуже вопреки
Казённой охрою фасада
Столь притягательны для взгляда
Московские особняки.

И петроградской зимой,
Ну как в каком-нибудь июне,
Деревья наполнял листвою
Завен Петросыч Аршакуни.

На воздушных нетленных сил —
По наблюдению поэта —
Всё это Пришвин окрестил
Февральскою весною света.

Дождливой осени сыны
Ждём, как крестьянин урожая,
Весну травы в стране весны,
С Остоженки не отъезжая.

10–11 февраля 2014

* * *

Дайте Тютчеву стрекóзу...

Там, где спит святая Ксения
В праздничной своей печали,
Ни дохода, ни имени
Прадеды не обещали.

Но иное нам завещано
Через посох да суму:
Душу — Богу. Сердце — женщине.
Ну а совесть — никому.

21 февраля 2014

ВАНЬКА-МОКРЫЙ,

он же бальзамин огородный

По коробкам расфасованы
Да по склянкам трёхлитровым,
За дощатыми заборами,
По кладовкам под засовом
Спят верхки и корешки,
Лета сладкого божки.

Вслед за ягодой-малиной
В почву канула роса.
Паутинкой журавлиной
Осень входит в небеса.

Озорник, завистник древний,
Туняец и сорняк,
Первый парень на деревне
Не найдёт себя никак.

Не перед кем красоваться,
Стебель доблестный держа,
В одиночку погибаться
Не хватает куража.

Иней теплится на кронах,
Листопад сулит беду
Возле грядок разорённых,
В отлетающем саду,

Где под солнышком осенним
Распалён не понарошку
Ванька-Мокрый брызжет семенем
На булыжную дорожку.

23–25 февраля 2014

ПРОГУЛКИ С СИНЯВСКИМ

Ночное небо Фонтене-о-Роз
В блужданиях по окрестностям Парижа.
«Так быть или не быть?.. Ну и вопрос...»
Звезда всё ниже. И прощанье ближе.

Моргает светофора светлячок.
«И всё бледней огонь его холодный».
Вдыхаем воздух сладкий и свободный,
Хоть знаем, что не надышаться впрок.

Но перед тем, как распахнётся бездна
В сиянии расчисленных светил,
Припомни, что Донатыч говорил:
Писателю и умирать полезно.

27–28 марта 2014

ИЗ ПИСЕМ ГРИГОРИУ МИХНОВУ-ВАЙТЕНКО

От бытия к отбытию готов...

Олег Хлебников

Бессловесные души собак и котов
В золотой оболочке молчанья
Воспарили поверх растопыренных ртов
И рычания, и величанья.

Ты ответь, свет-Григорий отец Палама,
Утоляет ли душу молитва,
Если выдохлись в мёртвой реторте слова,
И печальники в крепости сходят с ума,
И безмолвие крепче гранита,

И потеряны в рваном кармане ключи
На Неве, на Днепре, на Каяле,
Хоть с три короба ивовых слов рифмачи
Наплели, навязали, намяли?

28 марта 2014 — 30 августа 2023

МЕТРОВКА

«...Несущим во гробé — живот-трава!»
Скороговоркой — истово и ловко —
Вышёптывает тайные слова
Матрёна по прозвищу Метровка.

Живот — трава. Так нынешних старух
Старинные старухи научили,
Поскольку о попах пропал и слух,
А церкву, ту в тридцатые закрыли.

Но чтоб вскипала зелена-трава
Впрок по суглинистому косогорью,
Весенние законы естества
Предписывают кланяться Егорью.

«Чего ты говорила про траву?»
Поджала губы: «Да уж... Где уж... нам уж...
Не вышла ростом — и не взяли замуж.
А вот пока жива, — ещё живу».

28 марта 2014

БАЛЛАДА ОКОВСКОГО ЛЕСА

Волки, змеи, медведи!..

Брань кривичских баб

— Товарищ не без ветра в голове:
Знаток чешуекрылых и растений
Учительствует в Дубровках. (В Москве
В тот год шептались: Николаев — гений.)
Вельми учён, язвительно умён,
В деревне сеет Просвещенья семя:
«...В оковском диалекте шесть времён,
Из коих три — продолженное время». —

Не розыгрыш, не дилетантский свист
Задорного какого прощелыги...
Приветствую тебя, компаративист,
Грызущий лингвистические книги!
...Первичный соблюдаем политес,
Истории спрягаем, как глаголы:
...И встал заступник Новгорода — лес,
Через который не прошли монголы.

А почему?.. На карту посмотри:
Зелёнкою легла полуподкова
От Полоцка — до Пскова и Твери,
А от Твери — почти что до Ростова.
Отечества развеянного дым
Приятен ли?.. («Медведи, змеи, волки!»)
Но этот дым надеждою сладим
Вдоль родников Двины, Днепра и Волги.

Оковский лес — расторгнутая связь,
Обрывок шестинитяной завесы.
Здесь русская частушка родилась,
Здесь бабушки уходят в поэтессы.
Оковский — поэтически таковский,
Отсюда Исаковский и Твардовский.
Да, кстати, загляни-ка в ПВЛ*,
Где Нестор наш его запечатлел.

...Мостили гати, ладили мосты.
На всё-то — уповали — милость Божья!
Теперь здесь зона вечной нищеты
И стратегического бездорожья**.
Всех мужиков — на круг две-три души.
И шелестят по бабьим избам вирши
Опавшею листвою оковских «-ши».
Откуда это -ши?.. «А так привыкши».

28–31 марта 2014

* ПВЛ — Повесть временных лет.

** В ранних 80-х заезжий лектор разъяснил в клубе, почему к Дубровкам нет асфальтовой дороги:

«Товарищи, как своим могу вам сказать. Партия и правительство решили объявить ваш район зоной стратегического бездорожья» — «За-чем?..» — «А чтобы враги бомбу на Москву не провезли». Народ онемел, а лектор ушёл за кулисы, поигрывая «спутником агитатора», то бишь штопором.

РУССКОЕ СТОЛЕТЬЕ

Андрею Зубову

Десятые — распятые.
Двадцатые — пальчатые.
Треклятые тридцатые.

Сороковые — известно каковые.
Пяти-, Шести-, Семи-досадные,
Сперва десантные, потом осадные.

Без боя взятые
Восьмидощатые.

И Девяностые —
Из тощих — в толстые.

А нулевые —
Ни мёртвые, ни живые.

И вновь Десятые...

Октябрь 2011 — март 2014

ЧЕЛОВЕК ИМПЕРИИ

* * *

— Мама, мама, отчего,
отчего всё так бывает:
много-много своего,
а чужого не хватает? —
Посреди иной страны
в постблокадном Ленинграде
ты в тот день пекла блины,
Ксения Павловна — оладьи.
Ползёт муха по стене.
Зябко. Приоткрыта рама.
Что ответила ты мне,
мама? Ты не помнишь, мама?

* * *

Младшей моей дочери было три,
когда я неожиданно для себя самого спросил:
— Даша, а где ты была, когда тебя не было?
— В саду, — машинально ответила игравшая с куклою дочь.
И тут же поджала губы,
словно кто ударил по ним.
И смотрела с укором.
Мол, ты же знал, что про это нельзя спрашивать.

2 июля 2015

* * *

Где над расползавшейся империей
взад-вперёд ходили облака,
где и при Никите пахло Берией,
где пушинка-жизнь была легка,

как-то выживали и при Сталине,
да не просто выживали — жили:
на прогалине и на проталине
родине и Господу служили.

А теперь, как в поле одуванчики,
разлетелись, — и земля им пухом! —
памы-мамы, девочки и мальчики
поколения Ни-Сном-Ни-Духом.

20 июня 2015 — 2 июля 2016

ПЕКАРЬ АРСЕНИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ОСИПОВ

Обнаружив в хлебнице заплесневелую сдобу,
вспомнил о мамином дяде Арсении Осипове,
первом парне в Павловском
Бежецкого уезда Тверской губернии,
волостном философе,
лютом матерщиннике
и любимце детворы.

До революции он уезжал в Питер.
Выучился на пекаря,
но в городе не прижился.
Работал, как все, в колхозе,
а в июне ушёл и сгинул.
Лет через пять узнали,
что дядя Арсений не доехал до фронта:
похватили их, безоружных,
загнали в сарай и наутро сожгли.

А тот, кто про то поведал,
выбрался, заметив
в углу сарая отхожее место:

— Я же звал его, Арся,
давай поднырнём под сруб...
А он вздохнул: «Мне нельзя.
Я — булочник».

5 июня 2016 — 8 января 2018

CASUS BELLI

*Император играет на скрипке.
Государство уходит из рук...*

Александр Городницкий

В Ропше жёсткая вода.
На зубах железа привкус.
Жиденькой шпажонки выплеск
ниоткуда — в никуда.

Рано скрипочки отпели
в императорском саду.
Зря в садках кипят форели
в агропромовском пруду.

Не укроет верный Миних,
не спасёт тенистый сад
две империи назад
в северных твоих пустынях,

здесь, где сумрак многолицый
на закате входит в раж,
где ворюга с кровопийцей
суть единый персонаж.

Шепоток измены боек,
и окрестные ветра
тенью Третьего Петра
пулковский пугают боинг.

17–19 июля 2015

В АВГУСТЕ

Юрию Феклистову

Дышит мўкою давнишнею
целлулоидовый слайд:
августовской чёрной вишнею
лето вдавнено в асфальт.

Завтра будет и не то ещё...
Только в мареве теней
пятна прежнего позорища
с каждым летом всё темней.

От позорища к позорищу,
от стыдобища к стыдобищу,
от пожарища к побоищу
кучер гонит лошадей.

И не подсмотреть по телику,
как в тенистых недрах Древа
вызревают не по Стейнбеку
грозовые гроздьа гнева,

и заржавленную бритвою
над Москвой занесена
та, твоя, полузабытая,
неизбытая вина.

8 августа 2016

В АЛЬБОМ НИНЕ ПОПОВОЙ

Smutno mi, Boże! Dla mnie na zachodzie...

Юлиуш Словацкий

А едва лишь приоткрылся ларчик,
за ближайший глянули бугор:
там, у них, и Михник, и Демарчик.
Вайда и Валенса. И «КОС-КОР».
Снадобье варшавского напева
врачевать способно натошак.
Как пьянят чужие гроздьа гнева!
Ну а сам-то как? Да так. Никак.
Трубка телефонная слепая.
Мамино лицо белее мела.
Ночью брат звонил из Лиепаи:
«Мы на Польшу. Родина велела».
Пусть и не при всём честном народе,
как про это Ревич перевёл,
горько мне, о Боже, на заходе
биться ночью головой о стол,
и, остатну подхватив песёнку,
бодренький нашёптывать мотив,
и опять — повинным лбом о стенку,
голову руками обхватив.

11 августа — 5 сентября 2015

NB. КОС-КОР — Комитет защиты рабочих (Komitet Obrony Robotników, KOR), польская правозащитная организация (1976–1981).

* * *

От черёмухи до сирени —
через край
целый месяц теперь на арене
месяц май.

От свирели до первой трели —
продолженьем былого сна.
Почему ж лады отсырели?
Потому что война.

6 мая 2014

ТРИ СЕСТРЫ

Александру Кушнеру

Даром что кончилось лето.
Не согласились отцвесть
Мнема, Мелета, Аэда —
Память, Мышление, Песнь.
Выше любовных касаний,
тише аидовых вод
то, что поведал Павсаний
и утаил Гесиод.

О, эти Старшие Музы,
хтоники первострой:
вздумаешь плыть в Сиракузы —
вынырнешь под Москвой.
Меж Иппокреной и Летой
при окончании лет
Мнемой, Аэдой, Мелетой
день отвердевший согрет.

На пепелище Парнаса,
в скифской студёной избе
от упразднённого класса
напомиnanье тебе.

4 октября 2014

NB. Лирик Мимнерм (VII век до н. э.) и географ Мнасей из Патр (II век до н. э.) утверждали, что первые музы были дочерьми Геи и Урана. По «Гомеровским гимнам» Гея — «праматерь всего». Земля родила Небо, а вместе они — первых муз. Во II веке н. э.

географ Павсаний на горе Парнас записал предание о живших здесь трех музах хтонической архаики. Его книга «Описание Эллады» была издана в Венеции в 1516-м. Неатрибуированный холст (ок. 1750) с тремя музами, Геей и Гермесом, дарующим музам искусства и науки, ищи в росписях Шереметевского дворца подмосковной усадьбы Кусково.

Ниже два моих перевода из древнегреческого поэта Алкея (626/620 — после 580 до н. э.)

К САПФО

Встретит меня неизменной улыбкою нежной
Фиалковласая чистая дева Сапфо,
Вновь попытаюсь что-то шепнуть ей на ушко,
И не смогу, мыслей своих устыдяться.

К МИТИЛЕНЯНАМ

Пока он по головам шагает,
Вы, безъязыкие, точно камни,
Оцепенели, как перед тенью,
Явившейся из пучин Аида.

Очнитесь, люди, ещё не поздно!
К мечам, сограждане Митилёны*!
Впрок затопчите чадящий факел,
Покуда кровля не занялась.

* Митилена — самый большой город на Лесбосе.

В ОБЫДЕНСКОМ ПЕРЕУЛКЕ

Памяти Всеволодовны

Обыденский, когда-то Обыденский,
во время оно — полудеревенский.
Там вишневый, а не вишнёвый сад.
Дочеховский, постсталинский уклад.
Монеткою в окошко постучаться —
и нет тебе ни тягот, ни начальства.
А этот дом не твой, и всё же твой.
Родней родни, хотя и не родной.
Пока индиго газовой горелки
кофейные не переводит стрелки,
есть время до закрытия метро
гадать, где будет зло, а где добро.
Другие переулки — нет, не хуже
(такие же измеренные лужи,
такой же в подворотне Кабыздох,
страж сосуществования эпох):
Зачатьевский — химической ретортой! —
и Сивцев Вражек, дипломат упёртый,
и Рециков, и даже Угловой,
увенчанный Бутырскою тюрьмой, —
ну хоть бы раз приснились! Позабыто
на гвоздике гремучее корыто
и коммуналки образцовый быт.
И только этот, полудеревенский,
Обыденский, когда-то Обыденский,
в скворешне нашей брошенной свербит.

1–3 ноября 2014

* * *

Всё зависит от порога боли,
от способности переступить
то, чему учили нас не в школе
и чему забыли научить.
Потакая буддам или меккам,
догадайся из любимых книг,
сможешь ли остаться человеком
в тот последний час, в последний миг.

23 ноября 2014

НА СЕДЬМОМ ДЕСЯТКЕ

О. Х.

На седьмом десятке
дервенеют ноги,
костенеют пятки,
покидают боги.

Если жить своим умом,
пусть и не богатым, —
полегчает на восьмом.
Или на десятом.

24 апреля 2015

ЧАЙ С ТОНИКОМ В ПУШКИНСКОМ МУЗЕЕ НА КРОПОТКИНСКОЙ

За антикварным столиком
в пространстве непространном
чай гоняем с Тоником,
с Натаном Эйдельманом.
В окне фонарь качается,
с эпохой дело плохо.
Подмигивает, мается
болезная эпоха.
От мрака да от ужаса
защитой горстка слов
да то ещё, что дружество
сильнее, чем любовь.

От Пушкина и Пущина
протянута струна.
Штандартами приспущена
за шторами страна.
Разнюнена, приструнена.
Но — теплится свеча!..
Вторую пьём — за Лунина,
Михал-Сергеича.

...Год восемьдесят первый.
Ну максимум — второй.
Был Эйдельман Минервой,
Кассандрой был порой —
громоздкий, неудобный

бетховеноподобный.
Не тереби покойника.
Ему не всё равно.
Пей путинку без тоника
и не гляди в окно.

1 декабря 2014

NB. Тоник — так друзья звали Натана Яковлевича Эйдельмана.

ВЕЧЕРА С АЛЕКСАНДРОМ ВОЛОДИНЫМ

Дело не делается само...

Борис Слуцкий

Кто в 80-х был свободен
более, чем Александр Володин?

Прятала змея стальное жало,
но шипели прежние мытарства.
Четвертинка стойкость умножала.
Вечером и утром. Как лекарство.

Жаркий шёпот телефонной трубки:
«Дорогой мой! Я вас умоляю!
Только не идите на уступки!
Я туда ходил. Я это знаю.

...Лихачёв и Герман подписали?
...Приезжайте, если не устали».

И когда в стране беда какая,
не стеснялся власть обременить
тот, чья хата не бывала с краю.
Нету их — и некому звонить.

3 декабря 2014

ГРОССМЕЙСТЕР

Что остаётся от человека?..

Вадим Черняк

Что осталось от Вадика Черняка,
кроме горстки горючих строк?
Ни магнитной бобины, ни черновика.
Изорвал. Размагнитил. Сжёл.
Был бесстрашен, но ужас его догнал.
На больничной койке накрыл.
И накрылся дырявым тазом журнал,
где поэтам он благоволил.
Не дописан роман. Родня, повздыхав,
устранилась. Пусто вокруг.
Что осталось? Шахматной клетки устав.
Вечный пат да квадратный круг.
Да ещё какой-то неясный звон —
отработанный материал.
Был такой поэт. Поэт-камертон.
Я себя по нему сверял.

4 декабря 2014

NB. Сайт Вадима Черняка: www.vadim-cherniak.narod.ru

ИВАН-ДА-МАРЬЯ

Летит мой слон в далёкий путь.

Слониха плачет: «Не забудь!»

Дописьменное. Конец 50-х

Репетируют разлуку
расставанием на час,
на каких-то две недели...
(Вот как мы с тобой сейчас.)
А разлука свечкой светится,
шепчет Марье да Ивану:
— Нам не суждено не встретиться.
Жди не жди, а я нагряну.

4 декабря 2014

МАГНИТОФОН «ЯУЗА». 1969

А поди попробуй опиши
старой рифмой к слову «моложавы»,
как вбирал всей кожей души
песенку Булата Окуджавы.
За высоткой, в доме-корабле
на кольце асфальтовом Садовом,
«Яуза» на кухонном столе
обожгла мотивчиком бедовым.
В тех созвучиях, таких простых,
было всё — гроза, влюблённость, лето.
И была забыта ради них
девочка, поставившая это.

5 декабря 2014

ГАМБУРГСКИЙ СЧЁТ

— Вам 25? Тогда поторопитесь.
На верное до ста не доживёте. —

Георгиевский на распутье витязь,
замеченный в эсеровском комплоте,
он — первый формалист, он мастер жёсткий.
Он — Виктор Шкловский.

Моржеобразной внешностью повязан,
но прежде опоясан ОПОЯЗОм.

— Хм. Тут такое дело. Маяковский,
что нá дух не терпел дух кислых щей,
любил загадку с рифмой
о-по-я-сы-ва-ю-щей:

«КОнь ЧЕРный прыГАет в огонь». Ага...
Вы правильно сказали: Ко-чер-га.

В какой журнал я должен написать?
Хм. В «Юность» Полевому?.. Вам не в труд
напомнить мне, как классика зовут?
Не знаете?.. Я, что ли, должен знать?!
Впечатаете сами... Хм... Не знает.
Опять в машинке буква западает. —

...Я уползаю, натерпевшись сраму.
В единстве места, времени и действия
на улице промозгло и темно.

В метро припоминаю телеграмму,
отбитую из недр Адмиралтейства
на станцию с названьем гулким «Дно»:

ОКРУЖЕН БРОНЕВИКАМИ ШКЛОВСКОГО ТЧК
УХОЖУ ТЧК
ВТОРОЕ ТРЕТЬЕГО СЕМНАДЦАТОГО ТЧК

6–7 декабря 2014

NB. Эту телеграмму Шкловский цитирует в своей «Энергии заблуждения». Главным начальником Петроградского военного округа 27 февраля стал генерал от артиллерии Николай Иванов. Штаб располагался в Адмиралтействе. Однако накануне отречения Николая II командующий уехал в Вырицу встречать царя. Шкловский о том не знает, но называет отправителем телеграммы не Иванова, а некоего Хохлова, видимо полковника Генштаба. Был ли такой, я не проверял. Поверил на слово.

ПОСЛЕ ШЕСТИДЕСЯТИ

Памяти Саши и Тани Азиковых

I

Не верю орхидеям и бегониям.
(Вы переставьте тот букет, пожалуйста!)
Ларёк цветочный пахнет крематорием.
Как раньше — свадьбами. А в детстве — жалостью.

II

В пейзаже городском ли, деревенском
вписались в эту землю, как смогли.
В Ракитках, на Ваганьковском, Смоленском —
кто где — до воскресения легли.
То стужи на поверхности, то лужи.
И только душам не отмерен срок.
Всё шире город мёртвых. И всё глубже
оборванный когда-то диалог.

29 ноября — 7 декабря 2014

* * *

Многолюдной палаты пустая надсада —
милосердие провинциального ада.
И пока ты с листа репетировал ад —
светлым пятнышком был медсестры халат.
Оклемаешься дня через два или три.
В этот раз проскочили. Твой ад, он — внутри.
На краю бытия по балде огребя,
постоял на краю. И довольно с тебя.

Август 2010 — 8 декабря 2014

ТРЕТЬЕРИМСКИЙ БОБОК

М. Э.

А самую опуташа въ путины железны.

Слово о полку Игореве

Благовест родного ада —
трупный сероводород.
Лобным местом отдаёт
звонкий смрад полураспада.
Услащён от колоколен
цесаря плаксивый вид.
Вор слезлив, плут богомолен —
поговорка говорит.

15 декабря 2014

ОТРЯСЕНЬ

И тополь земец...

Велимир Хлебников

Отрясень в июле — с листвы,
а сентябрьский вместе с листвою
так вот и обдаст с головы
припасённой влагой лесною.
А в лугах теперь благодать!
Под промытым купольным кровом
весело себя воображать
хмурым адмиралом Шишковым.
Не стишки — слова сочинять,
сень и синь в реторте мешая,
тростью зелена сокрушать,
в мыслях «Арзамас» сокрушая.
Но ведь что-то было и в них,
в сих старообрядцах бедовых.
Буйный будетлянина стих
забродил на этих половах.
«Бортовые, пли!» И стучит
по стволам. Промок, ну так что же?
Отрясень?.. По-русски звучит.
Даже и с орясиной схоже.

1986–2022

ЗЯБЛИК НАД ЛЮБШАНСКИМ ОМУТОМ

Птичья трель на обугленной пихте:
— Тереви́-тереви́-тереви́ть!.. —
Зазывает какого-то Витю
Гнёзда вить, малых деток родить.

И в ответ в колыпании сада,
Крылышкуя на тот же манер,
Передразнивает цикада:
— Зинзивер-зинзивер-зинзивер!

Но напрасно анапест мониста
Вызывает из века иного
Старомодную тень футуриста,
Председателя Шара Земного.

Не вписались в пейзаж бюджетляне, —
Видно, время для них не пришло.
Что споёшь на сожжённой поляне,
Если тут и дышать тяжело?

23 июля 2018 — 13 мая 2021

ГАДАНИЕ НА ПУШКИНЕ

А через год,
решившись навестить загс,
захотели погадать на Пушкине,
на красном трёхтомнике.

Выбрали третий том.
Проза не обманет.

Мне досталось:
«Участь моя решена. Я женюсь».
Ай да Пушкин!..
Достойно и уместно.

Но тут ты открыла книжку.
Прыснула. И сразу
прихлопнула ладошкой
коварное Наше Всё.

А шепнуло оно такое,
что дальше и некуда:
«Поэзия некогда
процветала в древнем Горюхине».

...Ай да сукин сын!

Тогда-то и стало ясно,
что ты ему нравишься
и он тебя ревнует,
однако наш брак одобряет.

8 декабря 2014

ПРИЗНАНИЕ ТАТЬЯНЫ

Рассказывала модная писательница
о первой встрече с Бродским. И о том,
как удостоилась вниманья гения,
в зал бросив, мол, отстаньте вы от гения!..
И заприметив зреньем боковым,
что гений среагировал: «Что?.. что?..»
Но, подсекая цепкую блесну,
она, конечно, повторять не стала.
И в перерыве, да, он подошёл.
Она ждала ответного признанья.
И получила: «Через вас хотел бы
сказать спасибо». — «Но кому?..» — «России». —
«За что же ей?..» Задумался. Ответил:
«Ну, за Бориса. И ещё за Глеба».

9 декабря 2014

НА ГОРЕ ПАРНАС

со слов поэта-сердечника

...Перед вершиной конь закусил удила.
— Н-нно! — говорю, — травяной мешок, волчья сыть!
Ежели трещина мира по сёрдцу прошла,
сердце должно постараться весь мир вместить.

15–24 декабря 2014

ОРЕДЕЖЬ

Пóлно. Такое не лечится.
Пó ветру пепел развей,
вспомнив, как малая речица
прыгала меж камней.

Замысловатая, заячья
стёжка её берегов
не замерзала у Заречья
даже на лоне снегов.

Бьётся лугами-альварами
детства цветочный лоскут.
Каменными тротуарами
будни в Лету текут.

Красками серого Севера
душу не береди.
Там, где не сдюжат и семеро,
только одно впереди:

сладостным дымом отечества,
белым черновиком —
Оредежь, малая речица
за железным замком.

19 декабря 2014

NB. Альвары — это каменные луга Северо-Запада. Они есть уже на юге Скандинавии, а заканчиваются как раз в имени моих предков (Трезини и Черновых). Тут и исток Оредежи.

Я полагал, что Оредежь (у Рылеева и Набокова она женского рода) — это прилагательное от патронима с суффиксом -ежь (как Радонез или Китеж), внук некоего пахаря Ора или Ореда. Но Сергей Николаев прокомментировал написанное: «Не очевидно, что это притяжательное прилагательное от патронима. Топоним по-русски засвидетельствован в разных вариантах: Óредеж(ь), Ордеж(ь), Орыде (!), Ардеж, Уредеж, Рядеж, Осередеш (!). Впервые упомянута в 1240 г. По-карельски она Ortešjoki (joki — река). Толкование Orteš- как „скачущий конь“, похоже, народная этимология, но Фасмер её принимает. Ижорское Oredeža — русизм».

КРАСНАЯ ГОРКА

НЕ ТО ЧТОБЫ БЫЛЬ

И вышел другой конь, огненно-красный...

Откр. 6: 4

В пяти верстах от Красногорья...

Пушкин

I

Его сосед, Прокудин-Горский,
на цвет снимал те берега:
песчаник карстовый ижорский,
да мельница, да ельник жёсткий,
да сукровичная река.

— Вот тут жила Баба-яга. —

Когда б ни крутизна обрыва
багровая, была б ясней
сферическая перспектива
тройного диапозитива...
И небо рваное над ней...

— ...Не вздумай показать царю.
Нет, я серьёзно говорю!

Запечатлеть живые краски
не в силах фотообъектив.
тут кисточки нужны да краски...
— Езжай, этюдник прихватив!
— Да где ж нарыл ты этот страх?
— За Сиверской. В восьми верстах. —

II

Ну и поехал наудачу.
Сначала раз, потом другой.
А снял на Оредежи дачу —
весь месяц в Питер — ни ногой!
Когда ж истаяли излишки,
накрасил в несколько часов
портрет дворянского мальчишки
на фоне красных берегов:
высокий лик со взором ясным,
полуулыбка на устах...
Отец, экс-депутат, был «красным»,
сидел три месяца в «Крестах».
И точно пламенем объят
его иконописный отрок...
Но с маменькой случился омрак:
— За что ж это Володю — в ад?
— Еленывановна, он — над!..
Хозяин хохотнул. Смутился.
(Двадцатый век. Десятый год.)
Но с живописцем расплатился,
как говорится, — от щедрот.

III

Медвежий, кадмиево-рыжий
загашник северных болот
экологической нишей
прозаик здешний назовёт.

Вне Палестин и прочих Сирий
расцвёл ингерманландский Вырий.
Сюда в минувшие года
июньским днём прохладно-длинным
тянулись клином журавлиным
из Петербурга господа.
В реке и хариус, и жерех,
и разнопрочая форель,
а над рекой — Крамской и Рерих,
и передвижников артель.

Не на рессорах и резине
здесь Ярошенко изучал
ту местность, что открыл Трезини,
когда по родине скучал.

Бессмертные на акварели
не выцветали иммортели,
и цепкий шишкинский зрачок
проник в кукушкин башмачок.

Но, припадая к мелколистью
альваров (каменных лугов),
никто не прикоснулся кистью
к заклатью красных берегов.

IV

От той поры прошло два года.
Художник съехал на юга.
Поживописней та природа,
покруче наших берега.

И расписал большущий холст
(от пола аж до абажура) —
каурый коник в полный рост,
верхом на нём племянник Шура,
провинции хвалынской цвет,
крепыш, хотя и не атлет.

Вообразил, как Бенуа
Скартавит Баксту в лад: *«Уа!
Хвала коню и человеку,
что вместе пееходят еку!»*

Повёз картину в Петербург
(до вернисажа две недели!)
и на вокзале слышит вдруг:
— Кузьма Сергеич?.. Неужели?
— Владимир Дмитриевич! Вы?..
— А этого не узнаёте?
Стал выше на две головы.
И обе, знаете ль, в полёте... —

Едва признал. Худой как глист,
С лицом надменной знати нашей
тот самый отрок, гимназист,
тот самый ангел, только падший.
Ну и стоит вперёд плечом.
Поговорили ни о чём.

Но той же ночью в мастерской,
когда перебирал бумаги,
пронзило: вот он — твой герой,
тот всадник для твоей коняги!

В окне квадратна чернота.
Ну а какого цвета Тартар?
Пробормотав: «Начнём со старта!»,
отъял подрамник от холста.
Каурого коня — в огонь.
(В академизме мало толку!)
Тот берег — это красный конь.
Писать. А после выпить стопку.

Нальём и мы. За хищный взгляд
не столяра, а живописца,
за тот песчаник, что родился
полмиллиарда лет назад
и в пушкинской строфе сгодился,
за полку книг, за тихий сад...

V

Что было дальше? Был успех.
За ним — забвенье на полвека.
И сукровичной догмы снег,
сковавший душу человека.

Как местный написал пиит
про смерть соседа-генерала,
«Энциклопедия молчит,
как будто крови в рот набрала».

Прём к роковому рубежу,
Как те, *на быстрой на Каяле*.
Откуда знаю?.. Не скажу.
Сороки в Выре наболтали.

И всё преследует меня
копыт тяжёлозвонкий морок —
в музее тонкорукий отрок
купает красного коня.

14 февраля 2014 — 18 августа 2023

NB. Вторая печать Апокалипсиса: «И, когда Он открыл вторую печать, я услышал второе животное, говорящее: иди. И вышел другой конь огненно-красный, и сидящему на нём дано ему было забрать мир с земли, и чтобы стали друг друга убивать, и дан был ему меч великий» (Откр. 6: 3–4).

Факт знакомства Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина и Сергея Михайловича Прокудина-Горского историкам неизвестен. Не дошло и сведений об их контактах с Владимиром Дмитриевичем и Владимиром Владимировичем Набоковыми.

6 ДЕКАБРЯ 1878

В стекле луна лучиною чадила,
а звёзды — те попрятались куда-то.
В ту ночь родился сын Сатанаила.
(В анкете он потом поправит дату.)
Суровый пастырь. Страж земного ада.
Насельникам проклятье и аскеза.
Поскольку «джуга» по-кавказски — стадо.
И стая. А ещё — кусок железа.
И ангел, глянув между полотенец
и не увидев дна того колодца,
шепнул звезде: «Младенец как младенец.
Хорошенький. Даст Бог, всё обойдётся».

22 декабря 2014

NB. Сталин, став генсеком, изменил в партийной анкете дату своего рождения. И число, и год. Родился в среду, но по новому стилю это пятница (несчастливый день, в пятницу Христа распяли, по пятницам казни устраивали), перенёс дату на воскресенье старого стиля (вторник нового), на самый короткий день и самую длинную ночь в году (21 декабря по новому стилю). Зачем убавлять себе год? А затем, чтобы твой гороскоп не вычислили, порчу не напустили.

ЗАГОВОР МЁРТВЫХ

Ирине Сурат

Шепчутся. Кликушествуют. Бесятся.
К ночи — бренди. Поутру — рассол.
Графа Рэтленда и графа Эссекса
подсадили на пустой престол.
Связь распалась. И душа затребовала
тех утех, что душу вынимают.
Ибо почему Шекспира не было?
Потому что Бога не бывает.
Лезут, лезут, лезут, как из кратера.
Множат сернокислые слова.
Бунтом персонажей против автора
тот комплот Ахматова звала.

22 декабря 2014

* * *

*Десяток мимолётных вёсен
Нам поздняя приносит осень...*

Берестов

Что не спето — то и не успето.
Но и в ноябре бывало лето.
Обжигало душу — мать честна! —
слаще, чем возвратная весна.
В полынье студёная водица
закипала круче кипятка.
Окунёшься — проживёшь века.
...А всего-то и делов — влюбиться.

22 декабря 2014

СЕРЕБРЯНОЕ СЕЧЕНИЕ

ужин у Раушенбаха в феврале 1995

Сергею Шарову-Делоне

— Л — престранное число.
Вылезает, где нельзя.
Вам, считайте, повезло —
взяли пешкою ферзя.
Если же её сметут
(это я на воду дую!),
засучивши рукава,
двигайте в ферзи другую.
В тайны древних проникать
не по силам неофиту.
Для Гагарина орбиту
легче было рассчитать.

26 декабря 2014

НВ. Я рассказывал Раушенбаху о «Слове о полку Игореве», где пропорция «текст минус диаметр текста» приходится на начальный стих третьей части поэмы «Уже бо Сула не течет серебряными струями...». Потому я и назвал эту пропорцию «серебряным сечением». Однако завязанное на число л соотношение встречается ещё и в старолadoжских храмах XII в.

Выслушав, Борис Викторович заключил: «Проблема древнерусских строительных мер пока не решена, займитесь ею».

Подробнее в моей книжке «Хроники изнаночного времени» (СПб.: Вита Нова, 2006). Моя реконструкция саженных пропорций опубликована в комментариях к Повести временных лет (СПб.: Вита Нова, 2012. С. 348). Обе книги есть в электронной библиотеке ImWerden.

РЕКВИЕМ МИШЕ УСПЕНСКОМУ

Порастут кладбищенским паслёном,
радугой неизвестных светил,
красный (что при жизни был зелёным),
синий (тот, который жёлтым был),

и уже не спросится, откуда
наплывали, душу бередя,
фэнтези как замещение чуда,
этот мир, в котором нет тебя, —

рукотворный, выдуманный, тленный
и осиротелый до поры,
чтобы за околицей Вселенной
создавал ты новые миры.

15 декабря 2014 — 26 сентября 2023

* * *

Ольге Кушлиной

Ангелы не знают, чем закончится
суетная жизнь их подопечного.
Шлют предупрежденья и пророчества
в тленный купол клапана сердечного.
Над болячкой иволгой-зегзицей
нянькаются, будущее лепят.
То, что вы зовёте интуицией, —
их невнятный, но понятный лепет.
Сна не зная, крыл не покладая,
остужают горе и злосчастье.
Некоторым это помогает.
Но не всем. И — вот беда! — нечасто.

27 декабря 2014

ПРАВИЛО СЛАБОЙ СТРОКИ

правило Берестова

— Как это происходит — неизвестно.
Но если стих рождается в сорочке,
то слабая строка укажет место
ещё не найденной, но самой сильной строчки.

27 декабря 2014

НА ПОЛЯХ ЛЕКЦИИ АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

*И сотворил Бог человека по образу Своему,
по образу Божию сотворил его; мужчину
и женщину сотворил их.*

Книга Бытия 1: 27

Как народ про это говорит,
вас, гражданочка, тут не стояло!
Не было злокозненной Лилит.
Дьяволицы не существовало.
Жили стадом. Но пришла пора,
и любовь забрезжила из мрака.
Сотворенье Евы из ребра —
сотворение семьи и брака.
Ева, эта первая жена,
и покончила со стадным срамом.
Адамá, что ей обожжена,
стала мужем Евиным — Адамом.

28 декабря 2014

NB. Адамá — красная земля, глина, из которой в шестой день творения вылеплен человек, «мужчина и женщина» (т. е. и мужчины и женщины рода человеческого). Отец Александр за эту апокрифическую лекцию ответственности не несёт. Не вспомню, касались ли мы с ним этого сюжета. Однако, судя по всему прочему, он мог так думать. Библейская картина творения сугубо эволюционна, начиная с Шестоднева. См. Приложение, с. 533.

ПОСЛЕ БОЛЬНИЦЫ

Выкарабкивается упрямо.
То ровнёхонько, то с кручи — в тучи.
Спрашиваю утром: — Как ты, мама?
— Как?.. То хорошо, а то получше.

28 декабря 2014

БУРЖУЙСКАЯ КВАРТИРА

рассказ Акимыча

Хрусталь смотрелся в зеркало паркета.
Хозяйку звали Мина или Инна.
На дне рожденья (у Никитских где-то)
гуляли дипломанты ВХУТЕИНа.
Без обуви. В заштопанных носках.
Всё только о высоком, о стихах.

А я молчал. Разглядывал картины.
Вперялся, поговорочный баран,
в жемчужины буржуйской той квартиры —
над дверью Рубенс, в холле Тициан —
не в репродукциях, в оригинале.
(Недели две потом в глазах стояли!)

Хотел было спросить: «А кто твой папа?»,
да за полночь склубились целых три.
Не в Москвошвее шитые из штапа —
в ремнях Менжинского богатыри.
И личики, безликие, как вобла.
А на петлицах по четыре ромба.

И первый же вопрос, как будто нож
прозектора, зависшего над мозгом:
— О чём в ночи гутарит молодёжь?
— О Маяковском, пап, о Маяковском!
— О ком?.. Об этой контре? — Тусклый взгляд
вокруг себя. И вдруг — мат-перемат.

Как только взвыли кожаные дяди,
я — в коридор, я оказался сзади,
как бы в засаде. Но бочком, бочком...
Схватил чужую шапку. И не глядя —
вниз по ступеням, чуть ни кувырком.

А дальше было как на Чёрной речке.
Свинцовым плеском табельной капли
не даст товарищ Маузер осечки
в четырнадцатый день, в гнилом апреле.

4–5 января 2015

НВ. Аркадий Акимович Штейнберг (1907–1984) — поэт, переводчик Мильтона и Ван Вэя, художник. В 1930-м окончил ВХУТЕИН, институт, в который в 1926 году были переименованы Высшие художественно-технические мастерские (знаменитый ВХУТЕМАС).

Справка от Александра Гимельштейна: «Четыре ромба в описываемый период — не комиссары госбезопасности 1 ранга. В ОГПУ не было званий, и ромбы указывали на должность — и менялись в случае изменения должности в обе стороны. 4 ромба до 1935 года указывали на следующий перечень должностей: члены коллегии ОГПУ; начальники управлений; начальники самостоятельных отделов и их заместители; особоуполномоченный при коллегии ОГПУ и его заместители; секретарь коллегии ОГПУ; полпреды ОГПУ и их заместители во всех областях и республиках. Носивших 4 ромба в тот период было несколько сотен. Впоследствии имевших звания комиссаров ГБ 1 ранга — девять».

14 апреля 1930 г. — день гибели Маяковского.

МАРИЯ БАРАНОВСКАЯ

*Ты был открыт в могиле пыльной,
Любви глашатай вековой,
И снова пыли ты могильной
Завещан будешь, перстень мой...
Века промчатся, и быть может,
Что кто-нибудь мой прах встревожит
И в нём тебя отроет вновь...*

Дм. Веневитинов. К моему перстню

Из её рассказа удивительного
это вот и врезалось само:
перепóхороны Веневитинова
(кладбище сожрал завод АМО).

Хребтопреломленье.
Раскрестьянивание.
Голодух повальная облава.
Заступа могильное позванивание.
Громкоговорителя пованивание.
Год Второго Крепостного Права.

И поведала Мария Юрьевна,
как жара московская июлила.
Полевой букетик вял в горсти:

«Русская судьба набедокурила.
Господи, хоть этот прах спасти!..»

Ничего ни страшного, ни странного.
Не рыдали вслух колокола.
У поэта с пальца безымянного
медный перстень женщина сняла.

Там наряд ременчатый присутствовал,
и едва отплакали слова,
юный милицейский посочувствовал:
— Вот ведь убивается вдова...

6 января 2015

NB. Веневитинов был безответно влюблён в Зинаиду Волконскую. И она подарила ему перстень, найденный при раскопках Геркуланума. 22 июля 1930 г. при перенесении праха поэта с территории уже взорванного Симонова монастыря присутствовали две молодые дамы — Татьяна Григорьевна Зенгер (1897–1978), в замужестве Цявловская, и Мария Юрьевна Барановская (1902–1977), сотрудница Исторического музея и жена архитектора Петра Дмитриевича Барановского (1892–1984), легендарного реставратора, спасшего собор Василия Блаженного и десятки других древнерусских памятников. О том июльском дне Барановская записала: «...Поразила музыкальность пальцев. С безымянного пальца правой руки был снят бронзовый перстень, принадлежавший поэту... Насколько я знаю иконографию, поэт был самым красивым из русских, да, пожалуй, и зарубежных писателей. Красоту и благородство его лица можно сравнить, пожалуй, только с Байроном. И подумать только, ему не было и двадцати двух лет!» Перстень Веневитинова был передан в Литературный музей.

РЫБНЫЙ ДЕНЬ В ВОСЬМИДЕСЯТОМ

Ольге Лабас

Что́ нам Гекуба? Мы выпьем с Гекубой.
Праздник у нас на столе.
Шесть миллионов селёдок под шубой
сделал Люсьен Оливье.

В магнитофоне форель золотая
лёд разобьёт в куски.
Стол сервирован икрой минтая.
В баночке печень трески.

Сайра в салатнице. Мы не в Европе.
Олимпиаде — привет!
«Где они, эти Мазурские топи?» —
спросит не к месту поэт.

Всё у нас вкусно. Особенно шпроты.
Выпил — и свечку задул.
...Где они, эти десантные роты?
Где этот чёртов Кабул?

8 января 2015

ТРИДЦАТНИК. НАЧАЛО 80-х

Галке Шашановой

Жизнь кисла, как тот супец на щавеле.
Сверху зéлено. Бурда внутри.
Но уже и книжку в план поставили.
Значит, выйдет года через три.
Цензора обманешь и редактора.
И не станешь ныть по пустякам.
Пустяка — геройской смерти автора —
хочется посредственным стихам.

8 января 2015

ЖАЛОБЫ БАБУШКИ ОЛИ

— Ну ни фиги себе заявочка...
Какой ай-кью, когда всю
пищит двухлетняя козявочка:
«А я хосю́, как я хосю!»

18 февраля 2015

ЕЛИСЕЙСКИЕ ПОЛЯ

Зачатые под Джо Дассена
и вскормленные под Мирей Матьё —
помедлили — ну и сошли со сцены,
споткнувшись в букваре о букву «ё».
Имперского полураспада морок,
отцов случайных плюшевый задор:
сегодня тридцать, послезавтра — сорок.
Но в сорок поздновато за бугор.
На данном историческом этапе
не задалось — ну вот и вышли вон
улыбчивые хипстеры да яппи,
амбициозный офисный планктон.
Да и не всё ль равно, какие песни
трубит глобализации устав:
кто выбрал пепси, кто — кипú и пейсы,
без боя быдлу поле боя сдав.
Не вертопрахи и не пустоцветы,
пока в бетон закатана земля,
не для себя, детей и внуков для
перепорхнули через полпланеты
впрок опылять окрестные поля.
Их не объехать на кривой козе.
А ежели саднит какая рана,
как панацея — мантра меломана:
О, Champs Elysees...

18 февраля — 30 июля 2015

РИСУНОК БАБОЧКИ

*Не хватало малого —
Лёши Заливалова.*

Всё как у людей — венки и речи.
Поминаний скорбный ритуал.
Смерть — и вправду обещанье встречи,
как Есенин это обещал.

Но отставшим от того не легче.

Плакальщицей-скрипкой отболела —
вот и стала музыкой душа,
сбросив опостылевшее тело,
новенькими крыльями шурша.

9 января 2015

ЭФФЕКТ БАБОЧКИ

пол-литра на троих с Окуджавой
и Олегом Хлебниковым в мае 1997-го

Ольге Крокинской

Под водочку — «Грушёвая. Хорошая.
Войнович из Германии привёз» —
под занавес тысячелетья прошлого
он задал этот простенький вопрос.
Московский двор всю дышал весною.
Капустница влетала к нам в окно...
— Когда в России право крепостное, —
спросил меня поэт, — закреплено? —
Олег резонно возразил Булату:
— Когда народ попёр из деревень! —
А я сказал, так и не вспомнив дату:
— В тот день, как отменили Юрьев день. —
Капустница в оконных рамах корчилась.
Поди достань!.. Нас проводив до двери,
промолвил: — Тут Россия и закончилась. —
А я ему впервые не поверил.

10–11 января 2015

НВ. После осеннего Юрьева дня («осеннего Егория») крестьяне имели право поменять хозяина, однако в 1590 г. царь Михаил Федорович запретил переход, то есть окончательно закрепостил Русь.

Накануне роковой поездки Булата в Париж я напросился к нему в гости. Позвал с собой и Олега Хлебникова (они дружили). Впервые рассказывал Окуджаве про Старую Ладугу и археологическую экспедицию Евгения Рябинина. Условились, что летом Булат приедет на раскоп. Потом я читал по-древнерусски «Слово о полку...», и он говорил, что надо издать диск. Был мил, внимателен, потчевал нас водкой: «Хорошая, грушёвая. Войнович привёз из Германии». Я спросил, пишется ли ему? Ответил: «Какие-то строки приходят, но что с ними делать, не знаю».

Мне почему-то стало страшно.

12 июня 1997 г. с археологами Евгением Рябининым и Глебом Лебедевым мы поехали на Любшу (это на пару километров ниже Ладуги по течению Волхова) выбирать место для раскопа. Вечером, уже в Питере, сидели («Ну, с почином!») на кухне у ладожан Гули и Бори Николаи. Потом Боря пошёл крутить приёмник. Вернувшись, сказал: «Умер Окуджав».

ДИСКОБОЛ

Артемию Троицкому

И никого б, наверно, не винил
за всё, что не произошло с тобою,
когда бы не шуршащий тот винил,
тот, гибнущий под гибкою иглою,
та чернолаковая благодать —
вся сумма изначальных оборотов,
где 33 (прибавить 45!) —
нумерология московских оборотов.
Фирма в конвертике из-под «Берёз»,
оттиснутая в недоступных странах,
утеха избранных. И не вопрос,
на сколько рэ потянет в деревянных,
и сколько за неё даёт УК,
и как ты выкрутишься в ректорате,
а нет, так невеликие срока
прописаны в армейском аттестате.
Крутись, столешниковская фарца,
обменивай катушки на кассеты.
Запиленным винилом — гоп-ца-ца! —
утверждены последние ответы.
Серп времени над миром занесён.
Ему едино, что попса, что фронда.
...А в детстве был отцовский патефон
и ламповая рижская «Ригонда».

12 января 2015 — 23 сентября 2023

NB. 78 – 45 = 33. Три скорости оборотов виниловых дисков.

ЛИХАЧЁВ. ЛЕТО 1997

Александрю Боброву

На даче, под суконным одеялом,
с полуулыбкой боли на лице
он молвил: — Даже страшно, как в конце
концов — конец смыкается с началом. —
Про Ладогу дослушал и про Любшу,
почти бесплотен, как былинка сух,
привычным жестом вкладывая душу
внимательную — в зрение и слух.
Разглаживал подобно кораблю
летописанья домотканый ситец:
— Больше всего из Ладоги люблю
глазки. Увёз их в Киев летописец. —
— А вы их видели? — Не довелось. —
Кладу на стол, как будто в сновиденьи,
на Волхове подобранные врозь
две бусины из древней стеклодельни.
Две капли мозаичного стекла,
светящиеся, жёлто-голубые,
раскатятся по плоскости стола,
и скажет он: — Так вот они какие... —
Ещё не подошёл прощанья срок.
Но, перейдя тысячелетий бровку,
он, как ребёнок божию коровку,
всё гладил, гладил, гладил тот глазок.

12 января 2015 — 21 июля 2021

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

рассказ Лихачёва

— Как показать, что линия коротка? —
Палкою перед собою провёл черту.
Ученики, навестившие старика,
переглянулись. А он смотрел в пустоту.
В провинциальном сквере после войны
бодрые лозунги рдели в стихах и в прозе.
Не было на профессоре том вины.
Чем-то он не показался местному бонзе.
Вот и пришли в больницу ученики,
всё про одно талдыча, как малые дети.
Ну почему правоте своей вопреки
в спор с подлецом не вступил на учёном совете?
Линия та, что утверждена на века,
перешибала обухом весть благую.
— Как показать, что линия коротка? —
снова спросил. И рядом провёл другую.

23 декабря 2014

ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА

жалобы отъезжанта

— Угодья староновогодья —
замоскворецкие поля:
в снега одетая сегодня
пустопорожняя земля.
Заменю тепла и света
опричный паводок побед.
Не будет ни весны, ни лета —
лишь оттепель. Раз в тридцать лет.

13 января 2015

НИНА, ЖЕНА ЗАВЕНА

Анатолию Заславскому

И когда являлась эта троица —
Хулия, Ахуля и Хусим, —
Нинка начинала беспокоиться,
хлопотать и ворковать над ним.
Пьян, не пьян. Пойми его в застолье.
(Ох, густые царские кровя!)
Спрашивала: — Ты, Завенчик, в норме?.. —
Мастер вопрошал: — А Хулия?..
— Ты ж уже качаешься на стуле! —
Аршакуни возражал: — Ахули!
— Разведут мосты — напьёшься в дым! —
Отвечал, подумавши: — Хусим.
А Хусима Нина не любила.
От него все беды на Руси.
И Завена тут же уводила.
Или наскребала на такси.

13 января 2015

ПЕРЫНЬ

Владимиру Сарабьянову

Как Тарковский однажды пробросил —
слава богу, успел объяснить! —
*Наблюдать умиранье ремёсел —
Всё равно что себя хоронить.*

Выйти в шторм без руля и без вёсел.

Но дыханье безветрия снова
нас с тобою догонит на Ильмере:
гаснут краски Андрея Рублёва
и в Звенигороде, и во Владимире.

Слушай местного златоуста,
чёрно-белый буклет тебе.
Наблюдать умиранье искусства —
предавать ежедневно себя.

На 15 января 2015

ГЕНИЙ МЕСТА

Юлию Рыбакову

Песенкой двóрницких поскребушек —
вжик... вжик... вжик... —
в четверть шестого ошкрябает душу
Genius loci, таджик.
Мученик ДЭЗа с упорством душмана
путь преграждает зиме.
С вечера смёрзлась небесная манна.
Что у неё на уме?
Раньше, чем солнце над миром взовьётся,
справится парень едва ль.
(А почему это *Genius loci*,
скажут вам Генис и Вайль.)
Genius loci — дух мудрый и добрый.
Он на Москве пообвык.
...Что ни сугроб, то Памир многорёбрый.
Надо поспеть к часу пик.
Чтоб горожане подольше поспали.
Чтоб ни дерьма, ни окурка.
Чтобы жильцы ему вслед не шептали:
«Нерасторопная чурка...»

16 января 2015

НВ. ДЭЗ — дирекция по эксплуатации зданий.

МЛАДЕНЧЕСТВО. ЛЕЖУ В КОЛЯСКЕ

Погремушка болтается над
самым носом. Ору, чтоб убрали.
Перекладывают. Говорят
из-за марлевой душной вуали...
Но о чём?.. Понимаю едва ли.
В самом деле — при чём тут слова
в мире зрительных приобретений?
Вот ко мне заглянула листва.
Вот прокрались щекотные тени.
Плачь, младенец! Справляй торжество.
Будет вдоволь и ласки, и хлеба.
А пока интересней всего
из коляски разглядывать небо,
где поверх семицветной струи
возлежат на лазоревом блюде
облака — погремушки твои,
до которых мне не дотянуться.

17 января 2015

ВБ

Марине Берестовой

— Осторожно, я — зеркало, — Берестов говорил, —
каждый видит во мне своё отражение. —
...И как в воду глядел. Кто заметил за ним пару крыл
портативных, воздушных, что прятались при приближеньи?
И поскольку смущал парадоксов сократий размах,
отмахнулись от боли. Решили, мол, просто кокетство.
...А ещё он ведь первый, кто в русских недетских стихах —
хоть на четверть часа, а вернёт человечеству детство.

17 января 2015

КУЗЬКИНА МАТЬ

баллада о сказке

Под веником кто-то был...

Татьяна Александрова
«Кузька в новом доме»

— Ага. Ага. Ага... — Татьяныванна!
Опять вы разагакались! — Ага. —
Художники не говорят пространно.
Их речь, как речка, знает берега.

Писала недурные акварели:
«Портрет ребёнка и портрет цветка».
По юной слепоте мы не посмели
Признать в хозяйке Музу Языка.

Хотя однажды, учинив приборку
после явления народных масс,
оттёрла, точно тряпкой, поговорку
«В браде серебро, а бес в ребро». (Во класс!)

И в том же давнем, семьдесят-средином,
во славу зарифмованного слова
мы собрались кружком своим старинным,
всей бандой — от Кружкова до Яснова.

О, эта сладость Берестовских сред,
то сказочное братство не по крови —
триумф провалов, изредка — побед,
обид, восторгов, дружества, любви.

Но подходило время выметаться.
Ведь и метро кончается когда-то.
«А вас, Андрей, я попрошу остаться!»
Звучало, как киношная цитата.

Народ свалил. Призналась: пишет сказку.
«О чём?» — «О домовёнке». — «И давно?»
«Пожалуй, с института!» — «Ну, кино!
И муж не знает?..» — «Не вгоняйте в краску.

Я почитать хотела вам и Вале.
Послушаешь, Валюша?»

На диване
рассевшись, очень скоро утеряти
нить временную. В дом вошёл театр.
Точней — ввалился: Пудя и Нафаня,
Вуколочка, Адонька, Сосипатр,
Пармеша, Ховря, Беря, Куковьяка,
Лутонюшка, Пафнутий, Веденей...
Лишь Теря всё не приходил. Однако
Сюр и Пегасий ржали у дверей.

...Очнулся. Над Беляевом белело.
Двор примерял февральские снега.
— Да это ж классика... — заметил я несмело.
А Берестов откликнулся: «Ага».

17 января 2015

ТРУБНАЯ ПЛОЩАДЬ. МАРТ 1953

Н. Вв.

1

Новость рыдала громче любого грома.
Кто на столе, кто на корточках, кто на кушетке
пятого марта в операционной роддома
выли в голос медсёстры и акушерки.
Самая молодая решила: поеду!
Умер родимый — свет в окошке померк.
Вот и зарплату, как знали, выдали в среду.
Ну а сегодня, девочки, только четверг.
Отголосила. Вспомнила, что во вторник
что-то ещё очень важное произошло.
...Доктор смотрел. Сказал, что будет ребёнок.
«Вы уж, пожалуйста, сберегите его».
Доктор — василебстровское светило.
Он не вредитель, хотя очкаст и носат.
«Я ж акушерка. И я себе запретила
ехать. И от вокзала пошла назад».

2

Покорная его последней воле,
река под хруст костей и вой гудков
физической не ощущала боли,
прорвав запруды из грузовиков.
Замри. Умри. Воскресни. Вновь умри.

Страшась попасть в посмертную немилость,
ломая, точно спички, фонари,
Москва, ополоумевши, стремилась
в тот главный, тот многоколонный зал,
который знал секрет всемирных гитик,
и в зиккурат, где мирно догнивал
забальзамированный сифилитик.

3

В то холодное лето мне было теплее всех.
И напрасно Высоцкий наговаривает на утробу.
Слушал сердца стук.
Слышал мамин смех,
завернувшись в плаценту, как боярин в песцовую шубу.
Верил: ангел встретит улыбкою у дверей.
Вполпьянá кемарил.
Бил пяткою. Был счастливым.
До рожденья вспоили меня молоком и пивом.
Так советовал мамин доктор, блокадник-еврей.

4

Я должен был погибнуть до рожденья
в ту чёрную субботу, на Трубе,
и, если бы не мамино решенье,
не рассказал бы этого тебе.

17 января 2015 — 5 марта 2021

ВЫБОР

И дожил до шестидесяти. Это
одна двадцатая истории России,
когда считать от Ладожской Руси,
от Рюрика и Вещего Олега.
Те в жемчугах, а те полубосые —
Полсотни поколений. Ни портрета,
ни имени в четвёртой производной.
Помянут только Альфа да Омега.
Всё началось вчера. Столь коротка
цепочка на полях черновика,
что журавлю я предпочту синицу.
Всё только начинается. Пока
мой мозг питают корни языка,
в гробу я видел вашу за границу.

18 января 2015

ГЛОТТОХРОНОЛОГИЯ

Андрею Зализняку

А ведь язык меняется так быстро,
что ангелы за ним не поспевают.
Всего каких-то десять поколений —
и древнерусский превратится в русский.
Воображаю, как бы хохотал
Ян Сидоров, студент Литинститута,
шекспировед и декабристовед,
покончивший с собой до перестройки,
и мой другой товарищ — рыжий Славка
Шелковников. И даже Алик Шумский,
стебок, который звал бумажный рубль
Московским Живописцем, а железный
приветствовал: «Карман — не мавзолей,
в кармане, батенька, не залежишься!»,
когда бы услышать они могли:
«Звони в карман да прикупи мне память».

18 января 2015. Воскресенье

СЕНТ-ЖЕНЕВЬЕВ-ДЕ-БУА

*Ну а если звонить тебе некому,
Так зачем тебе две копейки?*

Александр Галич

Луковки выцветший купорос
в Сент-Женевьев-де-Буа.
Чёрные космы плакучих берёз
ветер мотает. А мне не до слёз.
Что я сегодня поэту принёс?
Только его слова.

Бунин и Тэффи простят. И Лифарь.
Бурцев, и вы — простите!
Это не к вам в этот склизкий февраль
этот дурак-посетитель.

Мёртвые не доверяют словам.
Не отвлекай пустяками.
Вот, Александр Аркадьич. Я — к вам.
Хоть и с пустыми руками.

Утро субботы. Храм на замке.
Ни свечечки, ни букета.
Шарю в плаще, как в черновике.
Чу! За подкладкой — монета.

Можно ж, как в море, — монетку под крест
весточкой в дальние дали.
Вынул... Так вот, что я вёз через Брест,
а погранцы проморгали...

Смертную переступая черту,
душу свою обездвушу —
решкою вниз положу на плиту
дань за спасённую душу.

19 января 2015

ЕЛЕНА ГОЛЫШЕВА,
ПЕРЕВОДЧИК ПРОЗЫ.
ТАРУСА. ЛЕТО 79-го

— «Новый мир» обещал.
Будет вам Набоков. И даже
с примечаньями. —
...Где тот журнал?
Столько ждал... Ну когда ж?.. Когда же?

За Окой выгорала сирень.
Там кузнечик пощёлкивал сухо.
«После дождичка в рыбный день», —
проходя, проворчала старуха,
по делам своим шедшая,
местная сумасшедшая.

20 января 2015

ТАРУССКИЕ СТРАНИЦЫ

Виктору Гольшеву

Мика Гольшев умел ходить по стенам,
ибо стены были, как в деревне, —
пакля между гладких кругляшей.
Он, как гладиатор по арене,
обежит избу на босу ногу
(и притом под самым потолком)
и, по новой облачившись в тогу,
день-деньской работает потом.
Оттого ли Гольшев проворен,
не попал ни в дурку, ни в тюрьму,
что сполна доверились ему
Оруэлл и Роберт Пенн Уоррен?
Трюк поставлен. Навык наработан.
А учил, как не разбить колен,
отчим, Николай Давидыч Оттен,
тоже знавший толк в попрањи стен.

20 января 2015

NB. Виктор Петрович Гольшев — переводчик «Всей королевской рати» и «1984».

Николай Давидович Оттен — составитель «Тарусских страниц», знаменитого альманаха, изданного Калужским издательством в 1961-м.

ПАСТУШЬЯ БАРАБАНКА

Тамаре Смысловой

Митя Покровский, миру открывший в начале семидесятых океан, материк, планету (нужное подчеркнуть), короче, народную песню, не искал виноватых: не был он сумасшедшим. Ну разве чуть-чуть.

Он говорил: «Семейские сосланы в Восемнадцатом веке, но сберегли язык времён Алексея Тишайшего. Записей нет ни в Нотной, ни в Ленинской библиотеке. И не было бы, если б не было ансамбля нашего».

Он бормотал, вычитывая гранки нашей с Наташей Геккер заметки о нём: «Сбереги. Вдруг пригодится. Изоглосса пастушьей барабанки полностью совпадает с линией древней тайги».

«Слово о полку» распеть попытался.
Потух. Закручинился. Огласил приговор:
«Только чтоб ты на меня не обижался.
Это очень здорово, но это не фольклор».

Он говорил: «Ты учти, фольклор — не искусство. Это — образ жизни. Если не жизнь сама. Двое, взаимно питающих неприязненные чувства, вместе петь не будут, чтоб не сойти с ума».

Он говорил: «И ещё. Они считают, народ — что вата. Так сжимай или эдак — всё, что хочешь, лепи. А народ — не вата. Вата не виновата, если рванёт пружина из Тарбагатайской степи».

22 января 2015

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

Торф горит за ближайшим селом.
Опаляет чужие поля.
Но селяне привыкши. Им — в лом
за чужое болеть с нуля.
Торф горит вокруг городов.
Городская свалка горит.
Батальону девочек-вдов
плакать Родина не велит.
А чего ещё ты хотел,
не высовываясь наружу?
Глаз твоих этот дым не съел,
лишь бесстыжую выел душу.
Вот уже полстраны в дыму.
Пострашней, чем обвал рубля.
Почему горит? Потому,
что горит под нами земля.

23 января 2015 — 6 марта 2017

* * *

Льву Шлосбергу

И снова батальные эти картины.
И песенка полублатная — в струю:
«Подводная лодка в степях Украины
погибла в воздушном бою».

Диета Кремлёвская.
Водка. Груз 200.
Низы не кудахчут пока.
Скорее несущка на тёплом насесте
оплачет цыплят табака.

23 января 2015

МАКСИМА ГЕРМАНА

Алексей Юрьевич Герман, для многих просто Лёша, говорил: «Передай Диме, — имелся в виду Крымов, только что поставивший „Гамлета“, — был бы он поплоше, стреляли б в него холостыми, а так — пол газетной Москвы Димкиной кровью зálито». —

Тут Алексей Юрьич задумался на мгновенье и подчёркнуто членораздельно сформулировал мо: — Художник, которого при его появлении в дерьмо не окунали, сам — большое дерьмо. —

Когда ж я просьбу исполнил, Димка расхохотался: — Что, прямо так и сказал?.. — И хотя дальнейшее могло показаться, догадываюсь, что Крымов и сам это знал.

23 января 2015

МУЗЫКА СПРЯТАЛАСЬ

Ирине Стекол

— Мёд прирастает сотами,
свадьба — числом стаканов,
музыка — новыми нотами, —
говорил Темирканов, —
но музыка высшего качества
и благородного имени
за нотами прячется.
Пойди из-за них её вымани!

23 января 2015

ВЕНЧИЩЕ

БЫЛИНА

Петру Сорокину

У Венца избиеных от немецъ при князе Андреи...

Синодик Борисоглебской церкви
в Плотниках. Новгород. XVI век

Пра-Петербург — конечно, Ниеншанц
(Окопчик-на-Неве). Уныл, пустынен
заштатный шведский городишко Ниен.
И пустота Петру давала шанс.
Он не шутил. Он приступил всерьёз.
Спалил посад. А как сыграли зорю,
пошёл на штурм. И крепость перенёс
на пару вёрст. Ну, чтоб поближе к морю.
Пра-Петербург — конечно же, Ландскрона
(Земли Корона). До трудов охочий
до завершенья летнего сезона
возвёл твердыню италийский зодчий —
да разметал её с обслугой всей
сын Александра Невского — Андрей.
Пра-Петербург — признаем наконец! —
в синодик заглянув Борисоглебский, —
Венец (ну а венец и есть венец) —
при море аргумент довольно веский,
упёртых новгородцев крепостца,
коварному соседу в назиданье
заложенная с чистого листа...
Но герцог Биргер перевёл названье —

ну и сорвал Венец. Но связь имён
во рву мерцала ключиком утерянным.
А то, что Венчищем звалось потом,
так то открыто Адрианом Селиным.
И всё это — Венец, Ландскрона, Ниен,
и пир Петра, и Невская победа,
и даже неолита закулиса
лежит на стрелке Охтинского мыса —
от пуговиц янтарных рыбоеда
(тогда ещё Нева не потекла!)
до фибул из двухсотграммовых гривен
и кубков византийского стекла.
Копай себе в архивах между строк —
огромный город, а поплакать не с кем,
что на глазах уходит городок,
завещанный нам Александром Невским.

24–25 января 2015

КРАСНОЕ И БЕЛОЕ

Александр Аркадьевич Лабас,
формалист, питомец ВХУТЕМАСа,
рисовал мечту народных масс,
чтоб однажды просветилась масса.

Колонковым исступленьем славен,
он во славу будущих веков
малевал, как научил Малявин.
И Малевич. А ещё Машков.

Сказочным казался горний мир
дирижаблей и аэростатов,
авиётки подмосковный пир
на скатёрке Тушинских парадов.

Наплевать, что голы и разуты,
что позаросли крапивой рты.
Опоязовцы, обэриуты
тоже против времени круты.

Рвался в небо русский авангард,
поколение цветоделенья,
расщепив обыденное зренье,
в темноту, как в омут, — наугад.

19 марта 2015 — 28 июля 2022

ПОХОРОНЫ-82

Оле Гавриленко

Погребение по инославному чину.
У чекистов с верёвки гроб срывается в яму.
Тут же гром орудийный — и в Останкине режиссёр
давит кнопку, переключаясь на панораму.
Вся страна наблюдает, как стаи ворон над Кремлём
лютым граем приветствуют долгожданную эту кончину.
Режиссёра (по слухам) Андропов накажет рублём.
Трое суток по радио лишь траурная музыка.
Установка начать с позитива новостную строку.
Ну и первая новость, что выбрана методом тыка:
«Километр *труп уложен* нефтяниками Баку».
Я сидел у друзей. Оля прыснула: «Ох, горемыка.
Но, похоже, не скоро закончится это ку-ку».
А в Загорске жил старец, большим многомудрием славен.
Рассказал он, как в 24-м рыли яму под мавзоль,
да попали на выгребную. И Тихон (в миру Василий Беллавин),
проходя, обронил: «По мощам и елей».

1982 — 25 января 2015

ПАЛИНДРОМАНИЯ

Ну, казалось бы, что тут такого?
Просто фокус на раз.
Палиндромы Ильи Фоякова —
зависть виршеслагающих масс.

Здравствуй, жанр бесконечно не тесный!
Наших ямбов просторней стократ
тот шедевр Ильи, всем известный:
«Тарту дорог как город утрат».

Три десятка таких откровений —
прямо с облака. Без посредника.
...Жил да был непризнанный гений,
рифмовавший, как все мы, средненько.

В Петербурге, вместе со всеми
воспевавшими Ленинград,
жил поэт, понимавший, что время
может течь и вперёд, и назад.

26 января 2015

NB. Избранные палиндромы Ильи Олеговича Фоякова, записанные его рукой в моей тетрадке в 1978-м (с некоторыми более поздними добавлениями):

МОЛЕБЕН О КОНЕ БЕЛОМ
НЕДОЛОГ МИР, А РИМ ГОЛОДЕН
ЯРО ЗАКУСАЛА РЕНЕГАТА-ГЕНЕРАЛА СУКА ЗОРЯ

РОПОТ — МАТ — А ТАМ ТОПОР
ЛОМ О СМОКИНГИ ГНИ, КОМСОМОЛ
АЛЕЛ ЗАД, АЛЕЛ, МАКАКА МЛЕЛА ДА ЗЛЕЛА
ИЩИ ПОКОЯ — ОКОП ИЩИ
ТАРТУ ДОРОГ КАК ГОРОД УТРАТ
ЛЕДИ БОГ ОБИДЕЛ
РОДИ МОПСА С ПОМИДОР
У ВИТИ РЕПА К АПЕРИТИВУ
У ТЕЩИ НАШЁЛ ЛЁША НИЩЕТУ
ВЕЕР ВЕЯЛ ДЛЯ ЕВРЕЕВ
НЕСУН ГНУСЕН
Я АННА — ЛЕЖУ, ЖЕЛАННАЯ
Я АННА, ДОЛГОМ ОГЛОДАННАЯ
А БАБА ВО СИБИРИ — БИСОВА БАБА
А ПУТАНА ТУПА
ПИЛ В ТОСКЕ СЕКСОТ: ВЛИП
ЗАКОПАН, А ПОПА НАПОКАЗ
ОН ХАМ, КАК МАХНО
МОРДА КАЗАКА ЗА КАДРОМ
И ПИШИ ОДУ ХУДО И ШИПИ
А ЛИРЕ ВАСИЛИСА ВЕРИЛА
А ЛИШИЛА МУЗА РАЗУМА, ЛИШИЛА
НЕ ДО ЛОГИКИ — ГОЛОДЕН
МАСТЕР ЖРЕТ САМ

МИРОЖСКИЙ СОБОР. КОНЕЦ 70-х

Сергею Белецкому

Переписав черновик истории набело,
в Пскове, под вечер, жёлтым зайчиком панагии
луч, сквозь оконце продолживший жест архангела,
храм пересёк и упёрся в лоно Марии.
Над проступившей сквозь снег кладбищенской земляницей
за неимением райских — земные пичуги пели.
Шёл ледоход. Похрустывало на Великой.
Помню число: четырнадцатое апреля.

27 января 2015

* * *

Екатерине Молоствовой

Я дал зарок, и потому не мог,
совсем как та химичка-большевичка,
впрок поступиться принципами. Лёг
напоперёк не принцип, но привычка.
Она отнюдь не помогала в деле
и даже усложняла жизнь, пока
как на шизу товарищи глядели,
жалея втихомолку дурака.
Тот шёл наверх, а тот катился вниз,
доклёвывая оттепели крохи,
пока Отсос, Подсос и Компромисс
ходили в мушкетёрах той эпохи.
Я мушкетёрам говорил: «Шизливо!»
Борцом я не был. Но брезгливым был.
Теперь не вспомнить, косо или криво,
но в то дерьмо я всё же не вступил.

28 января 2015

СТАНИСЛАВ ЕВГРАФОВИЧ ПЕТРОВ, ВОЕННЫЙ ПЕНСИОНЕР ИЗ ФРЯЗИНА

Жили-были в лучшем из миров,
в мире, перекованном вживую,
в том, где подполковник С. Петров
отодвинул Третью мировую.
Что Господь, что знаки зодиака
в бункере бетонном под Москвой,
где компьютер алою строкой
возопил: «Ракетная атака!»
Чтоб сработать на опережение,
по часам кремлёвским у Петрова
полторы секунды на решенье.
(Апокалипсис — на полшестого.)
Но Петров сирену отключил.
Он, Петров, из своего отсека
по вертушке в Кремль не доложил:
распоследней радости лишил
на лафет вползавшего генсека.
Как просёк, что спутник на закате
стайку серебристых облаков
над ракетной базой в дальнем штате
принял с переляку так некстати
за атаку ядерных штыков?
Отставник из фрязинской хрущобы
этот случай объясняет так:
— Кто ж займёт безумия и злобы
для ведения таких атак?
А компьютер, ну так он — дурак.

28 января 2015

ЛЕНТА МЁБИУСА

Николаю Беляку

Время с Временем встречается.
Незаметно так случилось.
Время Кодекса кончается.
Время Свитка возвратилось.
Подожмёт по-детски лапочки
и уснёт в библиотеке
книга, та, что в виде бабочки,
выпорхнула в Первом веке.
Над Невою да над Летою,
над Ривьерою-дель-Брентой
откружила синей лентою,
став компьютерною лентой.
Письмена на крыльях лёгких
схлопнулись крылами книжки.
Ночью книжные излишки
жгут титушки и ярыжки.
Воздух выгорает в лёгких.

3 февраля 2015

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГАВАНЬ

Дочке Дарье Андреевне

Просвистит морозцем Водолей.
Корюшка проклюнется пугливо.
Но заблеет Овен у дверей —
и опустятся на гладь залива
десять тысяч белых лебедей.
Рядом жил, а никогда не видел.
Даже и никто не рассказал.
Нинка говорит, Морской вокзал
нишу лебединую похитил...
Ей-то вот Завенчик показал...
Кто тебе поверит на словах
в то, что детство спряталось за шторой?
Поищи его на островах.
Да в Лебяжьем, за Большой Ижорой.

4 февраля 2015

РАРИТЕТЫ ЕРМОЛИНСКОГО

Сергею Мироненко

С Эйдельманом и Берестовым в середине 70-х
навелили сценариста

Сергея Александровича Ермолинского.

Помню взгляд колючий да матовый отсвет

виска суглинистого.

Кабинетик на «Аэропорте» — книжная ниша.

Кусковой рафинад на блюде заполярной россыпью.

Автор «Дней Турбиных» улыбался на фото с подписью:
«Вспоминай, вспоминай, вспоминай меня. Твой Миша».

Берестов попросил рассказать, как в девятом году
восьмилетний мальчик, сын учителя гимназии,
написал Толстому, что тоже будет писателем.

А Толстой отвечал, что тот написал ерунду.

На пасхальной неделе гимназисты города Вильно
под диктовку папаш-мамаш, губернёров и губернёрок
сообщили графу, что тоже хотят очень сильно.

Но старик никому не ответил. Морок есть морок.

А Серёжа рос, продолжая скрипеть пером.

По его разработкам стал снимать Юлий Райзман.

Ну а фото Булгакова с письмом Льва Толстого — разом
при аресте изъяли в сороковом.

Так что рукописи горят. И тлеет нетленка,

если ордер подписан вторым секретарём

Правленья Союза советских писателей

Петром Павленко.

Отсидел своё. И как стали кончаться срока —
возвратился. Часть книжек соседи вернули.

И в некое лето

выпали те раритеты — приветы не с этого света! —
из последнего тома Мамина-Сибиряка.
Молот чуть промахнулся, а серп прилетел обратной.
(Тот чекист, два вещдока скрывший,
он всё понимал толково...)
А уже за ужином Эйдельман огорошил догадкой:
«Это ж надо! Пьём водку с корреспондентом
Льва Толстого!»

4–5 февраля 2015

НВ. Лев Толстой — Сереже Ермолинскому.

Желание ваше быть писателем очень дурно; желать быть писателем — значит желать славы людской. Это дурное чувство тщеславия. Надо желать одного: быть добрым человеком, никого не обижать, не осуждать, не ненавидеть, а всех любить. 25 марта 1909. Ясная Поляна.

ОПАСНЫЕ ВОПРОСЫ

Дочке Кате

А когда в 30-х завязывались тары-бары,
разумеется, обиняком, между теми, кто понимает,
дед пресекал разговоры таким макаром —
спрашивал: «Вас только это удивляет?»

Штабс-капитан, контуженный на Германской,
в 19-м мобилизованный

новым российским правительством,
гордился тем, что в братоубийственной, гражданской
не участвовал. Однако при попустительстве
фортуны — дрался в Туркестане
с небратьями-басмачами.

Комиссар-матросик косился.

Но не уличил во вредительстве.

Врал в анкетах о происхождении.

Служил интендантом в Чите.

Не воровал. Уволился по закону.

Вернулся в Питер. Налаживал, когда подошли к черте,
на оборонном заводе гражданскую оборону.

Как человек империи он многое понимал.

Исчезали знакомые то по одному, то по трое.

И всё чаще по утрам повторял:

«Идём ко дну. Настроение бодрое».

А в декабре 41-го сынок, свет его очей,
первокурсник, услышавший

о выселении немцев Поволжья,

на весь кубрик спросил: «Да как же можно, — изгонять народ из-за нескольких сволочей?..»

За такие вопросы отправляются не в штрафбат. Но отцы-командиры проявили заботу: в ту же ночь — переводом в другую роту — а наутро — на лыжах по Ладоге — и в Сталинград.

«Юру все любили. И в беде не покинули. Если правду сказать, так выручили б не всякого». ...Это мне рассказали друзья его — после Ваганькова, когда вторую до дна опрокинули.

5 февраля 2015

БАЛЛАДА О ХРУСТАЛЬНЫХ ПОДВЕСКАХ

Сыну Сашке

Приснится сон — бессонницы бессоннее:
позвякивая, заявили на́ дом
хрустальные подвески филармонии,
те, что отца спасли под Сталинградом.
...Прозрачнее, чем пятистопный стих,
в прожекторе луны морозный воздух.
А двое взводных спорили о звёздах.
Да так вот и отстали от своих.
Неделю как на курсах отучились,
и каждый принял свой стрелковый взвод.
И вот в степи бесснежной заблудились.
И напоролись на немецкий дзот.

Когда услышал очередь — упал.
(Как научили: лёг, чтоб не попали.)
А этот двоечник, он побежал.
И убежал. И пули не догнали.
А ты лежи, пока твоя душа
не сбросит бремя зябнущего тела.
Молчи, как отказавший ППШ.
Мороз ударил — смазка загустела.
А зимнюю не подвезли. Боёк
сомнамбулой взасос целует капсуль,
но тут же засыпает, как сурок.
И пули в диске не опасней капель.

В кармане РГД. Запал — в бумаге.
Бумага тоже от щедрот промаслена.
Не выручат ни горки, ни овраги.
Степь Сальская плоска, как лист бумаги,
как все возведённая напраслина.
Не шевельнуться. Уличит из мрака
Луна, что светит благостно и святочно.
И «Ворошиловского килограмма»
на эту амбразуру недостаточно.

Стал замерзать — услышал звук мотора.
Возможно, шанс последний для атаки...
Ну да, ведь ротный говорил, что скоро
тут могут выдвинуться наши танки.
Танк проурчал — и замер, амбразуру
не перекрыв. А ты к земле приник,
метнуться под броню задумав сдуру.
Но что-то удержало в этот миг.
Такой пустяк — алмазный всплеск подвески
стальным лучом от гарды Д'Артаньяна.
А дальше было всё довольно странно:
танкист откинул люк, и — по-немецки...
Подумал: хорошо, на мне тельняшка.
Дожил до девятнадцати годков.
И хватит. Флотским на войне поблажка:
фашисты в плен не брали моряков.

Я опущу дальнейшие детали.
Как немец вокруг тела обошёл.
Как передёрнул лязгнувший затвор.
Как выяснилось, что не мародёр.

Побрезговал — твой труп не обыскали.
Стал отключаться. Сумрак онемелый
сковал сознание в сладостной истоме.
Сосульки на траве заледенелой
напомнили о музыке, о доме.
Привиделось: сидят отец и мать,
вернувшиеся только что с концерта,
но попытался было рассказать,
как мать спросила: ну а что в конце-то?

Как — что? Тут наши танки подошли.
И фрицев мы отбросили к утру!..
...И стыд обжёг, как чей-то выкрик «пли!»:
Зачем же я отцу и маме вру?
Очнулся. Танка не было. Вскочил.
Пуškai стреляют. Тишина в ответ.
Взяв пулемётчика, танк укатил,
и хрусталём зарос неровный след.
Звезда упала в предрассветный дым.
Бесмысленна, как выстрел в молоко.
И вышел через полчаса к своим.
На этот раз сравнительно легко.

*6 февраля 2015
День блаженной Ксении Петербургской
и день рождения отца*

НВ. ППШ — пистолет-пулемёт Шпагина (автомат с круглым диском).

РГД-33 — ручная противопехотная граната Дьяконова.

«Ворошиловский килограмм» — противотанковая граната с зарядом в 1000 граммов.

ДРУЗЬЯ МОЕГО ОТЦА

ПОМИНАЛЬНИК

*Моряки молодые о море,
о покинутом море поют...*

Владимир Ефименко

Ранен был у Калача-на-Дону,
замыкая окружение Шестой армии Паулюса.
Раненный, принял роту, когда рядом убило ротного.
Поднял роту в атаку и с задачей справился.

Это я прочитал в наградном листе.
Только отец про то ничего не рассказывал.

Капитан Василий Букоткин,
с тринадцатью осколками в теле
трое суток командовавший батареей
в укрепрайоне на Эзеле,
был моим другом в конце пятидесятых.
Ни немцы, ни особисты его не срезали.

Мой отец — где вы такое видали? —
добился его реабилитации и вернул медали.

А другие его ребята — к примеру, Андрей Ярчук
после трёхдневного боя под Курском
за столом закемарил в хате,
а граната в кармане шинели рванула некстати,
когда шальная пуля сквозь окно попала в запал.
После его за неделю собрали в санбате
бабы — врачихи с медсёстрами. (Поэтому я его знал.)

И другой, курсовой поэт Владимир Ефименко,
вот он на фотографии тут.
Он напишет песню морской пехоты
и погибнет вскоре.
Это пели на всех фронтах:
«Боевые огнистые зори
над широкою Волгой встают...»

А самый заметный на курсе —
старшина второй статьи Ахромеев.
После второго инсульта отец ему написал,
мол, сына верни из Владика, я уже умираю.
И тот не ответил, но сделал всё, как знал.
И лет восемь мы с братом
жили почти что рядом.

Маршал Ахромеев (прозвище Благодетель)
повесился в Кремле сразу после путча.
Так, во всяком случае, утверждает официальная версия.
Отец говорил, что Серёжа заслуживал лучшего.

7 февраля 2015

ИПАТЬЕВСКАЯ ПОВЕСТЬ

1

Бабушка, которую не знал,
в 14-м была сестрой милосердия.
Дед увидел её в коридоре госпиталя.
Госпиталь не понравился.
Понравилась бабушка.
Дед был после раненья.
Ну и решил остаться —
до выздоровленья.

Быстро пошёл на поправку,
а как выписать были должны,
поинтересовался у бабушки,
не могла бы она вместе с ним на войну поехать?
— В качестве кого же? — прыснула девушка.
— Разумеется, в качестве жены.

2

Бабушка, дочь дворника, воспитанная в семье купца
и вышедшая замуж за курносого дворянина,
в детстве дважды тонула в маленькой нашей Оредежи.
Была она так красива, что река её пощадила.
Отец сохранил фотографию — вырезку из газеты.
«1915-й. Живая карта Европы
силами госпитальных сестёр милосердия».
Бабушка в центре группового портрета.
Она в жемчужном кокошнике олицетворяет Сербию.

Двух детей схоронили. Средний выжил.
Мотались по стране — осели в Свердловске,
откуда ещё в 21-м наострил в столицу лыжи
расстрельщик царской семьи большевик Яков Юровский.

Жили на Вознесенском проспекте,
рядом с домом инженера Ипатьева.
То, что там помещалось,
Музеем Революции именовалось.
25 копеек по общей смете.
Красноармейцам и старым большевикам —
льгота: ноль-ноль копеек.

Преодолели сомненья и страхи.
Решили, что всё-таки надо увидеть тот подвал.
Экскурсию вёл человек в детской папахе.
В начале тридцатых его весь город знал.

Простреленные половицы, выпиленные на сувениры
колчаковцами, зияли провалами.

(«Хорошо, что не видит сын!»)

Папаха была мала. «А я сделал ей растопыры!»
То есть вспорол каракуль — и вставил красный клин.

Стайка красных курсантов внимала прилежно.
Говорил нескладно. Но в себе был уверен.
Углублялся в историю: «Мечь была неизбежна!»
Бубнил про Уралсовет, Юровского и царевен.

И вдруг оживился, заканчивая повесть:
«...Отказывались спускаться: известная робость девичья.

Выстрелил Лёшке в лоб — черепушка-то и раскололась.
Вот он — трофей с головы Алексея-царевича!»

Бабушка Анастасия не сорвалась на крик.
Коротко и внятно произнесла:
— Мясник.

И уже в блокаду про выпиленные доски
рассказала отцу подробно и честно.
Умерла в эвакуации в Петрозаводске.
Могила её неизвестна.

7–8 февраля 2015

NB. Доски в подвале Ипатьевского дома были выпилены в 1919-м следователем И. А. Сергеевым не на сувениры, а для экспертизы: определяли характер пулевых отверстий и наличие крови.

Бабушка не вернулась из эвакуации и умерла в конце войны в Петрозаводске, уже после его освобождения в 1944-м.

* * *

Что за причуда холопья
всё подсмотреть на бегу?
Редкие снежные хлопья
гаснут в февральском кругу.
Две с половиной секунды
(Зря так торопитесь. Зря!)
для обозренья доступны
в бледном пятне фонаря.
Неженка, прима, пружинка,
хрупкая эта вода,
как твоё имя, снежинка?
Эй, да куда ж ты?.. Куда?
Полноте. Чуда не будет
ни на Днепре, ни на Ильмене.
Тот, кто увидел, — забудет
и не окликнет по имени.
А ведь казалась нетленной,
всеми цветами играла.
И ни одна во вселенной
другую не повторяла.

8 февраля 2015

ПАЛАТИН, ПЕРВЫЙ ИЗ РИМСКИХ ХОЛМОВ

баллада

Недолог мир, а Рим голоден.

Оно всегда порвётся там, где тонко,
но знают правду римские руины:
есть в Лации деревня Альба-Лонга,
соперница деревни Палатины,

кому вершить — решать на поединке,
на Козьей пажити, как на арене,
сошлись, по-деревенски, по старинке,
три — против трёх из той, другой деревни...

Там — Куриации, а тут — Горации.
Но у Горациев ещё сестра,
подобная богине римской Грации, —
лицом прекрасна, языком остра.

Заранее шепни — она бы спятила.
Кровавый поединок — не для граций.
В тот день на Козьем поле пали пятеро.
В живых остался римлянин Гораций.

Один собрал трофеи с поля брани.
Что ж, триумфальный хлеб слезами солится.
Как повествует древнее преданье,
народ встречал героя у околицы.

Впервые, почитай, что от начала,
Фортуна Рима жирной медью рыкала.

Но дева плащ разрубленный узнала.
Она его своей рукою выткала

для младшего из трёх альбанских братьев,
для Куриация, для жениха...
Не удостоен сестринских объятий,
в тиши услышал (речь была тиха,
не громче грома, так, бесплотный дым):
«Да будь ты проклят, Победитель Рим!»

Хотя легенда — не литература
и не история — само собой
убить за то, что зарыдала дура
по жениху, убитому тобой.

Покуда пыль на лаврах не осела,
покуда жажда славы утолима, —
проткнуть кощунницу, ту, что посмела
не трепетать перед величием Рима.

Чтоб складка хроноса не пролегла нескладно
всеримского всевластия в преддверии —
убить сестру, чтоб было неповадно
другим оплакивать врагов империи.

Поэтому-то римляне — не греки.
И мы напрасно подражаем им.
Ботан, очкарик из библиотеки,
про что ты думал, совестью палим?

Про Украину. Про войну. Про Крым.
Спит на семи холмах Четвёртый Рим.

8 февраля 2015

МИНИМАЛИЗМ ПО-РУССКИ

For sale, baby shoes, never worn.

Отгоняя большую-пребольшую беду,
киевлянин Валерий Корнеев
напомнил о новелле Хемингуэя,
написанной шестью словами.

По-русски влезло в четыре:

«Продам
ботиночки
детские,
неношеные».

В моём детстве что-то подобное
пели водосточные трубы,
только вместо «Продам» —
обычно звучало «Отдам».
И — никакой трагедии.

Но в Ленинграде,
в сорок-начальном,
слов было бы и вправду шесть:

«Меняю на хлеб...»
Далее по тексту.

9 февраля 2015

БАБЬЕ ЛЕТО — 99

Те, что её не очень-то любили,
теперь стояли в очереди длинной,
прощальной. С Гоголевского бульвара
гирлянда загибалась на Воздвиженку,
хвост — где-то за Цветаевским музеем.
В Москве безумствовало бабье лето.
А люди шли. Букетики несли.
В 49-м был Семипалатинск,
а после и Чернобыль, и Форбс.
Но в том, что лейкемия жёлтым пеплом
её накрыла, были виноваты
все, кто пришёл. И все, кто не пришёл.
Все — даже медная иконка Зна́менья,
подаренная за три года до
её болезни, — не спасли, не выручили.
Уже на выходе меня догонит
знакомая девчонка-секретарша
и упрекнёт: «Чего ж не подошли?»
Тогда-то и увидел старика,
сидевшего за гробом. «Да, конечно».
Вернулся. Он привстал. Повис на мне:
— Андрей, да что ж это за правила такие?.. —
Он ждал ответа. Чтó я мог ответить?

10 февраля 2015

ПАРИЖСКАЯ ЭЛЕГИЯ

*Я по рю-де-Рю марше, же пердю перчатку.
Я её шерше-шерше, плюнул — и опять марше.*

Макаронический стишок начала XX века

1

В табачной лавочке на рю-де-Руль, с друзьями —
Сашей Марголисом и Колей Беляком —
заспорили о чём-то. Вдруг за нами
чуть приглушённое прононсом: — О!
гечь гусская! — Чернявая толстуха,
зашедшая за леденцами внука,
как видно, захотела поболтать.
Но почему-то побледнел Марголис.
Нам бросив: «Вы уж тут давайте сами!»,
увлёл толстуху к выходу. Мы с Колей
приобрели «Житан» и тоже вышли.
У лавочки, но только чуть поодаль,
старик высокий (в щегольском костюме,
но в тапочках домашних и с авоськой)
беседовал с мадам и нашим другом.
И я сказал: «Послушай, друг мой Колька,
по-моему, вон тот — великий князь...» —
«Вот выдумаешь!.. Ну какой же это
великий... — Колин театральный бас

спикировал в сфлёрский шёпот, — ...князь!»
В пяти шагах журчавшая беседа,
над мостовой подпрыгнув, пресеклась.
«Позвольте вам друзей моих представить!» —
не растерялся Александр Давидыч,
директор фонда «Сэйв Санкт-Петербург»
(Собчак его представил здесь, в Париже,
чете великокняжеской). А я...
я позвоночником почуял, как
дворянский ли, холопский ген сгибает
демократический мой позвоночник.
— Когда вы возвращаетесь в Россию? —
Марголис доложил: — Я — прямо завтра.
— А можно попросить вас передать
на родину коробочку лекарств,
а также одноразовые шприцы
для детской государственной больницы?

2

Когда вернулся в Фонтене-о-Роз
и рассказал Синявским о знакомстве,
ну и о том, что зван на той неделе
к Владимиру и Леониде в гости,
Марья Васильевна не утерпела:
— Чернов, я буду паинькой, возьмите!..
Договоритесь о моём визите. —

И что? В грязь не ударила лицом.
Не опозорилась. Не надерзила.
Ещё и интервью взяла. Потом
Расшифровать, конечно, позабыла.

Начало лета 91-го.
Дышала гласность прошлых бед оглаской.
Сто семь причин для разговора нервного.
На горизонте сполохи гражданской.

Учился говорить «Ваше Высочество!»
(но упустил эпитет «императорское»)
Порой переходил на имя-отчество,
внося в беседу неформально-авторское.

Спросил, не хочет ли он навестить Россию?
— Да, если Ельцин пригласит в Россию.
— А ежели Собчак, но в Ленинград? —
Задумался: — Что ж, был бы только рад.

Рукой подать от Промысла до Вымысла.
Вот взять и возвратиться — Божье Диво! —
тому, которого мать в чреве вынесла
едва ль не по льду Финского залива.

Вернувшись, рассказал про это мэру.
Однако тот лишь замахал руками:
— Ну да, его, а также бабу Леру
(ну, Новодворскую). Не подводи под меру.
Мы как-нибудь управимся и сами.

Но грянул путч. Победа. Пипл в экстазе.
И этот разговор возник опять:
— Что говорил ты о великом князе?..
Успеем на ноябрьские позвать?..
— Успеете. Но это — без меня.

Успеется. Забудется. Останется.
Всё сбудется от Божеских щедрот.
Он лёг в великокняжьей усыпальнице
в апреле месяце на следующий год.

10 февраля 2015

NB. Я предложил записать книжку его воспоминаний. Он предложение принял. Но скоро стало ясно, что практически это неосуществимо. В следующий приезд я попал в дом к приятельнице моей юности поэтессе Галине Погожевой. И по телефону познакомил её с великим князем, сказав, что монархистка Галка книжку его запишет адекватней. Что она и сделала за полгода. Продиктовав последнюю главу, Владимир Кириллович уехал с визитом в США и там умер. Краткую записку о его обеспокоенности русскими тенденциями «по линии так называемого Ура-монархизма» я опубликовал в журнале «Русская виза» (№ 1, 1992). В наших беседах выяснилось, что Глава Русского Императорского Дома ничего не слышал, к примеру, о петербургских событиях 9 января 1905 г. Но я так и не исполнил его просьбы написать тезисно (на полторы-две странички), «в каких именно грехах династия Романовых должна покаяться перед Россией». Он тактично не напоминал.

К ВОПРОСУ О ЩИТЕ ВЕЩЕГО ОЛЕГА

Игорю Данилевскому

На своём 95-летьи, уже в нынешнем тысячелетии,
Татьяна Аркадьевна Борнштейн,
в девичестве Мельницкая,
дворянка, петербуржанка, театральный художник,
стрельнула у меня беломорину и почему-то вспомнила,
как на втором году Первой Империалистической
старшая сестра водила её в зоосад.

На боковой дорожке у клетки с попугаем
толпились зеваки.

А зеваки — это всегда интересно.
Хозяин попугая, грек или цыган,
девочек заприметил
и зацыкал на всю Ивановскую:

*«Американцкий какаду!
Серит только раз в году!
И притом на ходу!
...прапуцтите барышень пацматреть!»*

Толпа расступилась.
Попугай отвернулся.
И вспыхнувшая гимназистка Лиля,
сестра пятилетней Таты,
отдала цыгану бумажки
из расшитого бисером кошелька.

Обратно шли пешком.
(«Овёс-то нынче почём?»)

Это я к тому, что шаг предания долог,
а от щита скёльдунга Олега до Киевского Крещения
(кстати, скёльд по-норвежски «щит»)
лишь один оборот кометы Галлея —
77 лет.

26 апреля 2015

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ ОБ УХОДЕ МАМЫ

*Самый старый долг плачу —
С ложки мать кормлю в больнице...*

Борис Слуцкий

* * *

Преодолевая ужас, неведомый библейскому Хаму,
обмываю врата, из которых вышел
шестьдесят два года назад.
Перепелёнываю маму. Плачу над мамою.
Осваиваю роль медсестры и сиделки,
существ сугубо женского рода.
Мама — большая. Это я мелкий.
Вновь в конце тоннеля — только свет и свобода.
Она уже не здесь. Но ещё не там.
В больницу не сдам.
А потому и программа изо дня на день
проста, как мычание:
капельница, подгузники, постирушки.
А по ночам — «Молитвослов»
и чайная ложка отчаянья.

26 апреля 2015

* * *

Кто-то невидимый дал отмашку.
Заворковала пернатая стая,
и ты отстранила чашку:
— Какая вода сухая!

27 апреля 2015

ЛЕСТВИЦА ДОЖДЯ

(голосом мамы)

Эта текучая лестница, спущенная с небес,
только её ступеньки не поперёк, а вдоль,
как струны виолончели.
Это такие качели,
на которых забываешь про земную юдоль,
взлетаешь и падаешь
тяжелей апрельской капли.
Хорошая примета уходить в дождь.
Особенно в ночь.
Доброго тебе лета!

27 апреля 2015

КАК В 83-м

Здесь, в краю замёрзших рек,
Долго и обильно
Падал прошлогодний снег
Имени мультфильма.
Падал вверх, толкался вбок
Над родною зоной
Пластилиновый снежок,
Даром что ядрёный.
Запасайся парой крыл.
В душу клювом торкай.
Гриша Горин говорил:
— Зима будет долгой.

9 ноября 2016

VI

ЖЕНЬКИН БУКЕТ

БРОДВЕЙ «АВДЕЕВКА»

Нормальные ребята,
Кто с Тотьмы, кто с Арбата,
Сидели б на трубе,
Ан нет!.. И после дембеля
Нашли себе фельдфебеля
В районном ФСБ.
А те ещё в детсадике
Намылились в десантники,
В зенитчики пошли.
Пацанская порука —
Портрет на фоне БУКа,
Привет с чужой земли.
А те — не за печенье —
Вписались в ополченье:
Спасибо, интернет!
Дорожка в цинк науглена,
А что душа погублена —
Не им держать ответ.

2 февраля 2017

* * *

О тех, кто отпевал Четвёртый Рим,
Из нашего безвременья вздохни-ка:
Высоцкий, Окуджава, Галич, Ким,
Новелла, Городницкий, Вероника...
Поверх себя — с печалью пополам —
Обыденных проблем не упрощали,
Но возвращали смысл простым словам,
Надежду на спасенье возвращали.

15 февраля 2017

МАЙ 2015

Ни тебе погоды, ни экзотики.
Лишь на Невском сразу с трёх сторон
С корнем выкорчёвывает зонтики
Старенький романтик Аквилон.
Мне бы хоть лоскут ультрамарина
В полынью оконного стекла.
В том году не зацвела рябина.
А в апреле мама умерла.

13 сентября 2016 — 5 июля 2018

* * *

И. Д.

Там, где лошадьё движет телега,
А правительством правит денщик,
Где куском арестантского хлеба
Насыщаются невпротык,
Поутру проступает во мраке,
Полновластьём своим утомлён,
Хвост, виляющий трупом собаки, —
Бренд России последних времён.

23 февраля 2017

СЕВЕРНАЯ ПЕСЕНКА

Вытекла нам выгода
С чистого листа —
Вытегра да Тигода,
Ладожка да Мста.

Солнышко немаркое.
Вокруг никого.
Платъице нежаркое.
Лучше — без него.

1 марта 2017

* * *

Гроздьями чёрной февральской рябины,
Снегом, уплывшим в гнилой водосток,
Через беспамятство Мнемозины
Выйдет и этому времени срок.
Герда произнесёт: «крибле-кравле...»
Бумс! — и обрушится та стена.
Не наступая на русские грабли,
Кай хохотнёт: «С Наступающим на!..»
Запоминай современников лица,
Что б ни случилось с твоею страной,
Запоминай же, покуда он длится,
Век этот жалкий, безбожный, больной.

5 марта 2017

* * *

Андрею Бескину

Держись за веточку, держись,
последний лист кленовый!
После шестидесяти жизнь
закрутится по новой.
Сойдут весенние снега.
Зима не будет длинной.
Видны иные берега
с той пристани пустынной,
когда вперяется зрачком,
всё разложив по полочкам,
старик над Вышним Волочком,
прикинувшийся облачком.

15 января 2015 — 3 апреля 2017

* * *

*Спит пожарная охрана,
сдав техминимум.
Князь Пожарский спит у храма
рядом с Мининым.*

Юрий Смирнов

Для кого-то — дело частное,
А кому-то — злого злей —
площадь эта разнесчастная,
где земля всего круглей.
На брусчатке яма вырыта.
На брусчатке хлеб не рóдится.
И опять просить за Ирода
запрещает Богородица.

8 декабря 2014 — 27 марта 2017

ЛЮДИ СТРАСТНОЙ СУББОТЫ

О. Х.

Ангел облачком прикинется
Там, в краю покоя млечного,
Вечность — вроде как гостиница
В ожидании Предвечного.

В тесноте кастальской темени
На мгновение замри —
Привыкай к отмене времени
Хоть в Париже, хоть в Твери.

Здесь, как в детстве, встретят ласкою
И тебя, пришлец безбашенный.
Пахнет куличом и пасхою,
Скорлупою пахнет крашеной.

А в лазури или в сурике
(Не вверху и не внизу),
В том же самом детском «чурики —
Это ноги на весу».

Выше шпилей, круче башен
Всё, что ты увидишь тут.
И совсем не так уж страшен
Этот самый Страшный суд.

15–17 апреля 2017

ДОЧКЕ КАТЕ В ДЕНЬ АИСТА

Дом 23 по улице Свободы
В зелёном нашем тушинском краю.
Палатка — то ли «Соки», то ли «Воды».
Я — то ли соки, то ли воды пью.

И вышло так, что не сумел слукавить
(Мне было шесть. А может, даже пять),
Когда спросили: — Ты умеешь плавать? —
— Нет, но когда-то я умел летать.

19 апреля 2017

РУССКИЙ ПУТЬ. 1930-е

Откуда эти рожи повылазили?
Повылупились из каких щелей?
Ни в чёрной Африке, ни в жёлтой Азии
Эксперимента не было смелей.

Жирует смерть. Возводится нелепица —
Всемирного глаголя пьедестал.
«Страна темна, а человек в ней светится», —
В блокнотике Платонов записал.

25 апреля — 20 мая 2017

NB. Помимо четвертой буквы кириллицы, глаголем называется один весьма популярный на Руси предмет. Вот пример употребления этого слова: «Кругом пустыня, дичь и голь, // А в стороне торчит глаголь, // И на глаголе том два тела // Висят. Закаркав, отлетела // Ватага чёрная ворон, // Лишь только к ним подъехал он» (А. С. Пушкин. «Альфонс садится на коня...». 1835 или 1836 г.).

ПОДЛИПКИ-ДАЧНЫЕ

Нине Аршакуни

А летом, где-нибудь в Подлипках,
На зорьке высвистав соседа,
Вступаешь в треники на штрипках,
Как в стремяна велосипеда.

Земля заречная, чужая
Влетала камушком в сандалик,
Порыв к свободе упреждая
Свободою крутить педали.

Пространств неизвестных соседство
Приоткрывал тебе на раз
Тот велик — он и цель, и средство,
И самый первый твой Пегас.

Мелькали ямы и пригорки.
Коленки битые саднили.
Колёс залатанных восьмёрки
Долготерпению научили.

И в пункте, скажем так, конечном
Припомни, что бывало так:
Хоть лето было бесконечным,
А пролетало — только так.

29 апреля 2017

В МАСТЕРСКОЙ НА ВАСИЛЬЕВСКОМ

Крестнику Петру Завеновичу

Обыденно, обыкновенно,
Но сразу с четырёх сторон
Приходят в мае дни Завена —
Эпоха опушенья крон.

Мир был бесцветным, был безликим,
Но живопись своё возьмёт,
И станет малое великим,
И в раме ветка прорастёт.

Не зря же в полутьме на Ваське,
Природе возвращая цвет,
Всю зиму смешивает краски
Один чудак-анахорет.

Завен Петросыч Аршакуни,
Волшебник царственный Завен,
Он наколдует нам не втуне
Весну и ветер перемен.

И опрокинет рюмку с нами.
И в кухоньке заварит чай:
— А дальше сами... Дальше — сами.
Уже не маленькие, чай.

30 апреля 2017

ТРЕТЬЯ ВОЛНА

Григорию Галичу

Значит, вот... Ещё одна проверка:
Атлантида при тебе потоплена.
Человек эпохи Гутенберга,
Где ты вынырнешь в эпоху Тоффлера?

...Отплевался. Пот холодный вытер.
Ноева потопа пострашней
Эти свитки электронных литер
В поплавках рыбачьих соцсетей.

Начиналось с пустяка, с компьютера...
Но уклад привычный ухнул в бездну.
В прошлый раз по мановенью Лютера
Было так. И тоже было муторно.

И что будет — было неизвестно.

30 апреля 2017

В АЛЬБОМ БОРИСУ ВИШНЕВСКОМУ

Для москвичей он просто «Питер».
А мы с ним не запанибрата.
Для нас не Питер, но Юпитер,
Каким тот в Риме был когда-то.

Как вечевой для новгородца
Звон колокола, как блокада
Для ленинградца... Дно колодца
Видней со дна двора-колодца.
Амикошонствовать не надо.

Униженный, паранормальный,
Лишённый областной судьбы,
Ни разу не провинциальный,
Встаёт он с дыбы — на дыбы.

Кому-то пусть бока повытер.
Кому-то опостылел даже.
Тут, в Петербурге, слово «Питер» —
Что раскладушка в Эрмитаже,

Хоть в гранулах заморских литер
и не апостолу Петру —
Московскому царю Петру
Лефорт писал: «Мин Херц Хер Питер!..»

Но в Средиземье и на Вытегре
(Не важно — эльф ты или хоббит)
Простой вопрос «Ну как там, в Питере?»
Тебя ничуть не покоробит.

1–8 мая 2017

1960

Я маленький, горло в ангине...

Самойлов

Рассвет был мучительно розов.
Шёл снег в законной Москве.
Как вышло, что столько вопросов
В моей завелось голове?

Наверно, всё дело в ангине,
В лекарстве таинственном, новом —
Целительном пенициллине,
А может, в варенье вишнёвом.

Напрасно ко сну меня клонит, —
Ведь если засну — не узнают,
В чём дело, что рыбы не тонут,
Как вышло, что птицы летают.

В то утро всё утро я тщился
Приять в полноте бытия —
В чём дело, что я родился,
И я — это именно я?

В тот давний год, год високосный,
Зависший меж небом и градом,
Весь мир был — как за папиросной
Бумагою — за снегопадом.

2 мая 2017

14 (27) МАРТА 1920. ИСХОД

*Я с кормы всё мимо, мимо
В своего стрелял коня.*

Николай Туроверов

Стылым ужасом, смертной тоскою
Дышит с севера василиск.
Всевеликое войско Донское
Покидает Новороссийск.

Кони брошены. Брошены люди.
Трёхдюймовки брешут на гребнях.
В бухту кинутый, как на блюде,
Твой кораблик в числе последних.

Лаем -надцати-с-гаком дюймовок,
Соблюдая союзный вид,
Отваливший британский дредноут
Красных конников стервенит.

У тебя ж ни коня, ни поклажи.
Шашка. Сумка. Своя стезя.
Фёдор Дмитриевич, вы куда же?..
Вам в полон попадать нельзя!

Можно вплавь за последнею шлюпкой
Или где-то пересидеть,
Не в родном седле, так охлюпкой
Лебединую песнь допеть.

Мы ж должны дожить до победы!
На шинели солдатской влеком,

Ты же сам из тифозного бреда
Лишь вчера вылезал ползком...

Не успеешь даже покаяться.
Северяк с перевала веет.
Скачут всадники Апокалипсиса.
Вон передний в намёте пластается.
Алый бант на груди кровенеет.

...Указал вестовому на сходни,
Где носилки кровавой горой,
И распорядился: — Сегодня
Ты вот лучше мальчонку пристрой!

2-7 мая 2017

* * *

Под промытым этим пологом
У последнего предела
Ты не станешь энтомологом.
Даром бабочка влетела.

Уступи её Набокову,
О случившемся — молчок.
Сам гуляй вокруг да около,
Но зачем тебе сачок?

Ведь за пазухой, в тряпице,
Не развёрнутой пока,
Сердце жжёт перо Жар-птицы,
Дар Ивана-дурака.

3 мая 2017

МОСКОВСКИЕ ТВЕРДИЛКИ

Михаилу Яснову

Азиатская тоска:
Не поймёшь, где зад, где перед —
Бьёт уверенно, с носка,
А потом слезам не верит.

Всей России под горой
Город новый, город древний,
В целом — тот ещё герой.
Первый парень на деревне.

Парвеню второго сорта.
Поговорка говорит,
Что привязчивее чёрта
И москаль, и московит.

Но друзей по жизни встретил
Ты под сенью этих кровель.
И как Берестов заметил:
«Петербург москвич построил».

4–5 мая 2017

ПИСЬМО КУШНЕРУ

В Петербурге оверкиль —

Рифма к речке Оккервиль.

Азбука СПб

Прощанье с апрелем. По старому чину прощанье.
Субботнее, церемонное обещанье
С балкона, распахнутого на втором этаже.
До нового года. До встречи, дружок. Е. Б. Ж.

Прощаясь с нисаном по ветхозаветному стилю,
В низовья на лодочке спустимся по Оккервилю.
Тут Малая Охта, а там и Большая Нева.
И дальше в муаре серебряном острова.

Покинувши время, в иные пространства впадая,
Помедлим напротив побережия Голодая.
«Руина, чти Бога!» — и ветер как будто бы стих.
Ну вот и дочитан державинский акростих.

А дальше вслед за воскресением — понедельник.
И в Царском Селе нас не Вяземский встретит, так Дельвиг.

5 мая 2017

КАНАЛАРМЕЕЦ ЛИХАЧЁВ

Когда увидел пачку «Беломора»,
Дивился долгожительству проекта.
Как именно работала контора,
Он рассказал в одно былое лето:

— Поскольку кривда превосходит скоростью,
А также общей строгостью режима,
Чем защитить свободу? Только совестью!
Ничем иным она не защитима.

6 мая 2017

14 АПРЕЛЯ 1912

Расплатись согласно чекам.
Извинись, когда не прав,
Изучи Морской устав,
Чтоб остаться человеком,

За основу принимая
Звёзд ночной императив,
Так же просто, как в трамвае,
Место в шлюпке уступив.

7 мая 2017

ЖЕНЬКИН БУКЕТ

Без черёмухи сошлись. Но вскорости
Это дело уязвило и нас:
Через год в забытой богом волости
В староладожский явились ЗАГС.

Расписались без понтов, без патоки
(Без свидетелей. Зашёл — и точка).
Но забыли, что в октябрьской Ладоге,
Как при Гостомысле — ни цветочка.

Солнышко немаркое полощется
В тучах непроглядных на просвет.
Женя — мы дружили с ней — ларёчница
Сочинила ладожский букет.

Весь букет — три веточки рябины,
Те, что и доньше достояли, —
Женькины нетленные рубины
В тленном, точно жизнь, материале.

8 мая 2017

ЛИТЕРА «V»

*Эшелоны... эшелоны... эшелоны...
эшелоны несчётно!*

«Тихий Дон»

Крепы сброшены, гайки сорваны.
Упования вышли вон.
В пролетарской слободке, в Сормове,
Век двадцатый произведён.

Век лахудрою рыжей движется
В колее двойной колеи.
Паровозы системы «Ижица»
На себе его поволокли.

Ибо сила вполне серьёзная —
КПД в четыре процента,
Эта тяга четырёхосная,
Рыжей ржави двойная лента.

Распоследняя буква ижица,
По гражданскому алфавиту
Упразднённая, будто пыжится
Отомстить за свою обиду.

Эта ижица, чёртова литера,
Исключённая из реестров,
От Харбина хрипит до Питера
Громче всех духовых оркестров.

Паровозы литеры «Ижицы»
Образца девятьсот восьмого
Кипяточком пыхтящим брызжутся,
К водокачкам прильнув лилово,

И глядит Мария в бессилии,
Как к границам своим вновь и вновь
Взбаламученная Россия
Гонит серошинельную кровь.

17 мая — 23 декабря 2017

30 АПРЕЛЯ 2015

Первозеленью прозрачных крон
Мамин день апрельский напоён.

Он ещё не раз тебе приснится —
Этот чёлн. А в том челне царица,
Заневестившись средь тихих вод,
К пристани незнаемой плывёт.

Кем слыла царица в жизни краткой?
Девочкой глазастой, ленинградкой,
Знающей, как сладок хлеб ржаной,
Акушеркой, мужнею женой.

Кем была в ночи позавчерашней?
Тихою хозяйкою домашней,
Матерью двух взрослых сыновей,
Ласковою мамою моей.

Дочь крестьянки выплывет княгиней
Из ворот земного бытия.
На Ваганькове, где купол синий,
Не узнают маму сыновья.

23 мая 2017

* * *

Было. Жили и во время оно,
Так ложилась карта или эдак —
Знали: петушок царя Дадона
Их не приголубит напоследок.
Жили-были так, чтоб по аорте
Полоснули — поздно или рано —
Невтяжные пардусовы когти
Или серпокрылый клюв сапсана.
Тех безумцев бледные потомки,
Мы не преуспели даже в этом.
Перекурим где-нибудь в сторонке
Из почтения к былым поэтам.

27 мая 2017 — 23 августа 2023

ТЕСТОДЕЛЫ

Гончары ржаной закваски
Из ворот хлебозавода
Без понтов, по-ленинградски,
Объявлялись средь народа.

Правили святое дело,
И тела лепили наши
Эти бабы-тестоделы,
Эти хмурые мамыши.

А потом исчезли. Режем
Сероватый «круглый чёрный» —
В новом веке стал несвежим
Хлеб, не ими испечённый.

Встаньте, бабы, прицепите
Те, блокадные медали.
Встаньте, бабы, научите,
Что вы в тесто добавляли?

Вам суглинок петроградский
Мягче мякиша ржаного.
Век бездарный, век дурацкий —
Отлетевшая полова.

29 мая 2017

ТРЕВОЖНЫЙ ЧЕМОДАНЧИК ОТЦА

Ну а в прихожей между пачек
газет — у нас во время оно
отца «тревожный чемоданчик»
пылился возле телефона.

Картон в обличии рутинном —
значкой для грядущих битв
окован бурым дерматином,
а снизу никелем подбит.

Какое дело мне, ребёнку,
до взрослых игр? За малолетством
лишь то запомнил, что маслёнка
рифмуется с Адмиралтейством.

«До Кубы нам — как до Гекубы...»
«Опять в окопы?.. Эка жалость...»
А мама поджимала губы
и реже, реже улыбалась.

И протирала ежедневно
тот чемоданчик тряпкой влажной.
А где-то чудище стозевно
Указ выковывало важный.

30 мая 2017

ПИСАТЕЛЬ НА КАПРИ

Ирине Флиге

Латунная петунья граммофона
Слух услаждала в каждом кабаке.
Прикормленной синицей время оно
Уютно угнездилось в кулаке.

История сочилась на страницу
Изнанкою земного бытия.
За горечь правды он ценил синицу.
Но ждал, конечно, в небе журавля.

Не в поисках постылого покоя,
Младого поколения кумир,
Он жаждал наконец создать такое,
Чтоб содрогнулся ветхий Божий мир.

Поскольку Бог — он в буре. И недаром
Творец как есть — не добрый он, не злой —
Над тёмным тем новорождённым шаром
Пролился очистительной грозой.

В отечестве так душно всё, так мерзко,
Что хуже быть не может, чем теперь.
Волнуемая бризом занавеска
Крылом архангела вползала в дверь.

Везувий, как картина в Эрмитаже,
И ничего про то не говорит,
Что не журавль, не буревестник даже —
Стервятник в синем облачке парит.

3 июня — 10 сентября 2017

ЮРИЙ ДМИТРИЕВ,
СОЛОВЕЦКИЙ ГАМЛЕТ

Там есть местечко за ковром arrasским...

Шекспир

За ковром arrasским, где шершаво
Крыса эльсинорская шуршала,
Много тёмных тайн погребено.
Козинцев про то снимал кино.

Злодеянья, в сущности, нетленны.
Сколько ни наваливай земли,
Явятся из ледяной геенны
И ещё предстанут пред людьми.

И покуда, как почтарь при почте,
В действие не вмешивался Бог,
На рехнувшейся, на датской почве —
Ты вращался как камень в Сандармох.

5 июня 2017 — 11 сентября 2023

ПРОСОЗИДАВШИЕСЯ

Перешуршали крысу Шушáру —
По пролетарскому праву
Плохо лежащее брали на шару.
Прочее — на халяву.

Лгали заученно, как в кино.
Всюду совали нос.
Но отличались тем от Пиноккио,
Что нос при вранье не рос.

Так или эдак ложится карта —
Перетерпи, сукин сын.
На два столетия Папа Карло
Понастругал буратин.

5–6 июня 2017

МОНОЛОГ ГОРАЦИО НАД ТЕЛОМ ПОЛОНИЯ

Павлу Литвинову

История Рима началась с поединка трех братьев Горациев с тремя Куриациями. А после единственный выживший — один из Горациев — убил свою сестру, посмевшую оплакивать врага Рима, то есть её жениха, убитого её братом. Имперская идея с веками деградирует. Пройдёт лишь две тысячи лет, и некий «римлянин» Горацио, дальний потомок того древнего Горация, ради безопасности датского государства утопит в эльсинорском ручейке ту, что оплакивала своего отца, единственного друга провонявшего тленом режима.

Под тяжестью аррасского мильфлёра,
Протраченного дружеским клинком,
К нигдейскому пристанищу влеком —
Ты не услышишь моего укора.

Тела смердят. В особенности летом.
Перешибив промашки запашок,
Сюда принёс я твой мешок кишок,
Поскольку Гамлет попросил об этом.

Подобное — к подобному. Орёл,
Вознёсшийся в бог весть какие дали,
В объятиях парашника, в подвале,
Своё упокоение обрёл.

Что ж, королева, в сущности, права:
«Сколь опрометчиво и сколь кроваво!»
Есть три богини: Власть. Фортуна. Слава.
Всё прочее — слова, одни слова.

Вокабула — она не меч, а снасть!
Мечи слова! В пресыщенных европах
Не знает власть о заповедных тропах
Холопьяго хождения во власть.

Что может быть глупее паука,
Увязшего в своей же паутине?
Мы — скрепы в государственной машине,
Не нам прогнуться из-за пустяка.

Интриги — вздор. Чуть оскользнёшься и —
Бултых — с концами! — в Стиксовы струи.

Измерив глубину людских сердец,
Открой и в луже перспективы роста.
Я — зеркало: образчик благородства
При Гамлете. При Клавдии — подлец.

Офелия! Твои страданья тяжки,
Но чтобы не было ещё больней,
Когда услышу: «Следуйте за ней!» —
Последую и помогу бедняжке.

Стать нимфою завещано тебе.
Прав оказался общий наш приятель.
Кто смеет утверждать, что я — предатель?
Я никогда не изменял себе.

Решим за вас, кто бог, кто червь, кто скот,
Мы, дети мелкой сволочи, подонки,
Когда вас подомнут мои потомки
И станут вами править лет шестьсот.

2017 — 23 февраля 2022

ШЕКСПИР ПРОТИВ АРИСТОТЕЛЯ

Принц Гамлет — агностик, метафизик и софист. («Если это случится сегодня, то не случится завтра. Если это случится завтра, то не случится сегодня».) В Бога принц не верит, хотя верит в наличие бессмертной человеческой души, в свою фортуны и рок. И ещё в наличие хитроумного и злокозненного дьявола, который может соблазниться человеческой душой и явиться в образе покойного отца. После того как на кронверке это и случилось, принц мучается вопросом, отец ли к нему приходил, или это дьявол похитил отцовское обличье?

Вопрос поставлен в точном соответствии с метафизической логикой Аристотеля, с двумя её основными законами — принципом тождества и принципом исключённого третьего.

То есть: или это отец, или это дьявол.

Третьего варианта аристотелевская метафизика не допускает.

Гамлет ищет ответ строго по Аристотелю. А по Шекспиру оказывается, что это и отец, и дьявол одновременно, поскольку отец лишён своей воли и выполняет волю ада.

Книга IV «Метафизики» Аристотеля посвящена понятию сущности. В основе учения о сущности мыслителем положен закон тождества: не может вещь одновременно быть и не быть и не может быть собой и чем-то ещё в одном и том же отношении. Ну а его закон (или принцип) исключённого третьего — закон классической логики, который формулируется так: два противоречащих суждения не могут быть одновременно ложными.

Но Шекспир — не метафизик, а диалектик. В его философской системе всё не так, как учили Гамлета в Виттенбергском университете.

Аристотель утверждает: «Равным образом не может быть ничего промежуточного между двумя членами противоречия, а относительно чего-то одного необходимо что бы то ни было одно либо утверждать, либо отрицать» (Кн. IV, гл. 7).

Если перевести на язык диалектической триады, Аристотель говорит, что теза не может быть антитезой. Справедливо. Но это в застывшем, мёртвом мире. Действительность же текуча, подвержена триадным метаморфозам. Переформулируем сомнения принца: приходил отец или не отец (то есть дьявол). Принц ставит «Мышеловку» и получает неверный ответ: отец. Мы же получили шекспировский, синтезирующий ответ: и отец, и управляющий им дьявол.

На кронборгской эспланаде принц и правда встречает покойного отца, но отец заложник ада и под пыткой лишён собственной воли. А значит, и свободы выбора. При этом отец пытается обиняками объяснить сыну, что он здесь не по своему желанию, а потому сын не должен делать того, что отец от него потребует.

«ПРИЗРАК: ...Если бы не было мне запрещено рассказывать о тайнах моей темницы, я мог бы поведать повесть, легчайшее слово которой перевернуло бы твою душу, заморозило бы твою юную кровь, заставило бы твои глаза, подобно звёздам, выскочить из орбит; разделило бы твои причёсанные волосы и подняло бы каждый отдельный волос дыбом, подобно иглам сердитого дикобраза. Но разглашение того, что принадлежит вечности, не должно касаться ушей из плоти и крови...» (*Перевод М. М. Морозова*).

Принадлежащее вечности и запрещённое адом для разглашения среди живых людей «легчайшее слово» — имя Христа. И хотя принц восклицает тут «О боже!», это восклицание ничего не значит. Поскольку оно для ума, находящегося в плену голой рациональности — всего лишь междометие. Для принца существует лишь дьявол, а Бог — всего-навсего удобная интеллектуальная абстракция, мнимая оппозиция лишённого свободы выбора рационалистического эго.

Бог вступает в диалог со злодеем Клавдием, хотя тот этого не понимает и полагает, что разговаривает сам с собой. А вот Гамлету, несмотря на его зывания типа «О Боже!» и «О Небо!», Бог на словах сказать ничего не может. И говорит только через совесть принца. Она одна и способна удержать от мести. Но лишь до поры. В комнате матери Гамлет, думая, что за arrasским ковром прячется король, убивает Полония. Логическая ошибка Аристотеля становится спусковым крючком трагедии. Принц сел играть в шахматы с дьяволом, поставил «Мышелову» и сам в неё попался. (Эту гамлетовскую ошибку спустя два с половиной века совершит и Карл Маркс, который для своих дочерей придумает сказку о том, что с дьяволом играть можно, но надо у дьявола выигрывать. Собственно, «Капитал» Маркса — про то же.) Да и прочие младогегельянцы, объявившие, что в диалектической триаде каждый синтез становится новым тезисом (а не антитезисом, как в рекуррентных рядах!), и тем превратившие диалектику в метафизику, а эволюционное развитие в череду революционных катастроф.

Шекспир показывает, что «принцип исключённого третьего» в динамическом мире ошибочен.

«Гамлет» — шекспировское доказательство того, что окаменевшая в своих бинарных оппозициях аристотелевская «Метафизика» есть мёртвая схоластика, неприменимая в процессе постижения тайн сущего, ничего не дающая для понимания диалектических метаморфоз текучей и бурливой действительности.

Мне не встречалось указаний на то, что источник гамлетовского «Так быть или не быть...» — «Метафизика» Аристотеля. (Как и на то, что шекспировская пьеса не раз цитирует постулаты античного философа и оспаривает их.)

Но читаем: «Прежде всего, таким образом, ясно, что верно по крайней мере то, что слово „быть“ или слово „не быть“ обозначает нечто определённое, следовательно, не может что-либо [в одно и то же время] обстоять так и не так...» (Аристотель. Метафизика. Кн. IV, гл. 4).

С этим положением Аристотеля и не соглашается диалектик Шекспир, которому тесно в рамках классической (метафизической!) логики и бинарной оппозиции «исключённого третьего».

Суть закона Аристотеля в том, что не существует ничего, что было бы одновременно А и не А. Именно эта логика и приводит Гамлета к ложному выводу: поставив «Мышеловку» и убедившись, что призрак говорил правду (а значит, приходил именно отец, а не дьявол!), принц сам и попадает в мышелову закона исключённого третьего. Понять, что это был отец, но дьявол заставил его прийти и под пыткой лишил воли, принц не может. Он метафизик.

По той же причине традиционного бинарного восприятия действительности (если друг, то врагом быть не может) ни принц, ни человечество не разглядели в образе Горацио появления на исторической сцене новой породы людей, для которой не существует ни добра, ни зла, ни любви, ни ненависти, ни морального закона.

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ

Наталии Сивохиной

От Рылеева да от Радищева
Русское преданье приведёт
Пожалеть убогого и нищего,
То есть в результате весь народ.

Урождённым до эпохи глянца
Как-то стыдно забывать о том.
К Аввакуму веточка протянется,
Вспыхнув несгораемым кустом —

Тенью вертограда зацветая,
Новгородской вольностью святой —
Дальше — больше. Дальше запятая
Заменяет точку с запятой —

К Фёдору Степановичу Колычеву,
Тот, что был Филипп-митрополит,
Обличал, когда другие подличали,
И за то Малютою убит.

К старцам-нестяжателям заволжским,
Что ушли в скиты за Нилом Сорским.

Ефросиново помянем слово
Да икону инокa Рублёва
Умозреньем зоркому зрачку —
И — к Ходыне, к «Слову о полку...».

Бедами народными болели
Не на четверть дара, не на треть.
Лишь самих себя не пожалели.
Видно, позабыли пожалеть.

8 июня 2017

ОДНОМУ ИНТЕЛЛЕКТУАЛУ

Нет-нет, он свой пиар не проворонит!
Ишь, надывается от крика лента —
Интеллигенцию как класс хоронит
Тот, кто в себе убил интеллигента.

8 июня 2017

КАПИТАНША
ВАСИЛИСА ЕГОРОВНА

КОНСПЕКТ

Сергею Трояновскому

Под защитой бастионов,
Древоотцами точёных,
Капитан Иван Миронов
Дуется на подчинённых.

Сводом правил непреложных
Установлено зело:
Недержанье шпаги в ножнах —
Возмутительное зло.

Заварив такую кашу,
Не сварить гвардейской жжёнки.
Арестует капитанша
Ваши жалкие шпажонки,

Под прикрытьем чёрных брёвен
Потрудившись разобрать,
Кто был прав, а кто виновен,
Да обоих наказать.

Но, изменою нафабрен,
Через бёз году неделю
Сиганёт поручик Швабрин
В услуженье лиходею.

Бьётся на колу мочало.
Поднимается буран.
Дело худо. Крепость пала.
И повешен капитан.

Только заячий тулупчик,
Снятый вовремя с плеча,
Извлечёт тебя, голубчик,
Из объятий палача.

Исполать Гринёвой Маше,
Мудрой, как Мадам де Сталь!
И помянем капитаншу.
Вот кого и вправду жаль.

2017 — 17 августа 2023

ДВОРЯНСКИЙ СЫН

Когда ты вырос наконец
И начал брить усы,
«Дворянский сын
Гуляньем сыт», —
Напутствовал отец.

Поняв, к чему и почему —
Потом сообразил:
В тридцатых эдак и ему
Его отец твердил.

И прадеда фотопортрет
Со стенки глянул зорко.
Именья нет. Запасов нет.
Осталась поговорка.

10 июня 2017

ЗАРЕЧЬЕ, БАТОВО, ВЫРА

Сыну

Нет отклика в родимой стороне
Уехавшим, отставшим и отпавшим.
В Париже, впрочем, выпало и мне
Сойтись с соседом по былым именьям нашим.

Именья? Нет, именья не про нас.
А имена бывают и нетленны.
Когда в судьбу заложен провенанс,
Помогут и распавшиеся стены.

Над русской картой русское бла-бла:
— Черновы жили выше, у истоков...
— Так ваша Оредежь отсюда к нам текла? —
Переспросил меня Сергей Набоков.

10 июня 2017 — 23 сентября 2023

НАТАШЕ С ЛЮБШИ

Ливень брызнет молнии короче,
И дымком окрестных деревень
Наущением июньской ночи
Загрохочет белая сирень.
И на твой вопрос «А где нам лучше?»,
Взвесив тот сюжет не на авось,
Я отвечу: в Ладого, на Любше,
Там, откуда всё и повелось.

20 июня 2017

БЕЛОЙ НОЧЬЮ

Сергею Лунцу

Бледно-лиловый, но переходящий в сиреневый,
Ломкий такой, как свинцовых оконниц слюда,
Свет этой ночи скукожится фиброй шагреновой.
К августу не останется и следа.

Перетерпи, и сумеешь прочесть между строк
В ежеиюньской энциклике граду и Риму:
Белая, лунная эта, дарована впрок,
Чтоб перейти петроградскую чёрную зиму.

21 июня 2017 — 7 июля 2018

ОПЫТ ИСТОРИКА

(со слов Натана Эйдельмана)

В том заведеньи первая забота —
Колоть не абы как. Заведено,
Что прежде надо вычислить кого-то,
Кто в дружной сцепке слабое звено.

Примкнувший к юбке либерал сторонний,
Фразёр, позёр, самовлюблённый гений —
И каждый, кто чуть революционней
Своих недобровольных убеждений.

29 ноября 2017

ДВОРЫ МОЕГО ДЕТСТВА

Сиди, сиди, Яша, под ракитовым кустом...

Ботаны, самиздатовские книжники,
на пряталках, на «штандере», на «чижике»,
на «казаках-разбойниках» возрастали
да футбольянку во дворах гоняли.

На пустыре три корнера — и пёналь.
За трусость — подзатыльник или пендаль
(сиречь поджопник) — Яша, извини,
но больше так, пожалуйста, ни-ни.

А девочки — ну те ещё приятели! —
им не в войну, им всё бы в «дочки-матери»,
в «колечко» да в «секретики» играть.
И мы пока не можем их понять.

Позаросло окраинной осокою
И низкое, и самое высокое.
Двор тот же. Но хозяйева двора —
Автомобили, а не детвора.

Когда автомобили понаехали,
ребята со двора понауехали —
тот — в Новый Свет, та — в Старый, этот — в тот,
откуда куст ракитовый растёт.

10 июля — 30 ноября 2017

СТЕРВОЗА

Когда в начале 1970-х надумали взимать выкуп за «отъезжантов», Мария Васильевна Розанова организовала сбор средств в пользу искусствоведа Голомштока, друга уже сидящего Синявского. Появившись с первыми деньгами, она гордо объявила: «Мне двести грамм голомшточьего мяса!»

Всё-то дело её карасса —
От серьёзного до курьёзного:
Двести грамм голомшточьего мяса
Выкупает Мария Розанова.

Хулиганит не вскачь по фразам,
Но смакует свою хулу,
Примечая бесстыжим глазом,
Как стукач побледнел в углу.

И мужик её отмороженный,
Да за ней и ему не угнаться.
Потому и прозвали Стервозановой,
Что боится она бояться.

Нету спасу от той заразы.
Не поставить дуру на место.
Начинает с лилейной фразы,
Добивает посредством жеста.

14 июля 2017 — 23 сентября 2023

НА УХОД СВЕТЛАНЫ КАРМАЛИТЫ

Который раз опять в Конюшенной
Стою со свечкою потушенной.

Кто дед Пихто, кто Конь-в-Пальто,
Когда-то разберут историки.

Играем в русское лото.
Светлане выпали «топорики».

7 июля 2017

МАЙ В ПРИШКОЛЬНОМ САДУ

Александрю Васюткову

А из впечатлений самых важных —
Те девчонки в платьишках бумажных.

«Классики» мелком нарисовав,
Находили в классике опору,
Прыгали по веку-косогору,
Левую, свободную, поджав.

По весне, когда тот сад сажали,
Был прикопан людоед усатый —
И за десять вёсен доскакали
Все от первой клетки до десятой.

Выпорхнули птицею из клетки.
Угнездились на соседней ветке.
И сбылось по-русски, на авось,
В целом даже больше, чем сбылось.

Перевоплотились в новых детях
И прошли в рыданиях бесслёзных
Через строй пришкольных яблонь этих
В известковых гольфах варикозных.

22 июля — 30 октября 2017

ЮНГА В ГАЛЕРНОЙ ГАВАНИ

Тихону и Филиппу Хардиковым

Железный век — ярмом на вые,
Но наполняют паруса
Державинские раздвижные
Трёхпалубные небеса.

Душа, волною закипая,
Не хочет жребия иного,
И от Кронштадта до Китая
Ей ближе, чем до Бологого.

Неискушённая сомненьем,
Она во всю мальчишью прыть
Впадает в море льдом весенним.
Что за вопрос — куда ж нам плыть?

19 сентября — 29 декабря 2017

ФИЛОСОФ ПАКЛИХИН

Восклицал доцент Паклихин:
— Бог есть?.. Бога нет. Следовательно... —
А я прогуливал то в Опалихе, то на Палихе.
И чем конопатит Паклихин — было мне фиолетово.
Он, конечно, видел, что его не слушают.
Пакля не котировалась в Литинституте.
Распишется в зачётке — и обиду скушает.
Мы же хотели сами дойти до сути.
А потом была перестройка. И путч. И философ Паклихин
ударился в религию. Ушёл из Литинститута.
Читал культурологию в частном колледже где-то в Выхине.
И я слышал, будто
читал он истово, излагал последовательно,
отстукивая морзянку по краешку стола,
восклицал: — Бога нет?.. Бог есть! Следовательно... —
Мне говорили, жена у него умерла.

25 января 2015 — 29 ноября 2017

* * *

Когда спустили водоём
И поутихла перебранка,
Узнали, что светилась в нём
Одна консервная жестянка.

Не золотая рыбка, нет.
Обрезки вторматериала.
И доказали: чуда нет.
И не было. И не бывало.

А рыбка рыжим плавником
Ушла в пробитую запруду.
Охота ль знаться с дураком,
Когда дурак не верит чуду?

Середина 1980-х — лето 2017

АБОНЕНТ НЕДОСТУПЕН

Было, да былием поросло.

Поговорка

Было, да былием поросло —
Мартовскою ледяною былинкой.
В мёртвом айфоне застрянет «алло!»,
Сколько ни окликай, как ни кликай.

Прошлое тут. Лишь накатит тоска,
Скрутит, растопчет в мучительном раже, —
Время покрутит перстом у виска:
— Что же ты, брат, не опомнился раньше?

22 марта 2018

ДЕИСУС

А на въезде в подворотню Вечности
как две колёсоотбойных тумбы
крепче гранита стояли Иоанн и Мария

Когда сонный возница
не вписывался в створ подворотни
обод накатывал на колёсоотбойник
и отпрянув от стенки
пролётка вползала на станцию

Вы это всерьёз Булат Шалвович
что в Москве больше нету извозчиков
да и с пролётками мы пролетели?

8 апреля 2018

ЧУЖОЙ СОН

Мариш Виролайнен

Знаю, знаю: рвётся там, где тонко,
Но досматриваю сон не свой:
Замшевые ноздри жеребёнка
Теребят траву на мостовой.

Не перевернуться с боку на бок —
Где ты видел в городе траву?
Разве кто-то из твоих прабабок
Наблюдал такое наяву.

Тайным тем припоминаньем детским
Душу пересохшую взъерошить
На углу Владимирского с Невским,
Где впрягают в конку третью лошадь.

28 апреля — 24 июля 2018

* * *

Сколько эту горечь ни заглаживай,
Как ни забывай её в былом, —
На закате чайкою оранжевой
Осенит бестрепетным крылом.
Чем ты далее, тем виноватее,
Если чуда не произошло,
Но ведь и запомнить без изъятия
Жизнь свою — не многим повезло.

24 июня 2018

ДЕКАБРИСТ

Белеет парус одинокий...

Александр Бестужев-Марлинский

Ему шинелишка — шлафроком!
В пейзаже черноморских кружев
Глядит окрест весёлым оком
Вчерашний каторжник Бестужев.

Легла тузом бубновым карта,
И аквавит допит до донца,
Зато периной — тень граната,
Успокоеньем — выстрел горца.

Прости, имперская столица!
Он обведёт тебя и тут:
Шагнёт в туман — и растворится
Так, что и тела не найдут.

В последний раз над пеной понта
Понтировали, жизнь итожа...
А ту строку продолжит кто-то,
Кто и трезвее, и моложе.

21 марта — 30 июля 2018

НА СМОЛЕНСКОМ

Половодьями ультрамарина
Ночи всё прозрачней, всё ясней.
Белой пеной мается рябина.
В Петербурге так не только с ней.
Белой ночью так не только с нею
Здесь, на ломкой кромке бытия,
Ежели весна — весны веснее
И не отболела боль твоя.

23 мая 2019

* * *

*Был нитью в Господней игле.
Не знаю, что выткано мною...*

Андрей Рыбаков

Где конец и в чём начало
В тех мирах, где мы живём
В виде куколки сначала,
В виде бабочки потом?

В этом первом, вздорном мире
Что такое жизнь моя?
Лишь один стежок цифири
По изнанке бытия.

10 августа 2019

КРЫСОЛОВ

Евгению Сидорову

А из-под черепичных кровель,
Из тайных недр клоачных сфер,
Нет-нет да выползали Кромвель
И друг Марата — Робеспьер.
Шмыгнув во власть аррасской крысой,
Уверенно и невозбранно
Очередной диктатор лысый
Сменял косматого тирана.
(Но это в скобках, это — к слову...
Недаром люди говорят,
Мол, Гамельнскому крысолову
Остался должен магистрат.)
Мы верили: всё обойдётся.
Всё обойдётся, чёрт возьми!
Хоть знали: дудочник вернётся.
Ещё вернётся — за детьми.

30 августа 2020

ИГРА В СЕКРЕТИКИ

Льву Тимофееву

На пустыре, где у костра калеки
Всё ждали, ждали третьего кого-то,
Оранжевел стежок одноколейки,
Нырря под железные ворота.

Порой там что-то ухало, гудело.
А то весь день безмолвие стояло.
Воображенье многое умело —
Из тайны чуда сооужало.

И чудеса воображались нами
Здесь, у ворот военного завода,
Какие открывались лишь ночами
Раз в год, ну в крайнем случае — в полгода.

Что пряталось от глаз в глубинах этих,
Не спрашивай. Страна, что нам досталась,
Как девочка, зарывшая «секретик»,
До слёз на подгляделки обижалась.

30 июля 2020

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Н. Вв.

Самая пустая тайна — смерть.
Самая простая тайна — Бог.
А строке пристало жить и впредь,
Истаскав полдюжины эпох.

Если только уголёк в золе
Жив-живёхонек и душу жжёт —
Странник въедет в город на осле
И тебя окликнет у ворот.

14 июня 2020

ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

Небеса западали на запад,
А столетье ползло на восток,
И над Первопрестольною затхлый
Сладковатый курился дымок.

Пахло праздником — смертной тоскою
Вкупе с «Герцеговиною Флор»,
Допотопною «Красной Москвою»,
Упакованной в триколор.

Вон на фоне Успенского храма
Долгожданным парадом-алле
Шаг державный чеканит охрана
В осаждённом проказой Кремле.

Стать отменна и поступь героиска.
Теледиктор срывается в крик.
Прохожденьем потешного войска
Тешит мёртвую душу старик.

10 мая 2020

ПОДПАСОК С ОГУРЦОМ

Михаилу Яснову

I

*Я работаю, как вельможа,
Я работаю только лёжа.*

Николай Анциферов

Во временах и в самом деле оных —
До мыльных опер — расслабухи для
Досуг трансляций телевизионных
Затягивал, как смертная петля.

Мозги промыть — не тело вымыть в бане.
На красоту хоть в линзу поглядим
На чёрно-белом — в крапинку — экране,
Который назывался голубым.

Здесь невсамделишная жизнь кипела,
Как есть доступная и вся, и всем,
И балерина выгибала тело,
И Брумель прыгал на́ два двадцать семь,

Здесь, как вельможа, вкалывая лёжа,
Рубил забойщик знатный уголёк
(Но что ни день — одна и та же рожа
Да кукуруза вдоль и поперёк),

И не еврей, ни разу не татарин,
Простой парнишка, вышедший в астрал,
Не встретив Бога в космосе, Гагарин
Улыбкой континенты покорял.

II

Тут кто о чём, а я опять о личном:
В семидесятых, перед их концом,
Крутили фильм с названием необычным,
Двусмысленным, — «Подпасок с огурцом».

Он начинался до программы «Время»,
Но времени тому шёл не во вред,
Поскольку в то немыслимое время
В Союзе секса не было. Был — Фрейд.

Тогда ещё не выбились в герои
Напёрсточники и цеховики,
А если где-то-кое-кто-у-нас-порою,
То их за шкирку брали Знатоки.

На рубеже эпохи мыльных опер,
Покудова не перевёрнут лист,
Пал Палыч Знаменский, смешливый Шурик-опер
И Зиночка Кибрит, криминалист,

Дадут отпор контрабандисту Фиме,
И негодяй раскается в суде...
Но только речь, конечно, не о фильме,
А просто вспомнился тот город, где

Ни бабок, православных комсомолок,
Ни дядек-олигархов из гебни
В стране пустых небес и голых полок...
(Ты ждал про голых тёлочек?.. Извини!)

...Казалось бы — подумаешь, картина! —
«Подпасок с огурцом» — фигня, мазня.
Но почему-то старого кретина
Спустя полвека торкнуло меня.

Журчит, мурлыча, муровская сказка,
И в Шереметьеве на блокпосте
В рентгеновских лучах из-под подпаса
Эль Греко проступает на холсте.

Во времени таком полубылинном
Неотвратимой силою вещей
Вело к иным причинам и кручинам
То следствие из жизни овощей.

Мы, люди, — слепок с предрассудков века,
Но может, если с каждого из нас
Подпаса смыть, проявится Эль Греко,
Проступят Аршакуни и Лабас.

1 мая 2018 — 15 ноября 2020

БАБЬЕ ЛЕТО — 2020

Лилии Шевцовой

На чёрный день припасена
Лесов осенних седина.
Но не седая, а цветная:
То рыжая, то золотая.

А если иней этих крон
Уныньем не посеребрён,
То в том и радостная нота,
Как в предвкушении полёта.

23 сентября

ДЕНЬ ДОЖДЕНИЯ

Памяти Михаила Яснова

«Инспектор по утратам» —
покоцанная табличка
на дальней двери паспортного стола
(в тупик, налево по коридору).

Когда я сообщил об этом Мишке,
он просиял:

«Классная эпитафия переводчикам стихов!»
И после добавил: «Перевод — искусство утрат».

Под зимним дождиком
я поздравил друга с днём дождения,
и мы посмеялись:
на календаре было 8 января,
день его аиста.

«Когда к тебе придёт Михаил Стихатель?» —
спросил шестилетний Тишка.

Сразу, как дождусь своего дня дожденья.

9 ноября 2020 — 26 марта 2021

NB. Лирические стихи Михаила Яснова см. в электронной библиотеке «ImWerden»: <http://imwerden.de/publ-10837>

ПОСЛЕДНЯЯ ШУТКА ШЕКСПИРА

Лауре Пицхелаури

Над «второй по достоинству» кроватью,
завещанной жене и смутившей нотариуса,
ломают копыя академики и аматёры.
И одни полагают, что этот Билл супругу не любил,
а другие, что он и Шекспиром-то не был.

Аматёры и академики
позабыли в пылу полемики
в «Гамлете» перечитати
о первой по достоинству кровати.

Спасибо эльсинорскому могильщику,
открывшему театральной публике,
кто строит крепче корабельщика, плотника и каменщика
и чьи дома достоят до Страшного суда.
Люди не любят думать.
Тем более дважды. И тем паче о печальном.
А насмешки над смертью полагают неуместной вольностью.

25 октября 2021 — 25 октября 2022

ВИЛЬГЕЛЬМ ОРАНСКИЙ

Павлу Кудюкину

Вновь на остывшем пепле ни кровинки.
Перетерпи. За пазуху засунь.
Нюрнбергский медальер Ганс Краувинкель
Переведёт с латыни на латунь.

Под штихелем сюжет проступит зримо.
В нём всё всамделишнее, всё всерьёз:
Фригийским колпаком эпохи Рима
Шапо свободы нахлобучит гёз.

И тень казнённого единове́рца
Колотит в сердце посохом сухим,
И потому болит ночами сердце,
Никак в ночи не сговорится с ним.

Но той мечтой мы надышались всласть:
«Свобода — золото. Она — узда на власть».

21 октября 2021 — 1 ноября 2022

СТАРИК

Спросил меня:

«Сколько вам лет?»

Говорю: «Двадцать пять».

«Это хорошо, но надо спешить.

Времени мало. До ста не доживёте.

В вашем поколении...» Тут-то я и встрял,
мол, поколение — не пласт культурного слоя,
это зигзаг молнии! Но старик согласился: «Да!..
Маяковский сказал перед тем, как случилась беда...»

.....

Что сказал В. В. Маяковский В. Б. Шкловскому,

то ли я не дослушал, то ли недослышал:

так близко оно хлестнуло —

как языком слизнуло.

11 марта — 3 июня 2022

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ. 1991

Пока астролог Тихо Браге
Досматривал посмертный сон,
Пока о крейсере «Варяге»
Пел в телевизоре Кобзон,

Пока по свитку стылых литер,
Морозным пламенем горя,
Катил карбункулом Юпитер
Посередине сентября,

Пока небесная механика
Крушила строй подлунных сфер,
Пока в кильватере «Титаника»
Шёл к гибели СССР

И прежних идолов сносили
Освобождённые низы, —
Лишь чудики из демшизы
Пророчили распад России.

18–25 сентября 2022

УРОКИ АЛЕКСАНДРА АРОНОВА

В поединке формы с содержанием
Простота опасней воровства:
«Дурно пахнут мёртвые слова»,
Если смысл известен нам заранее.

И как полководец, взятый в клещи,
Понимаешь: некого корить.
В лирике запрещены две вещи —
Лгать и всеу правду говорить.

Подражание — привычка девичья,
И пора бы раздружиться с ней.
Сделать проще, чем квадрат Малевича, —
Это вот и есть всего трудней.

27 мая 2020 — 27 мая 2022

NB. Книжка стихов Александра Аронова «Обычный текст» доступна в электронной библиотеке «ImWerden»: <http://imwerden.de/publ-4199>

КАРАМОРА

из римского быта

Юрию Самодурову

Над столешницей из мрамора
в доме кесаря-насильника
долгоногая карáмора
вьёт круги вокруг светильника.

Та, чьи крылья в лунном свете
отливают серебром,
та, которую кличут дети
малярный комаром.

А она и не пытается
обуздать безумие танца,
и не кровью — нектаром питается,
если выпадет ей питаться.

Бюсты лаврами зацелованы.
Срам прошит золотыми нитями.
Стены густо размалёваны
непотребными соитьями.

Но сюжет похабной фрески
безразличен танцовщице —
в пурпур шёлковой завески
легкокрылая струится...

Там, где медными правит орлами
легион имперских обид,
подпалит завесу крылами —
полог вспыхнет — и Рим сгорит.

31 января 2015 — 9 сентября 2023

ГРИФЕЛЬНАЯ ОДА ДЕРЖАВИНА

Опыт реконструкции недописанного
стихотворения

*Река времён в своём стремленье
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остаётся
Через звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрётся
И общей не уйдёт судьбы.*

Блажен, кто поперёк потока
Одoleвал стремнины рек,
Главы не гнул по воле рока,
А душу Вечности обрек.

<6 июля 1816>

НВ. Восемь строк этого стихотворения Державин записал на грифельной доске за три дня до смерти. Судя по акростиху, стихотворение не закончено. Мне представляется, что в нём отсутствует последнее четверостишие. Восстанавливаю аркростих: «РУИНА ЧТИ БОГА» и дописываю четыре строки.

Параллели: «Люби ты ближнего, чти Бога...» (А. П. Сумароков. Ода государю цесаревичу Павлу Петровичу в день его тезоименитства июня 29 числа 1771 года.); «Чти Бога и не спорь с глупцом» (Пушкин. «Альбом Онегина»).

VII

ОСТРОВ НА ПРИБРЕЖЬИ

ДОЛГАЯ ПОВЕСТЬ

тошно так —

Пушкин. Проба пера.

Тетрадь ПД 838, лист 75

(по жандармской пагинации)

I

А чтобы не забыть — поверх могилы
стихи про голодаевский бордель
и фельдшера вульгарная латынь —
рецепт от гонореи. Будто знал,
что будут рыть в бумагах, а ещё
пошлют на экспертизу. Академик,
латыш, светило красной медицины,

- даст заключение, де не устарел,
но доза не прописана. Засим
- 10 ему провизор выставит брезгливо
копайского бальзама, алкоголя
в растворе померанцевой воды:
ноль-три, ноль-пять, ноль-девяносто пять —
глотать, поскольку стыдно запускать.
Болезнь не стыдно — запускать нельзя.
Сначала станут уставать друзья:
ну что, нашёл? И с видом идиота:
ага. А что? Лекарство от болезни.
А кости? кости?.. Я копал архивы.
- 20 Потом забор некрашенный, две ивы
и ветхий домик... А ещё сличить
с другой страницей тот же самый профиль
скалы на берегу варяжских волн,
вертлявый чёлн... Нас тоже было много,
не меньше, чем на площади у них,
а что осталось? Этот в референты,
тот за бугор (ни жизни, ни легенды),
а я в архив, и двери на запор.
Итак, — Россия. Лета. Литорея.
- 30 Зачем за шторкой синий Мандельштам
косит на Вересаева? Бодрее
карабкаемся к самой кромке, там,
где образец, одушевлённый в школе,
расстрижен ради красного словца,
и в ржавых пятнах проступившей соли
на фраке, на кирасе, на камзоле
чуть золотится прошлого пыльца.

Что стоит Гений в жизни?.. Три червонца.
А в супере?.. Придётся поискать
40 в книгообмене... А нельзя ль занять
того знакомого вашего, японца?..
В торгсине? Неудобно, н-да... А в лавке
у Киры Викторовны? Нох айн маль!..
Там есть две-три купированных главки...
А если ксерокс?.. Жаль. Чертовски жаль.
Что стоит смерть? Сначала просто дата
падения Бастилии, но год
родной, сибирский. Слово ренегата
грассирует, срываясь запятой,
50 а разберёшь по петлям, вроде *Gonar*...
Какой там гонор! Сунутся в тетрадь
и крикнут. (Дубельт скажет: и крестьянки
любить умеют? Модные проказы
на лоне?..) И для верности — рецепт
на, вот возьми! Что, репка? А потомство,
потомство разберёт.

Не приведи
сойтись накоротке с черновиком
его болезни. Если гений — норма,
60 он перебрал её в 26-м,
стращали вырезвилкой, психушкой,
потом похмелье — плаха — пистолет —
топор — Андрей Шенье — нож гильотины —
тесак армейский — дырка — ключ от дверцы
его покоя. Не спирт в припадке
медитативном, он не приручал
потустороннего, но как Евгений

(не этот — тот!) казался неуместным,
шёл площадью и руку прижимал...
70 А мы другие...

II

Впрочем, вот сюжет:
три брата, греки, видимо, торговцы,
островитяне... Только мочи нет —
их режут и стригут (они ж не овцы!),
и вдруг эскадра — рыжий граф Орлов
витийствует под флагом Византии...
Подумали да наломали дров,
когда в султана брандер запустили.
И тых, и пли!.. Но русские ушли,
80 а турки тут. Тут братья приуныли,
потом оставшиеся корабли
оставшимся товаром загрузили
и вслед за ветром тоже проползли
в пролив, а там без пушек, как без визы,
вот и отдали всё, что снять могли, —
с плеча кафтан, а с чудотворной — ризы...
...Прошли! И Афанасий, старший брат
из братьев Гонаропуло, царице
сумел всучить чувствительный доклад
90 об иммиграции из-за границы.
Затем назначен чем-то при дворе,
поскольку был внушительный мужчина
(кто оценил бы это при Петре?),
и вот — помимо звания и чина! —
взамен отеческого островка

пожалован (да подавитесь, турки!)
таким же точно, только в Петербурге,
близ Голодая, где Нева-река.

III

У взморья на побережьи Голодая
100 стоял почти артиллерийский гул,
когда в волнах балтийских пропадая,
один чиновник чуть не утонул.
...А получилось глупо: утро было
безоблачным, молочная река,
казалось, не текла, а лишь скользила
наперекор теченью ветерка,
зато лучи слоились торопливо
да отраженья шпилей и крестов
стекали вплоть до самого залива,
110 размножены устоями мостов.
И даже ангел был как настоящий:
он разомкнул хрустальный этот ларь
и в плоской глубине зажѣг дрожащий,
волшебный, но вполне цветной фонарь,
навевший Венецию иль Ниццу
тому, кто погостил и в тех гостях,
покуда изучали мы таблицу
погоды в «Биржевых ведомостях».
В июле восемьсот двадцать седьмого
120 отменно сухо и весьма тепло...
Вот-вот пойдут пожары... Бестолково
российское устройство, всё хреново,
а и с погодою не повезло.

Отложим раздражённое стило...
Алло... Да, я вас слушаю... Алло...
...кто говорит? ...какому очевидцу?

IV

А мне опять на квас и чечевицу,
когда бы он и вовсе там утоп?
Им, коли не по ним, — так в заграницу.
130 А то за саблю — да и пулю в лоб.
А нам нельзя. И барин-то не строгий,
туда, мол, я один, а ты бери
извозчика да по кружной дороге
приедь за мной и лодку забери.
Мол, знаешь ли, где Греческая мыза
за кладбищем?.. Мы здешние... Ну, слазь.
...и кто же ожидал того сюрприза?
После полудня буря поднялась.
А там коса, совсем гнилое место:
140 канатка, бойня, ямы для скота,
и берег там у берега, как тесто —
бонжур из-под коровьего хвоста.
А без привычки, в бурю да на лодке —
накроет, как гранатой, — и готов,
когда не знать подхода — посередке
протоки у избушки рыбаков.
Бегом до тех горбатых гоноропул —
приметил свой притопленный челнок —
перекрестился, ну и — шапку об пол...
150 Кричу с порога: — Ты живой, сынок?
А он: — И я бы мог, и я бы мог...

Зачем они стояли в декабре,
как мальчишки пылая и робея?
Зачем тогда построились в каре
вокруг Петра? Была ли в том идея
восстания? Повстанец-молодец
идёт на площадь, чтоб ввязаться в драку,
и прёт на приступ: крепость ли, дворец —
ему какая разница? — в атаку!

160 Стояли час. И два. И три. И пять.
Прошли сквозь Зимний и сейчас отдали.
Ещё не поздно было начинать
révolution. А всё-таки стояли
напротив оробевшего врага —
чего стоят? — почти на самой кромке
разумного. Калёная пурга
лизала плоским пламенем позёмки
их сапоги. При чём тут Трубецкой?
При чём тут сколько? Много или мало, —

170 каре не атакует. Это строй
для обороны. Пуля в генерала —
ещё не довод. Присягнул Сенат,
и поздно, поздно... Экая дешёвка
палить в своих, когда стоит парад
свободы или, скажем, забастовка
военных. Так в 20-м, в октябре —
семёновцы... А если длить примеры,
ещё при Алексее и Петре
в своих скитах стояли староверы.

180 Горели, но стояли. И металл

крестов нательных прожигал скрижали.
Так Гефсиманский Праведник стоял,
когда легионеры набежали.

VI

Прибрежье. Опрокинутая лодка.
Прошедшей бури грязное бельё.
О чём он думал? Отчего неловко
За гения домысливать своё
и возводить под крышу комментарий,
в котором всё расчислено стократ
190 (а наши сны — сухие, как гербарий,
на общее посмешище торчат).
Ни дождика, ни вольного волнения
на глянцевых полях «Временника»...
А может, нас страшит сопоставление
с той высотой, что слишком высока?
Считать колючки на венце терновом, —
скажи, зачем? А то, войдя в права,
уже остепенённым пустословом
открыть, что Пушкин — это голова...
200 Себя он строил — новый Долгорукий —
по плану. А ещё стихи писал.
...неужто меж истерикой и скукой
пройдём, как между тех античных скал?

VII

15-го утром (что ж так душно?)
записка Соболевскому. Ответь,

где слов занять, когда утешить нужно?
Мать умерла у друга. Смерть как смерть,
обычная... Письмо не получилось,
а почта в полдень, надобно поспеть,
210 Серёжка плох — то ангелы, то черти
ему поют. Чертей, как есть в конверте,
куда им и положено — в огонь.
...Потом к Сенату, где петровский конь
грызёт позеленевшую уздечку,
напружился и замер: шпорой тронь —
как заводной махнёт и через речку
и — по прямой — до взморья, до скалы,
где пеший Пётр в безумном озареньи
увидел город свой, где пенились валы
220 и чей-то чёлн изнемогал в бореньи.
Но стыдно пересказывать стихи,
стихами же — тем более негоже:
из краденой метафоры ухи
не наварить — оно себе дороже.
Оглянемся на площадь: вот Сенат,
он был тогда над крышею украшен
Весами Правосудья. Говорят,
когда на зорьке высыпали наши,
кто был порасторопней, из низов,
230 сюда для обозрения взобрался,
и после залпа с этих вот весов
свисало человеческое мясо.
Левее — царь на финском валуне,
Исаакий монументом долгострою
(поскольку прежний был на пливуне
да так и развалился сам собою).

Ладьёй на фланге знаменитый дом
Лобанова. А там свободным полем
опять на площадь. И возмём конём.
240 Он по прямой не может, а глаголем
бьёт даже крепость. Шах. И снова шах.
И не указ плешивый и усатый
простывшему на этих площадях,
под сквер задрапированных цитатой.
Ему-то что? Знакомые места.
А площадь даже чересчур знакома,
и там, где никакого нет моста,
пойдёт себе до Пушкинского Дома,
решившийся, пересечёт черту,
250 и отряхнёт летейское томленьё,
и с мужиком столкнется в порту,
и поплывёт в известном направлении
под всполохи негаданной грозы,
пробормотавшей орудийным басом
о том, что бутафорские весы
вновь загрузили человечьим мясом.

VIII

16-го дождь не затихал
до темноты. Взамен прогулки — прочерк.
Зато он прямо с ходу записал
260 стихотворение в пятнадцать строчек.
Кто заглянул в его черновики
и в буреломе правки чертыхался,
признается: легенде вопреки
он лёгкостью пера не отличался.

Но потому-то гений и велик
и в том его отличие от таланта,
что лезет к абсолюту напрямик,
не соблазнясь полушкой варианта.
Каким бы гладким ни казался он,
270 каким бы ни был крепким или броским, —
как будто формулирует закон,
открытый для полёта Циолковским.
А что? Видать, от века такова
нехитрая, но тайная наука
в строке аккумулировать слова
посредством чувства и посредством звука.
Ступень сгорает — вот и черновик.
А варианты множат ускоренье.
...он попытался править, в этот миг
280 едва не загубив стихотворенья
весьма простого. Вот и у Шенье
в элегии почти что и об этом:
одна компания в одном челне
плывёт, увлечена одним сюжетом,
вдруг — вихрь, все гибнут, воет Аквилон
(всегдашняя реакция на бурю),
и только тот, кто спереди, — спасён,
расхлёбывает не тюрьму, а тюрю,
и, разведя толи́кою слезы,
290 он примеряет впрок венец вилюйский,
поскольку обручились две грозы
одним кольцом — декабрьская с июльской.
...кто был повешен — утонуть не мог.
А он бы мог. Вчера хотя бы. Впрочем,
не утонул, и, может статья, срок

повешенья не минул, но отсрочен?
А строчки... Хорошо бы их в печать
под звёздочкой сигнальной анонима
да поглупей название сыскать
300 и мимо Сциллы и Харибды мимо —
в набор. Но совпаденье каково!
Оскаленный утёс, именье грека,
ещё дельфин... Откуда?.. Как его,
того поэта из VI века?
...корабль захвачен варварами, он
на берег вынесен разумным зверем...
Ещё звезда такая... О-рион?
а может — А...? Ну, в словаре проверим.

IX

Пиши да выраженья выбирай.
310 Мы не чета французам или туркам,
Ich bin — сама народность...
Николай
был, подражая бабке, драматургом.
Перебираясь в Царское Село,
на лоне незначительной природы
он громоздил завистникам назло
почти державинские обороты.
Он в людях понимал и в лошадях,
Но где тот зал на сорок миллионов?
320 И он играл на римских площадях
за неименьем римских стадионов.
И, распушив гвардейские усы
и домиком остзейским сдвинув бровки,

он сочинял (порой не без слезы)
что? — всенародные инсценировки.
На среду: взять от каждого полку
по взводу их да по две роты наших —
в одно каре (он был педант!) — к носку
носок — и на колено. В память павших
330 читать на литургии литию
по убиенным за царя и веру —
уж если ограничился пятью,
блуди себя. Придраться к офицеру,
четвёртого в шеренге наградить,
а, впрочем, лучше третьего. Тогда же
митрополиту площадь окропить,
императрице ехать в экипаже —
клин клином — возле статуи Петра
орудья с передков и непременно
340 всем строем троекратное ура
кричать в честь избавления от плена
крамолы бунта. А на вторник то,
что будет посильней, чем все премьеры,
все ваши бенефисы... жаль, никто
его там не увидит... для примера,
конечно бы, не худо наблюдать
и самому, но это неудобно:
у нас под пётлей любят оскорблять.
С них станется. Он расписал подробно,
350 куда, кому, и вслед за кем, и как,
и как прибить табличку с именами,
но тут Сперанский влез: нельзя никак
табличку! Почему же? В каждом храме
такая... Ну и что?.. Ах да, Пилат...

Гляди, куда каналья намекает.
Чуть увлечёшься — каждый попрекает.
Тем лучше. Пусть инкогнито висят.

Х

Что значит жизнь, когда отворена
и хлещет на булыжник, как из жерла?
360 Какая там заря, когда цена
за поражение — даже и не жертва,
а только унижение. При всей
возвышенности цели в перекрёстных
допросах выгораживать друзей
и выдавать других... И старцев постных
просить о снисхождении, потом
сознаться в преступлениях, в которых
ни сном ни духом, но стоять на том
и утверждаться в самооговорах.
370 А тот: не ведаю... не говорил...
не вовлекал... Мальчишки, аматёры,
они сойдут, но, если хватит сил,
сойдутся бородаты и матёры.
Один опять возьмёт под козырёк,
а тот ему в ответ земным поклоном...
За что? За то, что в Общество вовлёл
и этим спас, когда я был зелёным
юнцом... И вероятно, не у них
нам спрашивать, в чём всё-таки причина,
380 что минет век, и посреди живых
такая заведётся бесовщина,
такие типы... Что там Николай?

Дурак в России должен быть имперцем.
Умоемся кровищей через край.
И оботрём кровавым полотенцем.

XI

Но это после. А в 28-м
в кругу друзей поэт предал огласке
забавную историю о том,
как ездил чёрт в извозчичьей коляске.
390 Московский литератор В. Титов,
приятельских не преступая правил,
её списал для «Северных цветов»,
а он благословил, но стиль поправил.
И мы введём в четырёхстопный стих
(фраппируя переводною позой)
то, что однажды у Карамзиных
поэт поведал нарочитой прозой:

XII

Кому случается гулять кругом Васильевского острова,
в пути не мог не наблюдать противоречия серьёзного
400 меж южной стороной и той, которая нетерпеливо
вдаётся длинной косой в дремотные ряды залива.
По мере приближенья к ней узор украшенных камней
редееет. Пышные строенья сменились хижинами. Но
и те отстали. В отдалении едва проставлено пятно зелёной
рощи, а вокруг лишь пустыри да огороды и топкий, как
болото, луг сползает в пасмурные воды. В уединеньи
одичалом последнего из всех домов меж возвышением

и валом волнуется заплывший ров. Что в нём? Репейник
да крапива. И летом невесёлый вид. Но ещё более тоскливо,
410 когда зима преобразит всё взморье. И ледок озноба,
и ров, и домик над скалой — укрыты саваном сугроба
и скованы могильной мглой.

ХІІІ

Могильной мглой?..

Моги...

Что здесь теперь?

А ничего — промышленная зона.
Флотатора задраенная дверь,
избыток фона — дефицит озона.
Чуть сбоку — не гляди, что неказист,
420 раскинулся величественно-просто
краснокирпичный комбинат «Марксист»,
шорнокожевенное производство.
И, полно-те! — какая там скала,
какой там грек (ещё скажите — эллин!),
чудны твои, о Господи, дела:
где утонул челнок — вознёсся эллинг,
сиречь судостроительный сарай —
вот славного сближения образчик,
сравненье, как его ни подбирай,
430 а на поверку — заурядный ящик.
И тут не то что Пушкину — куда! —
Ахматовой пейзажа не узнать бы.
Прошли года и выдохлась беда.
Осталась скука да кошачьи свадьбы.
Да вот ещё: клочками пустыри —

разбухшая береговая кромка,
кирпич-железо-щебень — метра три
культурный слой культурного потомка.

XIV

Конечно, император не Пилат.
440 Вот так и выдать мёртвые тела
для погребенья родственникам? — дудки!
Невольник доли, в чём-то либерал,
он всё-таки пока в своём рассудке.
Он помнит: подпоручишко, щенок,
затеет с флигель-адъютантом драться,
под пулю сунет жиденский висок —
и поделом! — ещё при жизни братца
такое было, ну а что потом?
450 Потом они потребуют собраться
на кладбище. Четыреста одних
карет. Переверни — и баррикада,
за гробом как-никак проходит цвет
крамолы... Нет, нам этого не надо.
Венки да речи, слёзы да стишки,
клянёмся честью, мол, и всё такое —
на, выкуси! — всех пятерых в мешки
да в извести поблизости с рекою —
и заровнять.

...Ну кто виновен, кто
460 знал, что в срок откроется и это,
когда войдёт в расстрелянном пальто
немая тень беспечного поэта
и позовёт.

И потому она,
вдова, гадая, где его могила,
в его вину поверила сполна,
не к жертве, а к герою приходила,
и где другая у немой черты
цветы сажала, место примечая,
470 она рвала прибрежные цветы
и шла сквозь город в гроздьях иван-чая.
Вы с рынка, Анандревна? Ваш букет,
он вам к лицу, заметим по старинке, —
опять-таки поклонники?.. Ах, нет,
мы промахнулись — всё-таки на рынке?
На берегу пустынных волн. И тут
как громом: говорил тебе когда-то,
гляди — во глубине сибирских руд —
по интонации самоцитата.
480 Кто это, муж? А может, Мандельштам?
Гляди, гляди, аукается славно:
на бе-ре-гу пу-стын-ных волн — а там
во глу-би-не си-бир-ских руд?.. Забавно,
к чему бы вдруг? И поздно, как во сне,
увидеть всё... О Господи, как просто:
на берегу, потом во глубине,
и тоже без креста и вне погоста.
Так, значит, то и это — это здесь.
И как ни холодно, как ни постыло,
490 а всё-таки придётся впредь и днесь...
И выжить, и сказать, что это было.
Ей в ад сойти — привычно, как в метро.
Облаяли? Такую не облаешь.
Перо не шпага — потому перо
над головой — захочешь — не сломаешь.

Когда бы мы затеяли роман,
здесь, непременно звонко брызнув шпорой,
явился б лейб-драгунский капитан,
тот самый Гонаропуло, который
500 в который раз мелькает за дверьми:
чего же тянет автор, чёрт возьми!
Да-да, войдите. Почему бы нет?
Спешат слова на строчку нанизаться,
вплетя в беллетристический сюжет
живой портрет парадного мерзавца.
Что значит служба? Служба есть талант
поймать приказ да обернуться быстро.
Он был талантлив, этот адъютант
Татищева, военного министра.
510 Шестёрка, но козы́рная... Дружок,
вели спасать Российскую державу:
тут приготовят с мясом пирожок,
а кушать полицмейстеру Дершау.
По мне бы проще в крепости во рву,
да рядом усыпальница с царями...
Другое дело, ежели в Неву —
как говорится, в воду и с концами...
Опять нельзя: а ежели всплывут?
А с грузиком?.. А ежели случайно
520 подденут бреднем? — и пойдём под суд,
ведь это государственная тайна...
И даже больше! Вот и разумеи,
какую нам загадку загадали:
во-первых, чтоб подальше от царей,
а во-вторых, чтоб люди не видали.

Он подавление бунта прогулял
 на императорском императиве,
 о чём и сообщает формуляр
 ин-фолио в Лефортовском архиве,
 530 привёз из Таганрога без потерь
 прах августейший, — бац! — и новый случай:
 по справочнику Аллера проверь —
 не отыскать кандидатуры лучшей
 в могильщики!..

Но что там из прорех
 пробьёт поверх эпитетов нелестных?
 О как легко судить сегодня тех
 истории статистов бессловесных...
 Да в том же формуляре посмотри:
 540 ну что с того, что вышел адъютантом?
 Вот ордена — их даже целых три:
 две Анны, а ещё Владимир с бантом —
 все боевые. И зрачком в упор —
 медаль за Лейпциг. Что такое знаем
 про этих? Гонаропуло Егор
 на ратном поле не был негодяем.
 Где факел истины? Где кислый торф
 навета? Всё перепроверить надо.
 А это кто? А это Бенкендорф
 550 на фоне партизанского отряда.
 А это?.. Это Лунин, это наш...
 Поосторожней, он чужих не любит.
 А этот байронический типаж?..
 Как кто? Его дружок Леонтий Дубельт.
 Вернёмся. Что теснилось в голове?

Что жгло в груди? Что вообще известно?
Не он, так кто рылеевской вдове
открыл, где это проклятое место?
Ведь знала же... Не этот ли Егор,
560 смотритель вечности в земной юдоли,
здесь поновлял некрашенный забор,
и тот прохожий не через него ли
открыл, что здесь, да, здесь скакун достал-
таки Евгения копытом...
Скала на займище, а проще — вал,
подмытая руина на открытом
(здесь частное владенье) островке
(150 на 300) — это летом,
когда футштоцкий уровень в реке,
570 и посуху пройдёшь... По эполетам
о доблести не судят. Аксельбант —
не аргумент. Споткнёшься, обнаружив, —
ещё драгун и тоже адъютант
не без таланта — Александр Бестужев.
Соратники!.. Ах, Сашенька, прочти
мне из Рылеева. На поле брани
Я с вами!.. Где расходятся пути?
Ищи на плане Шуберта в спецхране.
Тот Шуберт — он дотошный немчура,
580 не зря ж дразнили перцем и сосиской
ещё в кадетах... Вас открыть пора,
о Моцарт картографии российской.
Как цепко надо родину любить,
чтоб так запомнить все её извивы...
А если с Пушкиным соединить?
Итак — забор некрашенный, две ивы.

XVII

Что стоит поиск? Если не найдёшь
утрату романтических иллюзий —
любой из результатов нехорош:
590 вступая в жизнь, изволь ползти на пузе.
Смирив гордыню, к истине ползи
из тех пелёнок байковых. Вот веник,
вот стул, вот стол... Не то в такой грязи
измажешься... А если в смысле денег —
на поиски три тысячи рублей
по безналичке, тот оброк, который,
не знаю, по которой из статей,
внесён одной промышленной конторой.
Военные топографы — они
600 лизали крыши лазерным прибором
и привязались после всей возни
по питерским церквям да по соборам.
Потом ещё бурильщики... Потом...
Мы начали, но мы не завершили —
что значит поиск? Металлист в пальто
навыворот и взрослые большие
серьёзные мужи — да как же их
не помянуть во здравие? Такие
все разные — начальник очистных
610 с «Марксиста», и художник, и другие...
Читатель потеряет интерес
к перечисленью — экая плетёнка! —
историк, журналист и экстрасенс
и даже два советских негритёнка.
Ещё ИРЛИ, а также ВСЕГЕИ,

и трест ГРИИ, что в доме Бенкендорфа,
и крепость Петропавловская, и...
а что нашли? Да так, — немного торфа.

XVIII

Неужто же и жизнь не удалась?
620 Вот так вот и сойдём промеж устоев.
И только в школе волновали нас
предсмертные речения героев.
Когда взалкал поверженный атлант,
о юность, как за ним не повторишь ты:
опричник, дай свой подлый аксельбант,
не то тебе придётся вешать трижды!
Как здорово про этот аксельбант,
как вовремя!.. Лет эдак через десять
и мы в сердцах цедили вариант:
630 Россия! Не умеют и повесить...
У романтизма слишком яркий цвет,
да натурально ягодки большие:
на площадях 70-х лет
не вешали, но как ещё душили.
Где брать героев, ведь герой — скала,
а человек не камень — протоплазма...
А там и скука села у стола,
надутая сестра энтузиазма.
Смущённою душою подытожь:
640 увы... И только жёны — декабристки.
И правду не в учебнике прочтёшь,
в одной биографической записке:
Когда они упали, я стоял

шагах в пятнадцать от эшафота
и подошёл. Один из них лежал,
а он сидел, согнувшись в яме, кто-то
стонал. Торчал проломленный помост...
Тут фельдшера позвали на подмогу...
Он попытался выпрямиться в рост,
650 но подвернул ушибленную ногу,
сел боком на бревно. Сочилась кровь
из ссадины за левую щекою,
ещё не приказали вешать вновь,
он поднял взгляд и произнёс: какое
несчастье... Говорил ли кто-нибудь
ещё о чём-нибудь — того не знаю.
Тут вообще пошла такая жуть...
И спешка... Ну а мы стояли с краю.

XIX

Что значит истина? Вопрос пустой.
660 Он промолчит: спроси своих Сократов,
когда она стоит перед тобой,
чела не опустив и глаз не спрятав.
Так что есть истина? Вопрос простой.
Он улыбнётся: это взгляд Шекспиров.
И всё?.. Ну да. Но в рукописи той,
откуда мы и выбрали эпиграф
для долгой нашей повести — пока
идёт сама, пойдём ли на попятный? —
так вот, в тетради есть одна строка...
670 найдём её — лист 95-й,
дубль два... а самый главный пушкинист —
всё тот же Дубельт, быть неблагодарным

как можно?.. Здесь и самый чистый лист
пронумерован вдумчивым жандармом...
Находим... *Длятся ночи декабря...*
Что тут прибавишь?.. Вымарал. (Однако
сия строка покоится не зря
на всплеске восклицательного знака!)
В опальной хижине... И вновь обрыв —
680 версификационный визг форсунок
и вдруг: обломок дерева, обрыв —
ничем не примечательный рисунок...
А вот ещё, на целый разворот,
где виселиц гунявый подголосок...
Но стоп. Не то и вправду разорвёт
повествование избыток сносок.
Грядёт за юбилеем — юбилей,
но тошно так — так тошно и кромешно
в эпоху масс-культурных алтарей,
690 ну в том числе и пушкинских, конечно.
И не спасёт настольной лампы свет
от тьмы в её кишеньки неустанным,
когда газета на излёте лет
потёмкинских придёт с Афганистаном,
и вспучится, как сукровица, квас
коричневый... Что это там погасло?
Чур, чур! Да был ли мальчик? Здесь у нас
Ещё с 30-х Пушкин вместо масла.

XX

О чём ещё? Да мало ли чего
700 в архиве не полезет из-под спуда.
Вот николаевский регламент «О

пехотной амуниции». Покуда
ждём дела, отчего ж не посмотреть?
Смотрю на дату: в годовщину бунта
предписано полкам гвардейским — впредь
ношенье сабель... Ерунда как будто...
Words, words, words — swords.
Зачем нам *swords*? И так,
ещё не введена казачья плётка,
710 но вместо чести и дуэльных шпаг
на брюхе полицейская селёдка.
Ещё? О тех зачёркиваниях
фигурных... с удивлением отметим —
подмигивают на черновиках
в 27 году, и в 33-м.
Обыкновенный ромб — бубновый туз,
в нём слово, и штриховка как-то сбоку...
Забавный, но навязчивый конфуз
гусиного пера — и что в нём проку?..
720 А поутру приходишь на раскоп,
торчишь над ямой... Это ж ямы!.. Помнит
о той могиле, и не спятить чтоб,
зачёркивает слово — и хоронит.
...Теперь по всей Смоленке эти рвы.
Отец рассказывал, что в 41-м
попал сюда в патруль. Во рвах мертвы
лежали ленинградцы... Кто-то в сером
снегу привстал... Такое увидеть
мальчишкою... Он бросился к сапёру:
730 «Там люди!..» А и вправду исполать
тому, кому и это будет впору.

ЭПИЛОГ

— А я скажу вам: над Россией — рок,
и если так дела пойдут и дальше...
Так вот, мы коротали вечерок
у В., у хлебосольной генеральши.
Рояль, шарады, шутки, лёгкий флирт —
кружили, счастью своему не веря...
В окне душистый лавр и пряный мирт.
(Не вёчера — простецкая вёчера.)
740 Ведь прямо из окопов. Повезло.
Тут жить да жить, а не курками клацать...
Тринадцатое — чёртово! — число,
и приглашённых (вышло так) тринадцать.
Был Пушкин (Лев Сергеич), Трубецкой...
Ну, словом, от майора до поэта.
И вдруг такой повеяло тоской,
когда Мишель заговорил про это:
«Пятнадцать лет, а кажется, вчера...»
Сказал и встал, и стал ещё бледнее:
750 «За убиенных Павла и Петра,
Кондрата, Михаила и Сергея!..
Мартыш, а ты не выпьешь?» — «Я не пью
за эту сволочь». Музыка увяла,
и время растянулось, как в бою.
«А этого тебе не будет мало?!»
Девицы в обморок. Мартынов за кинжал.
А он насмешливо: «Ты стал большим черкесом!» —
«Я сделаю, Мишель, чтоб ты молчал!»
...Он посмотрел впервые с интересом

760 (вот, как сейчас, я вижу их двоих
и этот взгляд сквозь сумрак омертвелый)
и поклонился, и промолвил стих
евангельский: «Что делаешь, то делай
скорее...»

1987–2023

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ОСТРОВУ

1 — поверх пушкинских рисунков с пейзажами декабристской могилы в тетради ПД 836 (лето 1827 г.) — черновик стихотворения «Сводня грустно за столом...». Это о том, как после работы палачи гуляли в борделе. И как пришедший после них завсегда-тай побрезговал притронуться к барышням.

29 — литорея — старинная система шифровки.

43 — Кира Викторовна — знаменитая в брежневской Москве дама из книжного спецраспределителя Союза писателей на Кузнецком мосту.

50 — французская запись «14 июля 1826 Гонар<опуло>» сделана в тетради ПД 833 разбавленными (по сути, симпатически) чернилами, а может быть, и просто чаем.

71 — см. «Воспоминания М. А. Гунаропуло» (Русская старина. 1917. № 3. С. 360).

118 — авторская вольность. На самом деле подробные сводки погоды ежедневно публиковались не в «Биржевых...», а в «Санкт-Петербургских ведомостях». Отсюда и извлечена информация о состоянии погоды в городе и его окрестностях в июле 1827 г.

204 — письмо С. А. Соболевскому написано утром 15 июля 1827 г.

225–232 — первый залп картечью был дан не по мятежным полкам, а «поверх голов» и угодил по фронтому старого Сената. А там на крыше за алебастровыми Весами Правосудия прятались те, кто решил, что это тот спектакль, который удобнее всего смотреть с галёрки. Д. С. Лихачёв со слов своей матери рассказывал мне, что так было и 9 января 1905-го. Солдаты первым залпом стреляли в воздух, они не видели, что за Дворцовой площадью на деревья взобралась детвора. Лихачёв дважды повторил фразу своей мамы: «...и мальчишки посыпались с них, как воробушки».

234 — сравни в белой рукописи «Медного всадника»: «Тогда на площади Петровой, / Где дом близ церкви вечно новой...» По цензурным соображениям последний стих Пушкину пришлось заменить на околографоманское «Где дом в углу вознёсся новый». Увы, до сих пор так и публикуем.

285 — Аквилон — северный ветер. После полуденного шторма и грозы 15 июля погоды в то лето закончились.

325 — всенародная инсценировка — выражение из записной книжки Андрея Платонова (середина 1930-х годов). Николай I сам расписывал обряд казни (13 июля 1826 г.) и церемонию «очищения» Сенатской площади (14 июля 1826 г.). Некоторые подробности церемонии мы заимствовали из приказа Дибича.

352 — дощечки с именами казнённых на виселице в последний момент были заменены кожаными нагрудниками с надписью «Цареубийца».

408–409 — «И зарастут дворцы её колючими растениями, крапивою и репейником — твердыни её...» (Книга пророка Исаии 34: 13). Пророчество о падении Идумеи, дворцы которой зарастут сорными травами, а в их развалинах станут жить лишь нечистые птицы и звери да поселятся нечистые духи.

440 — сравни с мемуарами начальника охраны: «Полиция отдала распоряжение не отдавать трупов родственникам. Публичные похороны не были разрешены. В полной тайне, ночью, убитые были преданы погребенью». Это не о 14 июля 1826 г. Это о 9 января 1905 г. (Герасимов А. На лезвии с террористами. Париж, 1985. С. 27–28). Этих несчастных, как декабристов и народовольцев, погребли также на Голодае.

442 — пушкинская характеристика мужа Ольги Лариной, в которой звучит анаграмма «Николай»: «уЛАН, своей невольНИК дОЛи» (подмечено психологом Владимиром Слуцким).

444 — имеется в виду дуэль члена Северного тайного общества подпоручика Константина Чернова и флигель-адъютанта Владимира Новосильцева.

459 — ахматовская догадка, воплощённая в её статье «Пушкин и Невское взморье», связана с поисками могилы Николая Гумилёва, предпринятыми Ахматовой в начале 20-х. По бытовавшей в Петербурге версии, расстрелянных хоронили на Голодае. Позже Ахматова узнала, что тело Гумилёва предано земле в Бернгардовке.

513 — Карл Фёдорович Дершау — полковник, василеостровский полицмейстер, которому обер-полицмейстер Княжнин

перепоручил хоронить казнённых. В 1990 г. капитан первого ранга, штурман «Варяга» Борис Николаевич Азиков попросил меня показать ему на плане Шуберта место могилы казнённых. И через минуту резюмировал: «Ближе нельзя, а дальше некуда».

544 — поэтическая вольность: Е. А. Гунаропуло отличился в сражении под Дрезденом.

569 — кронштадтский футшток — нулевая отметка уровня Мирового океана, специальный прибор, установленный в Кронштадте Петром I. От уровня кронштадтского футштока и сегодня отсчитываются все высоты России.

578 — на Голодае генерал-майор Фёдор Шуберт работал как раз в 1826–1827 гг. Именно план Шуберта, на основе которого сделаны и современные точные планы Петербурга, позволил с точностью до 1 м определить место декабристской могилы и обнаружить её.

615–616 — ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом), Всесоюзный институт геологических исследований, Ленинградский трест геодезических работ и инженерных изысканий.

642 — см. заметку «Со слов присутствующего по службе при казни» в Полном собрании сочинений К. Ф. Рылеева (М., 1907. Т. 2. С. 19).

699 — «...во всех Гвардейских пехотных полках вместо шпаг, ныне употребляемых, носить пехотные сабли» (Приказ по гвардии от 12 декабря 1826 г.). Этим приказом Николай I искоренил шпагу как символ дворянской чести.

712 — Words, words, words... Как заметил мой товарищ по «Новой газете» московский журналист-международник Антон Иваницкий, слова в этой шекспировской строке («Слова, слова, слова...») на слух обращаются в стальные клинки: swords — мечи. Реплика Гамлета адресована Полонию. Мечом принц и убьёт отца Офелии.

712 — ранее эти графические знаки никак не объяснялись.

724 — речка Смоленка, отделяющая Голодай от Васильевского острова, до XX века звалась Чёрной. В блокаду рвы для братских захоронений умерших от голода прокладывались серией взрывов. Позже значительная часть этих могил была застроена жилыми домами.

732 — ссора Лермонтова и Мартынова произошла в доме у генеральши Верзилиной 13 июля 1841 г., в пятнадцатую годовщину казни декабристов.

Подробнее см. в моей книжке «Длятся ночи декабря. Поэтическая тайнопись: Пушкин — Рылеев — Лермонтов» (2008).

VIII

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

(2022–2023)

А Л И Ш Е Р Н А В О И

ИЗ ТЮРКОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ «40 ХАДИСОВ»

Людскою глупостью оброс беды лежалый камень.

Беду не призовёшь на суд, не разведёшь руками.

Сквозь сонмы здравиц — хруст костей.

Донос — опора власти.

Но всех несчастней будут те, кто в мир несёт несчастья.

Вторая половина XV века

МОЙ СЫН ДЖЕК

— О Джеке моём известья пришли?
— Увы, не с этим приливом.
— Когда ж возвратятся в порт корабли?
— Когда переменится ветер.

— Но хоть пару строк он мне принесёт?
— О да, но не в этот прилив.
Ведь море своих мертвецов отдаёт,
Когда переменится ветер.

— Но в чём же, скажи, утешенье найти?
И что укрепит меня в вере?
Мой сын не искал иного пути
При этом приливе и ветре.

— Всё так. Но и этот, и каждый прилив
Не в помощь отцовскому горю,
Поскольку ты знал, что сына родив,
Сам и отдашь его морю.

1915

NB. Джек Киплинг пытался отправиться на войну добровольцем, но из-за плохого зрения дважды получил отказ. Тогда отец по знакомству записал его в Ирландскую гвардию.

В битве при Артуа восемнадцатилетний Джек был убит. Поскольку тела не нашли, родителям сообщили, что их сын пропал без вести.

В 1992 году останки лейтенанта Джека Киплинга случайно обнаружили в воронке от снаряда.

ФОРМУЛА

из цикла «Военные эпитафии»

А если спросят, за что мы пали,
Скажи им: за то, что отцы солгали.

ВИНОГРАДАРЬ ИЗ ШАМПАНИ

Из книги «Каллиграммы, стихи о мире и войне»

Полк прёт сквозь селение на пополнение
Нежно оранжевеют небес предвечерние краски
Обитатели спят или делают вид
Только местный священник в облупленной каске
Из стеклянных орудий поротно шампанским кропит
По холмам горностаем пестрят виноградные грозди
Прицепи хоть на пушку свою хоть на гербовый щит

Доброй ночи солдаты бутылки с шипучкой кровавой
Я встречал вас в окопах и тоже лежал под огнём
По квадратам братался с позором и реже со славой
По квадратам лозы вы уйдёте в огонь завтра днём

Ночь в Шампани светла и вино золотисто в стакане
В колыбели небесной взлелеял его винодел
Тот что и про войну и про жизнь вашу знает заранее
Этот неговорливый гончар человеческих тел

С тех полей где сегодня стальные мортиры пасутся
Чтоб живые бутылки железом вживую вскрывать
До свидания всем! Господá постарайтесь вернуться
Ну а кто и когда нам живым не положено знать

1914–1916

Ж А К П Р Е В Е Р

СЕМЕЙНОЕ

Мать вяжет. Где же сын? Он на войне.
Всё просто, всё обыденно вполне.
А что отец? И с ним всё хорошо —

Он в бизнесе своём себя нашёл.
У всех своё: мать вяжет, сын воюет,
Отец горбатится и в ус не дует.

Отец находит, что дела идут.
А что находит тот, кто здесь не тут?
Само собою — ровно ничего,
Ведь он воюет. Только и всего.

В своё вязанье мать погружена.
Что постарела — не её вина.
Папá — в делах. А твой удел — война.

Ну а когда (когда-то — наконец)
Вязанию войны придёт конец,
Тебя пристроит к бизнесу отец...

Тебя убьют, но тело привезут.
Само собою, прогремит салют.
Мать и папаша с кладбища бредут.

Жизнь потечёт естественно и ясно
Сама собою, как заведено
Порядком, обусловленным заранее:

Война, вязанье, бизнес, вновь вязание... —
Всё как у всех, ведь сказано давно:
То, что привычно, то не безобразно.

1937 (?)

У И С Т Е Н Х Ь Ю О Д Е Н

1 СЕНТЯБРЯ 1939

Сижу в дешёвом шалмане,
В подвале на 52-й,
Волной животного страха
Накрыт и раздавлен:
В брызгах убитой памяти
Позорных десятилетий
Шапка в жёлтой газете
Погребла упования умников.
Ужас неизбежного
Сочится в сентябрьской ночи
Тошнотным запахом смерти.

Какой мудрец брадатый
Взвесит наши грехи —
Все преступления времени,
Которое длится
От Лютера до нынешнего
Кумира-психопата,
Выползшего из личинки
В тихом австрийском Линце?
Зло умножает зло,
Перевирая даты
И невзирая на лица.

Даром ещё Фукидид,
Изгнанный из Афин,
Воспел народовластие,

А племя тиранов ославил,
И проклял всех, у которых
Душа не болит,
Кто гонит просвещение
И правит без правил,
Кому законом — хотение
Воспалённого эго.
И нам пройти сквозь это?

Лишь слепцы-небоскрёбы
Всё так же устремлены
В нейтральные небеса,
И с высот безъязыких
На всех языках радио,
Спеша оправдаться,
В эйфории эфира
Глаголит в прострации,
Что сила — в единстве нации.
Да в пресное блюдо имперства
Подсыпает перца.

Лица вдоль барной стойки
Тянут губы и шеи —
Камин не должен увянуть,
А музончик умолкнуть.
В хлябях болотной жижи
В прифронтовой полосе
Следует быть как все,
И даже пониже,
При некоторой сноровке
В мыслях о мебелировке
Окопа или траншеи.

Бравурная трескотня
Самых Высоких Персон
Рассеется на свету,
Но останется в силе
То, что безумец Нижинский
О Дягилеве сказал:
Безжалостные вожди
Любят, чтоб их любили.
Скрижаль Мирового зла
С эпохи Каина
Непререкаема.

Поклонники правопорядка,
Довольны вполне:
Они опять на волне —
Вплывают в новую жизнь
По льготному проездному,
Расчёт их предельно точен:
Мол, буду верен жене,
Уйду в семью и работу,
И жизнь наладится!
Но отменили льготу.
И проездной просрочен.

Зачем человеку мозги,
Когда государства шаги
Вытоптали надежду
Слонами вчерашней славы?
Романтика пропаганста
Мобилизует в поход
Через огненный брод —
В посмертные мытарства.

Под Вавилонской башней
Всё другое — не в счёт.
Тем более человечность.

В липком страхе планета
Ворочается. Над ней
Трассером скорострела
Морозит эфир морзянка,
И ни топор, ни плаха
Не имеют значенья.
Плод Эроса и праха,
Ты, кто камня мертвей,
Встань над смертью своей,
Перешиби отчаянье
Бичом обличенья.

P.S.

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Сане Лурье

А когда пойдёт игра недетская,
выручит небесная опека —
Федя Крюков, Туся Крандиевская,
дети девятнадцатого века.
Всякий раз, как муторным наветом
заклубится мрак тысячелищный,
объявляются перед рассветом
отрок — об руку с отроковицей.
Через три согбенных поколения
по-провинциальному неловки —
два отвергнутых эпохой гения
та с Гранатного, а тот из Глазуновки.
Не сказав словечка — недоумили.
Ну, пора. Ступай своей тропею.
— Дети, вы ж в Двадцатом веке умерли! —
Смотрят молча, мол, Господь с тобою.

NB. Федор Крюков (1870–1920) — запрещённый классик, автор «Тихого Дона» (www.fedor-krjukov.narod.ru).

Наталья Крандиевская (1888–1963) — один из самых пронзительных лириков XX века (www.krandievskaya.narod.ru).

МИЛЛЕНИАРЫ

Альке, Кате, Тихону и Филиппу

И вот они вошли. Легки. Поджары.
Ещё не взрослые. Уже не дети.
Тихони звонкие — миллениары.
Антропоморфный стык тысячелетий.

Заглядывая в будущее время
Сквозь пелену несчастья и ненастья,
Бубню себе в фейсбуке: Здравствуй, племя!
Младое, но знакомое отчасти.

17 декабря 2013 — 10 сентября 2023

ДЕКЛАРАЦИЯ

Анатолию Кулагину

Современное стиховедение путало рифму с рифмовкой
и отказывало поэтам в их цеховом знании
о том что рифма — наследие перворечи
метаморфоза образа при сходстве звучания
Ну а рифмовка — лишь звуковой повтор
закреплённый в композиции стихотворения

Адам и Ева разговаривали стихами
речь была симметрична
ибо стихоподобна
В Эдеме не надо впахивать
Вот и не было прозы

Потому и гармония в нашем земном изгнании —
не ямбы и хорей
пиррихии и спондеи
не золотое сечение и даже не число л
а синтез разноприродного — дольнего и горнего —
устойчивое состояние нарушенной симметрии

а стихосложение — средоточие райской лени

3 сентября 2023

ЗАСТЁЖКА

эта сессия истекла
эта сессия из стекла
а стекло как известно — жидкость
отштормила (полстрочки точек)
оттрепала (ряд точек) смогла
да в три месяца — сорвала
(многоточие) оболочек
(и ещё отточие) — ах
(точкой) — ежели
в трёх словах:
еже писах
писах

ПРИЛОЖЕНИЕ

Андрей Чернов
К ПЕРЕВОДУ С БИБЛЕЙСКОГО

— Сергей Сергеевич! Посмотрите, пожалуйста, в оригинале, — кричу на всю деревню в трубку телефона-автомата в моём подмосковном Михалкове (ударение на «а»). Телефон только поставили, но работает он через слово, — Там должно быть не *сотворил*, а что-то вроде *явил*... Речь о визуальных образах, явившихся на небосклоне после того, как зелень остудила планету и тучи разошлись...

В ответ тихое, деликатное, внятное:

— Подождёте одну минутку? Я должен с полки взять... Нет, здесь *аса* — сделал. Но, знаете, тут слова не планетарного характера... Не *светила* сотворил, а *светильники*... Это не небесные тела, а, скорей, их проекции...

Такой вот разговор с Аверинцевым состоялся у меня летом 1983-го.

* * *

Фома Аквинский утверждал, что истины науки и истины веры не могут противоречить друг другу.

5 октября 2007 года СМИ сообщили об открытии академика РАН Юрия Викторовича Наточина, согласно которому жизнь не могла зародиться в океане, ведь у неё не было шансов уцелеть в агрессивной натриевой среде первородного океана.

«Если в жидкости есть натрий, эта система не будет работать, а океан всегда содержал натрий. Жизнь не могла возникнуть в натриевой среде», — категорически утверждает учёный.

Вторая из этих заметок так и называлась: «Библейское происхождение жизни». По мнению Наточина, не моря-океаны, а суша — родина жизни. (Собственно, так и по Библии.)

Это уже много позже, как доказывает Наточин, жизнь приспосабливается к морскому существованию. Попав в море, клетки должны были приспособиться к морской воде, в которой концентрация солей куда выше. Живые организмы пошли двумя путями: одни создали плотную оболочку, замкнувшись внутри себя, другие создали мембрану и стали тратить энергию на поддержание постоянного обмена натрия и калия. По первому пути пошли растения, по второму — животные.

В школьных учебниках моего детства мелководный первородный океан изображался как Лазурный Берег в бархатный сезон: прозрачная водичка под ласковым солнцем, а на дне, на жёлтом песочке, рачки да звёзды. О том, что это бред, можно было бы догадаться, поглядев на бак с бельём, кипящий на коммунальной кухне и заполняющий её паром и чадом. Но почему-то пейзажу реального ада (непроглядная мгла, волны с небоскрёб высотой, молнии толщиной с футбольное поле) авторы учебников предпочли выморочную мечту о профсоюзной здравнице.

В середине 1990-х в «Новой газете» я писал о том, что нарисованная библейским Шестодневом эволюционная картинка по своей естественно-научной корректности превосходит ту, что геофизики рисовали ещё в 1980-х. Астроном И. С. Шкловский («Вселенная. Жизнь. Разум», первое издание 1962 г.), например, не мог понять, почему новорождённая жизнь не была тут же уничтожена солнечной радиацией, ведь защищающий всё живое слой озона появляется только в результате фотосинтеза растений...

Осенью 2007-го в ответ на моё электронное письмо Ю. В. Наточин сообщил: он, разумеется, обратил внимание на то, что это ещё одно подтверждение той эволюционной картины, которая дана в библейском Шестодневе.

* * *

Первая страница Библии так рассказывает о шести днях творения:

1 В начале сотворил Бог небо и землю.

2 Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездной, и Дух Божий носился над водою.

3 И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. 4 И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы. 5 И назвал Бог свет днём, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один.

6 И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. (И стало так.) 7 И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. 8 И назвал Бог твердь небом. (И увидел Бог, это хорошо.) И был вечер, и было утро: день второй.

9 И сказал Бог: да соберётся вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. (И собралась вода под небом в свои места, и явилась суша.) 10 И назвал Бог сушу землёю, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо. 11 И сказал Бог: да произрастит

земля зелень, траву, сеющую семя (по роду и по подобию её, и) дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так. 12 И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду (и по подобию) её, и дерево (плодовитое), приносящее плод, в котором семя его по роду его (на земле). И увидел Бог, это хорошо. 13 И был вечер, и было утро: день третий.

14 И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной (для освещения земли и) для отделения дня от ночи и для знамений, и времён, и дней, и годов, 15 и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так. 16 И создал Бог два светила великие: светило большее для управления днём, и светило меньшее для управления ночью, и звёзды; 17 и поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю, 18 и управлять днём и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, это хорошо. 19 И был вечер, и было утро: день четвёртый.

20 И сказал Бог: да произведёт вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею по тверди небесной. (И стало так.) 21 И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода по роду их, и всякую птицу пернатую по роду её. И увидел Бог, что это хорошо. 22 И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь и наполняйте воды в морях, и птицы да размножатся на земле. 23 И был вечер, и было утро: день пятый.

24 И сказал Бог: да произведёт земля душу живую по роду её, скотов и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так. 25 И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что это хорошо.

26 И сказал Бог: сотворим человека на образе Нашему (и) по подобию Нашему; и да владеют они над рыбами морскими и над птицами небесными, (и над зверями,) и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися на земле. 27 И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их.

Поколения материалистов считали, что Вселенная вечна и бесконечна. В XX веке было открыто красное смещение в реликтовом излучении, у Вселенной возникло начало, и смех поутих. Смеялись и над библейской картиной мироздания: действительно, как это может быть, что жизнь на земле возникает раньше, чем зажигается Солнце? И что это за вода плещется на поверхности Земли, если наше светило ещё не сотворено?..

Но в начале второй главы уточняется, что первичная ситуация была такой: 5 ...*Господь Бог не посылал дождя на землю; и не было человека для возделывания земли; 6 но пар поднимался с земли и орошал всё лице земли.*

Детская ошибка естественно-научного читателя-атеиста кроется в игнорировании законов поэтического языка и логики поэтического повествования. Впрочем, ортодоксальные богословы грешат ровно тем же и, как следствие, неизбежно склоняются к креационной модели (от лат. *creatio* — создание, творение). И атеисты, и креационисты равно уверены, что ни о какой эволюции в Библии не может говориться в принципе. (Последние обычно ещё и добавляют, что эволюция — выдумка Ламарка и Дарвина.) При этом те и другие демонстрируют трогательное единение, давая умопомрачительные рекомендации *читать как написано, не вчитывая того, чего в тексте заведомо не содержится и содержаться не может.*

Однако вспомним:

Способ, как творил Создатель,
Что считал Он боле кстати —
Знать не может председатель
Комитета о печати*.

Библейский текст начинается со смысловой аллитерации (рифмуются первые же два слова): *Берешит бара...* (В начале сотворил...) В греческом и в русском переводах её нет, но есть в старославянском: *Искони сотвори...*

То есть слово *искони* (в начале), как дождём, проливается ассонансом, и созвучие это — сам акт творения. В какой-то — увы, не вспомню в какой — древнерусской рукописи мне когда-то попалась и прямая рифма: *Истари сотвори Богъ небо и землю.*

Игнорирование специфики поэтического повествования и верующими, и неверующими интерпретаторами приводит к семиотической катастрофе. Результат выходит примерно таким, как у героя песенки Владимира Высоцкого, пишущего в деревню супруге о тонкостях балетного искусства: «Был в балете. Мужики девок лапают...»

Ключ к рассказу о творении земной материи — библейское *лицо земли*. От лица земли и ведётся повествование о *механизме* земной эволюции. Это обеспечивает единство взгляда наблюдателя и непротиворечивость картинки.

* А. К. Толстой. Послание к М. Н. Лонгинову о дарвинизме. 1872.

Речь не идёт о Большом взрыве. Из четырнадцати миллиардов лет прошло уже восемь. Зажгло Солнце, и началось формирование нашей Солнечной системы.

Представим себе «безвидную и пустую» новорождённую Землю. Она раскалена и погружена в непроглядную темноту. Это не тьма космоса, это многокилометровая мгла первичной атмосферы, жаркой и малопрозрачной у поверхности планеты. Ещё нет первородного океана — дожди из серной кислоты (такие сегодня идут на Венере) испаряются, не достигая поверхности. Когда же первичные вулканические (и прочие горячие) процессы начнут затухать, и планета несколько остынет, и атмосфера будет проясняться.

Поэтому первое космическое событие, которое произойдёт для земного наблюдателя, — смена дней и ночей. То есть свет разделит непроглядную тьму на день (пока ещё очень тусклый) и ночь.

В честь этого библейский День и станет условным обозначением некоего мифологизированного геологического периода.

Меж тем планета продолжает остывать, и вот сернокислые дожди долетели наконец до её поверхности. В результате химической реакции с первичной щелочной породой возникнет масса нового вещества — воды, которая, разумеется, тут же испарится (на Земле ещё слишком жарко).

Второй День творения наступит, когда температура упадёт ниже ста градусов по Цельсию и на Землю ляжет первородный океан. То, что в русском переводе звучит как «твердь», по-древнееврейски названо словом *ракия* — *простёртая*, т. е. пространство. (*Твердь* — это уступка передовой античной науке, и появляется она только в греческом переводе. Греки знали, что небо твёрдое — оттуда иногда падали камни.) Речь о прозрачной атмосфере, впрочем покуда ещё лишённой кислорода (вспомним, что в пятый день по этой самой «тверди» полетят птицы). Атмосфера и отделит «воду под твердью» (океан) от «воды над твердью» (сплошного покрова из водных облаков).

Владимир Ильин в книге «Шесть дней творения» (Париж, 1930; цитирую по переизданию: Париж, 1991) писал: «Относительно первоокеана и первосуши в геологии до сих пор не установлено: был ли первоокеан сплошной водяной оболочкой... или же воды заполняли только часть углублений, образовавшихся в земной коре, так что моря и континенты образовались одновременно» (с. 133). Однако у библейского повествователя сомнений нет: сначала мелководный океан, потом из него появляется суша. В науке такое представление утверждается только во второй половине XX века. (Нетрудно подсчитать, что сегодня

с точностью до третьего знака по запятой общая площадь земной поверхности относится к площади водной глади как корень из двойки к единице.)*

Итак, в Третий День тектоника выплёскивает жидкое вещество из земных недр и над поверхностью океана вознесётся из недр планеты единый материк — пра-Пангея.

На суше (согласно библейскому рассказу) возникнет жизнь. Растительность, как это показал В. И. Вернадский в 1927 году, разрушает дурную бесконечность парникового эффекта. Зелень *начнёт поглощать углекислый газ и выдыхать кислород*. Атмосфера ещё более проясняется, Земля остывает всё быстрее. Из-за этого толщина облачного покрова уменьшится. Однажды он разойдётся, и в синей полынне, «на тверди», зажгутся «светильники». Но солнечная радиация не убьёт жизнь, потому что к этому времени вокруг Земли уже существует озоновая броня.

О том же пишет и современный теолог Дмитрий Щедровицкий: «...в Книге Бытия говорится не о творении светил как таковых, а именно о той роли в разделении времени, которую они начинают играть для Земли, став видимыми в прояснившейся земной атмосфере. Они служат для счёта дней, времён, годов. И для описания их «приспособления» к этой роли употреблён древнееврейский глагол *<acá>* — ‘делать [из чего-то]’, а не *<барá>* — ‘творить первоначально’, как в первом стихе главы. Следовательно, Создатель как бы „приспособил“ уже существовавшие светила к новой роли, „сделал“ их способными к ней»**.

Идея о том, что описано не творение Солнца и звёзд, а их явление на земном небе, до того «закрытого испарениями», как оказалось, была высказана в начале XX или даже в конце XIX века кем-то из католических или протестантских богословов (имя автора этой идеи сегодня забыто, но, надо думать, его можно будет установить). Философ В. Н. Ильин в той же книге 1930 года (с. 56–61) принял идею появления на небосклоне (после того как расходятся тучи) визуальных образов Солнца, Луны и звёзд. (Напомним: за три года до Ильина Вернадский открыл, что именно зелень остужает атмосферу планеты, а потому светила и открываются прозревшему лицу Земли.)

* О том, что $\sqrt{2}$ и $\sqrt{5}$ напрямую связаны с эволюционным процессом, см. мою заметку «Принцип диалектического императива»: <http://imwerden.de/publ-7850>

** Щедровицкий Д. В. Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево: Т. 1. Книга Бытия. 6-е изд. М., 2010. С. 43.

Графический перевод с мифопоэтического выявляет принцип сказа: наблюдатель (*лицо земли*) видит, как нечто единое разделяется чем-либо на два (это относится к эволюции земной неживой природы; причём точка пересечения эволюции неживой и живой природы — зелень, остужающая атмосферу и разгоняющая облака, — дана как некое «знание с превышением»). И три триады для живой природы.

Пятый и Шестой Дни творения ознаменуются ещё двумя триадами жизни: вода произведёт «больших рыб» (в оригинале «чудовищ»), пресмыкающихся и птиц, а земля — «зверей» и «скотов и гадов». Заметим, что произведённая водой триада вполне эволюционна: «рыбы — пресмыкающиеся — птицы» есть прямая ветвь эволюции (мозг этих существ не обладает так называемой *новой корой*).

Заканчивается Шестоднев творением Человека (мужчины и женщины).

Библейский рассказ об эволюции неживой и живой земной материи ничуть не противоречит современным научным представлениям. Дело лишь в особенностях мифопоэтического языка, перевод с которого оказался делом несколько более трудным, чем даже перевод текстов с мёртвых языков.

Во всяком случае, библейский повествователь, укрывшийся за словами *Лицо Земли*, заметил то, на что не обращали внимания геофизики XX века, когда гадали, как же новорождённая жизнь не была убита солнечной ультрафиолетовой радиацией (ведь слоя озона ещё не существовало), и полагали, что первые живые клетки родились или в недрах первородного океана, или где-то в недрах пещер. (А меж тем от ультрафиолета жизнь защищала «вода над твердью».)

Вряд ли тот, кто записал библейский рассказ о творении Земли, именно так и представлял эволюционную последовательность земных метаморфоз. (Хотя этого и нельзя исключить вовсе.) Но будем считать, что это просто *знание с превышением*, то знание, которого достигает поэт, художник или музыкант на вершине своего творческого озарения.

Обратим внимание на то, как «упаковано» содержание Шестоднева: за цветистым мифологическим орнаментом проглядывает математическая форма того, что называется *бинарной оппозицией*: каждый раз некая неживая субстанция делится чем-либо на два, и при этом живая материя всегда триадна, и при своём первом появлении вмешивается в ход эволюции неживой земной материи.

Такой мощи сворачивания пространства текста до формулы позавидует и конструктор, и дизайнер, и поэт.

Ну а глина, которая, по гипотезе Юрия Викторовича Наточина, и стала колыбелью жизни, откликнется в имени той самой Адамы (красной земли), из которой будет слеплен Адам.

Здесь говорится о появлении хомо сапиенса как вида (сотворены «мужчина и женщина»). И нет никакого противоречия в том, что позднее из ребра Адама будет сотворена Ева (речь не о творении женщины, а о появлении института моногамного брака).

Московский поэт Нина Искренко лет сорок назад начала стихотворение со строки: «Человек — она такая...» Но так и по библейскому рассказу: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1: 27–28).

А как же Ева, которая сотворена из Адамова ребра позже, когда Адам будет спать?

И даже в XXI веке не хотят видеть, что мифопоэтическим языком Библия описывает эволюцию человеческого сообщества. Ева — не просто женщина. Сотворение Евы — это учреждение брака и семьи, недаром же Ева (*ивр.* Хава) — «дающая жизнь».

Дальнейший рассказ об эволюции одухотворённой живой материи (то есть человека) с научной точки зрения столь же непротиворечив. Последовательно повествуется:

— о жизни первых людей (Бог творит «мужчину и женщину», то есть род человеческий), которые живут в земном Эдеме в идеальных экологических условиях; нет регулирования половых отношений («плодитесь и размножайтесь»), пища только растительная (семена трав и плоды деревьев); запрещено вкушать от некоего «Древа познания добра и зла»;

— о том, как Адам дал имена животным и птицам (возникновение языка, через *звуковую мимирию и артикуляционную имитацию*; повторенный за зверем рык становится протосуществительным, пусть и нечленораздельным; язык — первое, что сотворено самим человеком);

— о творении Евы (институт моногамного брака);

— о грехопадении (убийство животного и начало мясоедения?).

В Библии не уточнено, о каких людях речь. То есть о каких временах. Но: «И воззрел Бог на землю, и вот, она растленна, ибо всякая плоть извратила путь свой на земле» (Быт. 6: 12). Некогда наш предок мог быть вегетарианцем. А по библейскому рассказу «одежды из шкур» появляются у людей после грехопадения и изгнания из рая;

— об изгнании из Эдема (в одеждах из шкур!), о пламенеющем мече, обращающемся на Востоке (или *с Востока?*) и запирающем

возвращение в земной рай (солнце, спалившее рай из-за изменения климата); о человеческой плоти, извратившей свой путь, и о грядущей необходимости ежедневного труда;

— о рождении земледельца Каина и скотовода Авеля (потерянная ветвь человечества?);

— о первом убийстве человека человеком: земледелец убивает скотовода, возревновав к тому, что Бог принимает принесённую Авелем жертву «от первородных стада своего»; благословение питаться животной пищей (наряду с растительной) будет дано Ною и его сыновьям только после Потопа;

— о Енохе, сыне Каина, для которого Каин строит первый город;

— о кочевых культурах (Иавал, «отец живущих в шатрах со стадами»);

— о появлении музыкальных инструментов (Иувал, брат Иавала);

— об орудиях из меди и железа (Тувалкаин, третий брат);

— о рождении Евой сына Сима, при котором распространяются монотеистические верования («начали призывать имя Господа»);

— о Потопе (Ной, ковчег); (?)

— о первом жертвеннике Ноя; (?)

— о первом царстве Нимрода («Вавилон, Эрех, Аккад, Халне в земле Сеннаар»); (?)

— о кирпичях вместо камней (возведение Вавилонской башни);

— о смешении языков...

Опыт естественно-научной интерпретации библейского рассказа в XIX, XX и в начале XXI века свидетельствует, что, как бы ни казалось это нереальным, *каждый раз* наука подтверждает и обосновывает именно библейскую версию.

Вопроса о том, каким образом в XIV веке до н. э. Моисей (или, если прислушаться к мнению гиперкритиков, некий другой гениальный древнееврейский поэт) мог заглянуть в пекло новорожденной планеты, мы касаться не будем.

1983–2023

Анатолий Кулагин

«ЗАЧЕМ МНЕ ЗНАТЬ, ЧТО ТАМ, В НАЧАЛЕ...»

Объёмистая книга, которую читатель держит сейчас в руках, подводит предварительный итог поэтической работы её автора за целых полвека. Наиболее ранние из включённых в неё стихов написаны в первой половине 1970-х; они вошли в первый сборник Андрея Чернова «Городские портреты» (1980), после которого о поэте широко заговорили. Бывает так, что за ярким взлётом молодого автора следует потеря высоты, его сочинения бледнеют и растворяются в литературном потоке. С Андреем Черновым так не случилось: сборники стихов (их состав предопределил композицию нынешнего Избранного) выходили нечасто, но были весомы и говорили читателю о прочности таланта.

Какова закваска этого крепкого поэтического раствора?

Андрей Чернов — поэт гуманитарный: за его стихами просматривается большая литературная и общекультурная традиция. Мы бы назвали его в этом смысле *семидесятником*. «Застойное» десятилетие с его рефлексией, с невозможностью реализоваться в прямом, открытом слове располагало к культурному эскапизму, уходу в гуманитарные области, к увлечению литературой, искусством, историей... Опыт культуры становился для такого человека «второй реальностью». Вот и у А. Чернова в стихах, и тогдашних, и позднейших, встречаешь мотивы шекспировские (недаром он многие годы посвятил переводу сонетов и трагедий великого англичанина), пушкинские (здесь вспоминаются многочисленные его статьи о пушкинских рисунках и на другие темы, связанные с классиком), толстовские (целая поэма о Пьере Безухове, «Пётр Кириллович», как раз в семидесятых написанная) и другие. Это понятно и объяснимо.

Но Андрея Чернова не назовёшь поэтом камерным, герметичным. В его стихах остро пульсирует отечественная общественная жизнь исхода двадцатого столетия и начала столетия двадцать первого. Он сумел соединить свою любовь к литературе и истории и напряжённое переживание новейших отечественных драм и трагедий. Злоба дня (в самом высоком смысле этого выражения) проглядывает за именами, датами, событиями прошлого, поэта волнующими.

Оценим, например, такие строки, написанные на рубеже восьмидесятых — девяностых: «Провинциальный закат сквозь окно / Над Петроградской, близ моста Тучкова / Тлеет по Шпенглеру. Знать не дано, / Легче ль воды соловецкое слово, / Вправду ли Китеж уходит на дно, / Стеблем кувшинки связав часового?» («Бледный, болотно-озёрный модерн...»). Историко-культурный пласт здесь чрезвычайно насыщен, а цельность ему придаёт сквозная апокалиптическая нота, словно доставшаяся эпохе конца двадцатого столетия в наследство от русской и европейской истории: ушедший, согласно легенде, под воду древнерусский град Китеж; книга Шпенглера «Закат Европы»; восходящий ещё к петровскому времени миф о гибельности Петербурга, усугублённый его «областной судьбой» в советские годы (тоже «закат», но «провинциальный»); наконец, гулаговские ассоциации — Соловки, часовой...

Другой пример — позднейшее стихотворение-воспоминание «Чай с Тоником в Пушкинском музее на Кропоткинской». Научные заседания в этом музее и впрямь заканчивались обычно чаепитием. Прописная буква в слове «Тоник» — не ошибка. Пусть читатель не думает, что герои пьют такую странную смесь; эти два напитка — чай и тоник — друг другу, конечно, не нужны. Нет, Тоником друзья называли писателя-историка Натана Эйдельмана — автора популярных книг о пушкинской (и не только) эпохе, в том числе о декабристах, история которых входит в круг интересов и Андрея Чернова; один из поисковых сюжетов поэта связан с местом тайного захоронения пятерых казнённых участников восстания (см. ближе к концу книги его повесть в стихах «Остров на побережье»). Эйдельман и Чернов были частыми гостями в Пушкинском музее. Так вот, читаем стихи: «От Пушкина и Пущина / протянута струна. / Штандартами приспущена / за шторами страна. / Разнюнена, приструнена. / Но — теплится свеча!.. / Вторую пьём — за Лунина, / Михал-Сергеича». О чём и о ком это? О Пушкине, Пущине и Луние? Да. Но главное — об атмосфере первой половины восьмидесятых, эпохи трёх подряд парадных похорон (отсюда «штандарты» и «шторы») и надежд на приход к власти наконец не очередного кремлёвского старца, а «Михал-Сергеича» — Горбачёва, о котором тогда говорили как о потенциальном преемнике. Поэт остроумно обыграл сходство имени-отчества декабриста и будущего генсека и президента СССР (впрочем, образно-ассоциативный ряд в стихотворении, как читатель заметит и без нашей подсказки, этим не исчерпывается). Кстати, Горбачёв, с которым Андрей был знаком лично, не раз появляется в стихах этой книги, не всегда названный по имени, порой скрытый за инициалами в посвящении, но всегда

узнаваемый — как, например, в пронзительном стихотворении «Бабье лето-99», вызванном уходом из жизни его супруги Раисы Максимовны. А для самого Андрея Чернова, ставшего в годы больших перемен заметной общественной фигурой, участником акций в поддержку перестройки (на памяти его фото в первом ряду колонны, рядом с будущим московским мэром Гавриилом Поповым, на февральском шествии 1990 года, одним из организаторов которого он, Чернов, как раз и был) и обороны Белого дома в дни августовского путча, — так вот, для него переходная перестроечная эпоха стала, говоря словами Пастернака, почвой и судьбой. И в этом смысле он — уже *восемьдесятник*. И эта нота остаётся в силе в его сравнительно поздних книгах «Глухая исповедь» и «Человек империи», преодолевая тягучее новое «застойное» ощущение, звучащее уже в самих этих названиях. Она пробивается, например, в стихах как будто иносказательных («Торф горит за ближайшим селом...»), но ближе к финалу превращающихся в откровенный монолог-упрёк: «А чего ещё ты хотел, / не высываясь наружу? / Глаз твоих этот дым не съел, / лишь бесстыжую выел душу. / Вот уже полстраны в дыму. / Пострашней, чем обвал рубля. / Почему горит? Потому, / что горит под нами земля» («Повторение пройденного»; здесь и само название — более чем говорящее).

Особое место в творчестве Андрея Чернова занимает книга «Гардика». Он ездил на археологические раскопки в Старую Ладугу, откуда начинал своё правление на Руси легендарный Рюрик. Впечатление было столь сильным, что поездка кажется поэту «счастливым самым мигом» жизни. Эти места и связанные с ними исторические сюжеты вдохновили его на создание своеобразной «лирической энциклопедии ранней русской жизни», в которой нашлось место и самому Рюрику, и отомстившей за смерть мужа, князя Игоря, Ольге, и летописцу Нестору, и Вещему Олегу, уже два века притягивающему к себе интерес русской поэзии. Эти сюжеты поданы Андреем Черновым не с холодноватым любованием «издалека»; они вызывают у него — а значит, и у читателя — горячее лирическое волнение. Глубокая история и здесь пропущена через судьбу лирического героя: «Вот, собственно, где выпало родиться / И выпадет — как пить дать! — почвой лечь, / Перемешав золу, и кровь, и речь, / Полой кургана, как плащом, укрыться, / Зелёным, рыхлым, волховским плащом. / И Гоголя шинель тут ни при чём» («Двенадцати веков вороньи ризы...»). Обыграв и «отменив» расхожую фразу о том, что все мы вышли из гоголевской шинели, поэт «заменяет» эту символическую одежду на другую: «рыхлый волховский плащ» ассоциируется с холмом

на берегу этой реки, под которым, согласно летописному преданию, лежит прах Олега...

Однако не забудем, что говорим о поэте, то есть — о художнике. У него должны быть какие-то свои, узнаваемые, «фирменные» приёмы, с помощью которых он выстраивает свой поэтический мир. И они, конечно, есть.

Многие стихотворения Андрея Чернова, если можно так выразиться, ситуативны: они словно фиксируют какой-то жизненный (или житейский) эпизод, изображают какую-то оставшуюся в памяти поэта встречу, диалог. Рядом с лирическим героем, *alter ego* самого автора, оказываются известные, и не обязательно известные, люди. Горбачёва и Эйдельмана мы уже называли. А вот ещё выразительный ряд: академики Дмитрий Лихачёв (поддержавший ещё в семидесятых разыскания молодого литератора в области «Слова о полку Игореве») и Андрей Сахаров, поэты Валентин Берестов и Александр Аронов (оба — А. Черновым, их младшим другом, очень высоко ценимые), драматурги Сергей Ермолинский и Александр Володин, бард Булат Окуджава и кинорежиссёр Алексей Герман, археологи Евгений Рябинин и Глеб Лебедев...

Та или иная встреча запоминается какой-то афористичной фразой, составляющей своеобразный пуант стихотворения, точку, куда стягивается его лирический сюжет. Такую фразу — беспощадно-меткую, хотя внешне как бы полушутливую — произносит, например, Лихачёв в стихах на тему «общей вины»: «Полундра! Трое сбоку — ваших нет!.. / И во все не система виновата. / „Виновен всякий, кто платил за свет“, — / Как Лихачёв предупредил когда-то» («На траверзе негданной беды...»). А вот голос Володина: «Жаркий шёпот телефонной трубки: / „Дорогой мой! Я вас умоляю! / Только не идите на уступки! / Я туда ходил. Я это знаю“» («Вечера с Александром Володиным»).

Но афоризмы и максимы в стихах Андрея Чернова принадлежат не только его персонажам-собеседникам — они принадлежат и ему самому. Он умеет найти ёмкую, бьющую точно в цель, западающую в читательское сознание развязку стихотворения. Может быть, особенно это чувствуется в стихах о любви, которых в книге немало. Как красиво поднимаются над заурядным бытом влюблённые в финале его «Старинной гравюры»: «И только двоим из высоких напротив окон / Не тесно в том граде, не душно в том смраде воловьем: / Она протянула над городом руки, и он / Их держит всю ночь над дымящимся средневековьем». А из миниатюры «Безбожный переулок», сильной своей психологической точностью, хочется привести не только концовку, но

и полный текст: «За то, что была на другую похожа, / Когда-то, случайно, всего один раз, — / Влюбляются тоже и сходятся тоже, / И даже причины не помнят подчас. / Но там, где гремит переулочек Безбожный, / Вдруг вспыхнет, как свет под трамвайной дугой, / Что жизнь была только лишь слепком с возможной, / Похожей на эту, но всё же другой». Афористичность концовки конкретизируется за счёт предметной детали («как свет под трамвайной дугой»), оправдывающей появление «уличного» мотива (московский переулочек с названием — ныне, правда, уже заменённым) и подсказывающей читателю, что поэтическая мысль и впрямь внезапно «вспыхнула» как озарение посреди городского шума и суеты...

Поэт Олег Хлебников назвал Андрея Чернова принципиальным традиционалистом. Характеристика как будто резонная: тематически поэзия Чернова, как уже было сказано, тесно связана с нашей классикой, с пушкинской эпохой. Но если говорить о поэтике, то за его плечами стоит и опыт русского модернизма, поэзии Серебряного века, с присутствием её языковым напряжением и экспериментаторством, не обязательно броским. Поэт органично обращается с дольником («Линия жизни»), акцентным стихом («Трубная площадь»), верлибром («Деисус»); легко совмещает силлабо-тонику и тонику даже внутри одного стихотворения (см. первую часть той же «Трубной...»). Экспериментирует со стихотворным размером — например, удлинняет одну, несущую особую нагрузку, строку на стопу, превращая пятистопный ямб в шестистопный: «...Очнулся. Над Беляевом белело. / Двор примерял февральские снега. / — Да это ж классика... — заметил я несмело. / А Берестов откликнулся: „Ага“» («Кузькина мать»; удлинён предпоследний стих). Или использует логаэды, то есть сокращает в соседствующих друг с другом стихах на один слог заключительную стопу: «Неужели всё будет так, / потому что я вижу так» («Наши бедные матери...»). Есть даже «барочные» фигурные стихотворения; одним из них («Застёжка») книга, кстати, и завершается. Легко, без натуги, поэт играет словами, их смыслом и звуком: то же «над Беляевом белело», или: «ежели весна — весны веснее»; «боится она бояться»; «расхлёбывает не тюрьму, а тюрю»; «малевал, как научил Малявин. И Малевич. А ещё Машков» (и ведь какой неслучайный для модернизма набор имён!). Встречаются в его стихах и вполне «маяковские» окказионализмы: «поговорочный баран» (в смысле — как баран из поговорки про «новые ворота»); или: «жара московская июлила»; или: «душу свою обездвушу» (лирический герой стихотворения «Сент-Женевьев-де-Буа» кладёт нечаянно провезённую

через границу российскую монету на парижскую могилу Александра Галича, обыгрывая при этом стихи самого барда о «двух копейках», с помощью которых в советские годы можно было позвонить из уличного телефона-автомата). А ещё у Андрея Чернова есть своё, нетрадиционное понимание рифмы, которым он когда-то, ещё в конце 70-х, поделился с читателями «Литературной учёбы»: рифма — не просто фонетическое созвучие слов, но метаморфоза образа при сходстве звучания. И когда он уже в одном из ранних своих стихотворений («Вот лежит он из-за лишней крошки...») рифмует, например, «воробей — плебей», он как раз этим путём и идёт: маленький серый воробей на фоне прочей городской крылатой фауны смотрится и впрямь как «плебейская» птица. Или — пример из позднейших стихов: «Се цивилизация по-русски: / Вон из дома, точно из кутузки» («На Любше»). Здесь тоже рифма больше чем просто рифма: «цивилизация по-русски» иронически уподоблена тюремной камере. Или — замечательное по смыслу созвучие в уже цитированных «Вечерах с Александром Володиным»: «Кто в 80-х был свободен / более, чем Александр Володин?» Так что — традиционалист ли? Может быть — поздний модернист? А может быть, дело и не в «-измах», а просто в новаторском ощущении слова как живой, постоянно меняющейся по воле поэта, материи?

Нам думается, что Андрей Чернов, тонкий мастер, автор афористически метких эмоциональных откликов на события нашей новейшей и нашей давней истории, — один из тех поэтов, без чьих стихов читателям будущего будет непонятно время, в котором мы, люди рубежа тысячелетий, жили и живём сейчас.

ОБ АВТОРЕ

Андрей Юрьевич Чернов родился в Ленинграде в 1953 году.

Живёт в Петербурге.

Автор стихотворных книг «Городские портреты» (1980), «Оттиск» (1984), «СПб, или Нежилой фонд» (1991), «Азбука Петербурга» (1995), «Гардарика» (1997; расширенное издание: 2008), «Нежилой фонд» (2000), «Глухая исповедь» (2014), «Человек империи» (2016), «Женькин букет» (2018) и др.

Исследователь в области культурологии и русской истории, пушкинист, переводчик и комментатор «Слова о полку Игореве» (последнее издание: «Вита Нова», 2006), автор сборника статей «Хроники знаменного времени», посвящённых древнерусской литературе, древнерусскому искусству и проблемам «тёмного стиля» в поэзии («Вита Нова», 2006), автор реконструкции X главы «Евгения Онегина» (Иркутск, 1999; Москва, 2013), монографии о поиске могилы казнённых декабристов и поэтической тайнописи у Пушкина и Лермонтова («Длятся ночи декабря». СПб., 2004; переработанное и дополненное издание: СПб.; М., 2008).

E-mail: aychernov@gmail.com

Сайт: nestoriana.wordpress.com

В КНИГЕ

І. ТЕТРАДИ С АНТРЕСОЛЕЙ

Городские портреты, Угловой переулок, Оттиск

- Вот лежит он из-за лишней крошки... — 7
На бульваре листвы поредела стена... — 8
Ты в восьмом, я уже в девятом... — 9
ПРАВООУЧИТЕЛЬНОЕ (Подрастёте — вам хватит...) — 10
СТАРИННАЯ ГРАВЮРА (Соседка соседку с утра призывает к войне...) — 11
От того, сколько ты простишь у окна... — 12
За мостом у замшелой торговки... — 13
Варежкой ледяной... — 14
ЧЕЛОВЕК С СОБАКОЙ (Ты держишь пустую перчатку за палец...) — 15
Наши бедные матери... — 16
СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР (Бесстрастным знанием наполниться...) — 17
ЛЕТО 68-е (Молчат, которые постарше...) — 18
30 АПРЕЛЯ (И в холодную полночь поёт соловей...) — 19
ПЁТР КИРИЛЛОВИЧ (поэма) — 20
Оттиск мига в черепке кувшина... — 31
Долгий дождичек осенний... — 32
Тамбурным не увлекаясь мужским разговором... — 33
А за окном — ни готики, ни пагод... — 34
КАРТОТЕКА ПУШКИНСКОГО ДОМА (Пристрастье...) — 35
БЕЗБОЖНЫЙ ПЕРЕУЛОК (За то, что была на другую похожа...) — 36
Скверик против шахматного клуба... — 37
КОЛОКОЛЬЧИК С БОНАПАРТОМ (...И столбик с куклой...) — 38
Как мамина рука... — 39
ТАНЦЫ В ТАРУСЕ (После сумерек потёмки...) — 40
И снова гарью к потолку... — 41
Не мигая, как будто в гляделки играя... — 42
Все грядущие печали... — 43
Из почтового потом... — 44
ХОДАСЕВИЧ (Этот век ему не пара...) — 45
ПРИСТУП (То ли снег за стеклом падал вниз...) — 46
АВИАТОР (Умастив золотым вазелином...) — 47
ТАРУССКИЕ ЯБЛОКИ (заговор) — 49
Ещё ты и не называлась женой... — 55
...И семя своё разбросав по земле... — 56
НЕВЕСТА — 57
Когда этнографы XIX столетья... — 61
В юности сыро и стрёмно... — 62
МАРЦИАЛУ ИЗ РИМА (Через десять лет в гирлянде дохлых мидий...) — 63

ИЗ АЛЬБОМА

- ПАШКА («Алло, Гутионтов!..» «А он на топтушке...») — 65
НИНА (Монте-Карло, Монте-Кристо...) — 66
ГРАДОСТРОИТЕЛЬ (Андрей Петрович Трезин...) — 68
Ничего мне от тебя не надо... — 71
Эта слабая тень в слишком позднем окне... — 72
ПИТЕРСКИЕ СТРОФЫ (— Айда? — Туда? — Ага, туда...) — 73
ВЫРИЙ (Когда над Вырой облака...) — 77
ВЫРСКАЯ СТАНЦИЯ — 78
Вылепился — доверяйся же обжигу... — 84
Серый, розовый, лиловый... — 85
С популярного издания... — 87
РЕЩИКОВ ПЕРЕУЛОК (А посредине тех пятидесятых...) — 88
ВЛАДИМИРСКАЯ (Прилабунится, ища защиты...) — 89
РАДИЩЕВ (Пирог на поду...) — 90
Страшно снежинке лететь на ладонь... — 91
Дачная местность конца ноября... — 92
В виде света разной густоты... — 93
УГЛОВОЙ ПЕРЕУЛОК (Переулок заломлен углом...) — 94
Чего в карманах только нет... — 95
Всего-то уюта... — 96
В питерском профессорском семействе... — 97
Назначу глиной первый снег... — 98
РАСПУТИЦА (Снег шершав и рассветы корявы...) — 99

II. НЕЖИЛОЙ ФОНД

- Веточка вены на левом виске... — 103
Машинист и сам не знает... — 104
Эта жизнь моя, крытая толем... — 105
Вёдро. Пустое ведро на попа или навзничь... — 106
Можно ли и пожелать такого... — 107
Зачем мне этот ключ от дома... — 108
ЗАЛ ОЖИДАНИЯ (Поновили, подмазали, порассуждали...) — 109
ПАРАД В ВОСЬМИДЕСЯТОМ (Терракотовых ласточек...) — 110
И сердце тобой захлебнётся, едва... — 111
Едва повернёт от Успения к Покрову... — 112
Соловиного пенья, что сора в прозябшей низине... — 113
ГЕНЕТЛИАКОН — 114
КАК БРАЛИ ДЕДА ПАВЛА ЛЕБЕДЕВА (...Из пивной его и забрали...) — 123
Вселенных чёрные икринки... — 124
Не город — созрелая полость... — 125
Бледный, болотно-озёрный модерн... — 126

- Не глотнувшие духа и страха того... — 127
Гирия до полу дошла... — 128
Снег на ниточках идёт... — 129
Когда уйдут и эти... — 130
Перепели песни и во тьму... — 132
В НАЧАЛЕ 80-х (Прагматики, железные мужи...) — 133
От нервического тика... — 134
Т Р И С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я З А В Е Н У А Р Ш А К У Н И
 Поперхнёшься воздухом пушистым... — 135
 Особенно когда зелёного в избытке... — 135
 Портрет жены художника... — 136
МОРСКАЯ, 47 (Анаграмма Александра...) — 138
Каково скалолазу глядеть в небеса... — 140
Вощёную щекóлду опрокинув... — 141
Монашествующий в миру... — 142
Ангел, вслепую скользящий по той стороне... — 143
ПРОГУЛКА ПО НЕВСКОМУ С БЕРЕСТОВЫМ (Такой московский...) — 144
Лютеранке в православном храме... — 145
Господин капитан бомбардирский, косичка торчком... — 146
10 ФЕВРАЛЯ (На циферблате треснула эмаль...) — 147
ПАРИЖАНКА (Тётка Мавра ювелир, а не юбиляр...) — 148
НА СМЕРТЬ МЛАДЕНЦА (Как ты справишься с этой безносой...) — 149
ВИТАМИН С (Тот век, не дотянувший до седин...) — 150
БЕЛАЯ ПОЭМА (Стоять, ты наш зелёный, стоять...) — 152
БОНАДИЕС (Едва зацветает стена крепостная...) — 156
Пока струились вертикали... — 157
РИМСКАЯ ПРОГУЛКА (Вот эволюция мрамора к штукатурке...) — 158
И эти пятна по воде... — 159
Законы были справедливы... — 160
РУНЫ БРАТУ НИКИТЕ (Модель островитянина проста...) — 161
РУНЫ ПЕТРОПОЛЮ (...И трижды отступился ученик...) — 162
Море схлынуло. Куда ж ещё нам... — 163
ПЯТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ (Точку подвинул — линия вышла...) — 164
ИЗ «А З В У К И С П Б»
 АНГЕЛ ПЕТРОПАВЛОВСКОГО СОБОРА — 166
 БОЛЬШОЙ ПРОСПЕКТ ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА — 166
 ВОКЗАЛЫ
 Балтийский — 167
 Николаевский, он же Московский — 167
 Варшавский — 167
 Витебский — 167
 Финляндский — 167
 Ладожский — 167

- ВОЛКОВО — 168
ВЛАДИМИРСКИЙ СОБОР И ВЛАДИМИРСКАЯ ЦЕРКОВЬ — 168
ГОЛОДАЙ — 168
ДВОРЦОВАЯ ПЛОЩАЛЬ — 169
КАПЕЛЛА — 169
КАРТА СПб — 169
КОЗЬЕ БОЛОТО — 169
КОТЛИН ОСТРОВ И ФОРТ КРОНШЛОТ — 170
КРОНВЕРК — 170
КРОНШТАДТ — 170
КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ — 170
КУНСТКАМЕРА — 170
РЕШЁТКА ЛЕТНЕГО САДА — 171
ЛЕБЯЖЬЯ КАНАВКА — 171
ЛИНИИ ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА — 171
ЛИТОВСКИЙ ЗАМОК — 171
ДОМ МУРУЗИ — 172
МОЙКА — 172
НИЕНШАНЦ — 172
НЕВСКАЯ ЗАГАДКА — 172
НЕВСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА — 173
ОРДОНАНСГАУЗ — 173
ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КОЛОКОЛЬНЯ — 173
ИППОЛИТ ПРЕТРО — 173
ПЯТЬ УГЛОВ — 174
КАРЛ РОССИ — 174
СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОР — 174
СЕТУЙ — 175
СМОЛЕНКА И КАРПОВКА — 175
ДОМЕНИКО ТРЕЗИНИ — 175
ЦАРСКОЕ СЕЛО — 176
ЧЁРНАЯ РЕЧКА — 176
ЧЕСМЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ — 176
ЯКОРЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА — 176
- В соединеньи неба и дольней вони... — 177
Ни берега, ни паруса, ни облака... — 178
С Т И Х И К О Л Ь Г Е К ***
 Паришь ангелочком фарфоровым... — 179
 Ничего ещё не решено... — 179
 А ты — письмо из юности моей... — 180
Опереться о воздух локтями... — 181
В АЛЬБОМ ТОЛИ КОБЕНКОВА (У Сената намёрзнешься, не атакуя...) — 182

III. ГАРДАРИКА

Предисловие — 185

Обласкан и поставлен на довольствие... — 191

Когда на волховских низинах... — 192

ПУТЁМ ЭНЕЯ

I. Ничего, что облако... — 193

II. В фризском Дорестате... — 193

ЗАМОРСКИЕ ГОСТИ (Куда ни устремляешь очи...) — 194

ВИКИНГ (На вёслах, под парусом — как повезёт...) — 195

ЖРЕБИЙ ДЛЯ ОЛЬГИ (Вынется — сбудется...) — 196

ОЛЕГОВА ВИСА (Деревянные бусы моих крепостей...) — 197

АМУЛЕТ (Прозрачна ночь, хотя и окаянна...) — 198

Запахали плешину, поставили сруб... — 199

ПРОРИЦАНИЕ ОРВАРУ ОДДУ

(Не ворону битвы, не даже двушипной змеи...) — 200

МАЛЫШЕВА ГОРА (Вот и повод меня повести в поводу...) — 201

ПОБЕДИЩЕ (На кургане, на вольном дивинце...) — 202

ПОСЛЕДНИЙ СКАЛЬД (Эти сопки под вешим копытом...) — 203

МЕСТЬ ОЛЬГИ (Четвёртый день волнуются концы...) — 204

УРОЧИЩЕ ПЛАКУН (Тишина над Волховом обвисла...) — 205

СТАНСЫ АЛЬДЕЙГИИ (Каменное прясло на приспе...) — 206

АХМАТОВА ГОРА

I. Не горка, не полгорка — останец... — 208

II. Мировое древо надломилось... — 208

Двенадцати веков вороньи ризы... — 209

СТАНСЫ ГАРДАРИКЕ (Чтоб на кунных мехах с боку на бок...) — 210

ЕЛИСАВА И ЗМЕЙ

I. Лет через тыщу брести у реки... — 212

II. Что нам сегодня намочит река... — 213

РУНЫ СЫНУ (Где времена свивались плетью...) — 214

ВЕРХНЯЯ РЕКА (А когда наступила расплата...) — 215

ЛУБЯНАЯ СКОМОРОШИНА (Московиты — люди башковиты...) — 216

СЕВЕРЯК (Последнею весной тысячелетья...) — 217

НА ЛЮБШЕ (Ладожского Средиземноморья...) — 220

И жили без особенных забот... — 221

Альдейгия — страна невелика... — 222

Послесловие (Е. А. Рябинин) — 223

IV. ГЛУХАЯ ИСПОВЕДЬ

Всё о чужом да о своём... — 229

ВОСЬМАЯ ЛИНИЯ (Этот город транзитного неба...) — 230

- ДОРОГА ВО ВШИЖ (Всё аушки да аушки...) — 231
- СТАНСЫ К NN (Когда клесты рябину обобьют...) — 232
- На пределе спокойствия нервов... — 233
- Неправильно, неумело... — 234
- Иван-чай, вскипающий по склону... — 235
- Здесь небо ползёт на восток... — 236
- S.-Pb (Ну вот нам и открылась наконец...) — 237
- Вагонные вёрсты... — 238
- А на потóm, конечно, — суп с котом... — 239
- Душу вывернув, распотрошит... — 240
- Повторяю гамму... — 241
- Нелеп, как пироскаф среди перронов... — 242
- В то лето ты умел, тираня зренье... — 243
- Выходил куда-то. Лет на тридцать... — 244
- ПТИЧКУ ЖАЛКО (В нищете и умереть не страшно...) — 245
- РАБЫ НА ГАЛЕРЕ (Почитая казни полумерой...) — 246
- Где не знаешь, — неведомо где... — 247
- Лётчики стихов не сочиняли... — 248
- На траверзе негаданной беды... — 249
- КАЗУС САМОЙЛОВА (— Слаб я, человек... А во-вторых...) — 250
- ГЛУХАЯ ИСПОВЕДЬ (...а если покаянья не случилось...) — 251
- ПАМЯТИ ЗАВЕНА (Не требуя взамен...) — 252
- АФАНАСИЙ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ (Мысленное царство тридевятое...) — 253
- ЭВОЛЮЦИЯ ПО БИБЛЕЙСКОМУ ШЕСТОДЕВУ — 254
- ЛЕТО 1983... (— Твердь Небесная — неверный перевод...) — 255
- ТРОСТЬ КИТОВРАСА (Из бездны рукописных мреж...) — 256
- В ХРАМЕ (Школярских фенек пёстрый сор...) — 258
- ДИСПУТ (— Коротка оливковая сень...) — 259
- Рычащее «Не тронь вина, Гертруда!..» — 260
- ЖЕТОНЧИК МЕТРО (В Санкт-Петербурге солнца мало...) — 261
- Вместе — ты да я, да мы с тобою... — 262
- ХРАМ ХРИСТА НЕРУКОТВОРНОГО ОБРАЗА
(Петроградской долгоночью...) — 263
- ГЛЕБ НОВГОРОДСКИЙ. ЛЕТО 6579 (Тот в Литве...) — 265
- ЗАХАРИЙ ПРОРОК (Задрапирован в ситец...) — 268
- ЦВЕТОЧНЫЙ ХЛЕБ (Из тех, кто лично знал богиню Мокушь...) — 269
- СОЧЕЛЬНИК В РОЖДЕСТВЕНЕ (Над Вырою...) — 271
- ПОСВЯЩЕНИЕ ПЕТРУ АРШАКУНИ (На фоне заводской стены...) — 272
- Там, где спит святая Ксения... — 273
- ВАНЬКА-МОКРЫЙ (По коробкам расфасованы...) — 274
- ПРОГУЛКИ С СИНЯВСКИМ (Ночное небо Фонтене-о-Роз...) — 275
- ИЗ ПИСЕМ ГРИГОРИЮ МИХНОВУ-ВАЙТЕНКО (Бессловесные души...) — 276

МЕТРОВКА («...Несущим во гробé — живот-трава!..») — 277
БАЛЛАДА ОКОВСКОГО ЛЕСА (— Товарищ не без ветра в голове...) — 278
РУССКОЕ СТОЛЕТЬЕ (Десятые — распятые...) — 280

V. ЧЕЛОВЕК ИМПЕРИИ

— Мама, мама, отчего... — 283
Младшей моей дочери было три... — 284
Где над расползавшейся империей... — 285
ПЕКАРЬ АРСЕНИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ОСИПОВ (Обнаружив в хлебнице...) — 286
CASUS BELLI (В Ропше жёсткая вода...) — 287
В АВГУСТЕ (Дышит мýкою давнишнею...) — 288
В АЛЬБОМ НИНЕ ПОПОВОЙ (А едва лишь приоткрылся ларчик...) — 289
От черёмухи до сирени... — 290
ТРИ СЕСТРЫ (Даром что кончилось лето...) — 291
В ОБЫДЕНСКОМ ПЕРЕУЛКЕ (Обыденский, когда-то Обыдёнский...) — 293
Всё зависит от порога боли... — 294
НА СЕДЬМОМ ДЕСЯТКЕ — 295
ЧАЙ С ТОНИКОМ... (За антикварным столиком...) — 296
ВЕЧЕРА С АЛЕКСАНДРОМ ВОЛОДИНЫМ (Кто в 80-х был свободен...) — 298
ГРОССМЕЙСТЕР (Что осталось от Вадика Черняка...) — 299
ИВАН-ДА-МАРЬЯ (Репетируют разлуку...) — 300
МАГНИТОФОН «ЯУЗА». 1969 (А поди попробуй опиши...) — 301
ГАМБУРГСКИЙ СЧЁТ (— Вам 25? Тогда поторопитесь...) — 302
ПО С Л Е Ш Е С Т И Д Е С Я Т И
 I. Не верю орхидеям и бегониям... — 304
 II. В пейзаже городском ли, деревенском... — 304
Многолюдной палаты пустая надсада... — 305
ТРЕТЬЕРИМСКИЙ БОБОК (Благовест родного ада...) — 306
ОТЯСЕНЬ (Отрясень в июле — с листвы...) — 307
ЗЯБЛИК НАД ЛЮБШАНСКИМ ОМУТОМ (Птичья трель...) — 308
ГАДАНИЕ НА ПУШКИНЕ (А через год...) — 309
ПРИЗНАНИЕ ТАТЬЯНЫ (Рассказывала модная писательница...) — 310
НА ГОРЕ ПАРНАС (...Перед вершиной конь закусил удила...) — 311
ОРЕДЕЖЬ (Пóлно. Такое не лечится...) — 312
КРАСНАЯ ГОРКА — 314
6 ДЕКАБРЯ 1878 (В стекле луна лучиною чадила...) — 320
ЗАГОВОР МЁРТВЫХ (Шепчутся. Кликушествуют. Бесятся...) — 321
Что не спето — то и не успето... — 322
СЕРЕБРЯНОЕ СЕЧЕНИЕ (— П — престранное число...) — 323
РЕКВИЕМ МИШЕ УСПЕНСКОМУ (Порастут кладбищенским паслёном...) — 324
Ангелы не знают, чем закончится... — 325

- ПРАВИЛО СЛАБОЙ СТРОКИ (— Как это происходит — неизвестно...) — 326
- НА ПОЛЯХ ЛЕКЦИИ АЛЕКСАНДРА МЕНЯ
(Как народ про это говорит...) — 327
- ПОСЛЕ БОЛЬНИЦЫ (Выкарабкивается упрямо...) — 328
- БУРЖУЙСКАЯ КВАРТИРА (Хрусталь смотрелся в зеркало паркета...) — 329
- МАРИЯ БАРАНОВСКАЯ (Из её рассказа удивительного...) — 331
- РЫБНЫЙ ДЕНЬ В ВОСЬМИДЕСЯТОМ (Что нам Гекуба?..) — 333
- ТРИДЦАТНИК. НАЧАЛО 80-х (Жизнь кисла, как тот супец на щавеле...) — 334
- ЖАЛОБЫ БАБУШКИ ОЛИ (— Ну ни фига себе заявочка...) — 335
- ЕЛИСЕЙСКИЕ ПОЛЯ (Зачатые под Джо Дассена...) — 336
- РИСУНОК БАБОЧКИ (Всё как у людей — венки и речи...) — 337
- ЭФФЕКТ БАБОЧКИ (Под водочку — «Грушёвая. Хорошая...») — 338
- ДИСКОБОЛ (И никого б, наверно, не винил...) — 340
- ЛИХАЧЁВ. ЛЕТО 1997 (На даче, под суконным одеялом...) — 341
- ЛИНИЯ ЖИЗНИ (— Как показать, что линия коротка?..) — 342
- ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА (— Угодья староновогодья...) — 343
- НИНА, ЖЕНА ЗАВЕНА (И когда являлась эта троица...) — 344
- ПЕРЫНЬ (Как Тарковский однажды пробросил...) — 345
- ГЕНИЙ МЕСТА (Песенкой двёрничких поскребушек...) — 346
- МЛАДЕНЧЕСТВО. ЛЕЖУ В КОЛЯСКЕ (Погремушка болтается над...) — 347
- ВБ (— Осторожно, я — зеркало, — Берестов говорил...) — 348
- КУЗЬКИНА МАТЬ (— Ага. Ага. Ага... — Татьянаванна...) — 349
- ТРУБНАЯ ПЛОЩАДЬ. МАРТ 1953 (Новость рыдала...) — 351
- ВЫБОР (И дожил до шестидесяти. Это...) — 353
- ГЛОТТОХРОНОЛОГИЯ (А ведь язык меняется так быстро...) — 354
- СЕНТ-ЖЕНЕВЬЕВ-ДЕ-БУА (Луковки выцветший купорос...) — 355
- ЕЛЕНА ГОЛЫШЕВА... (— «Новый мир» обещал...) — 357
- ТАРУССКИЕ СТРАНИЦЫ (Мика Голышев умел ходить по стенам...) — 358
- ПАСТУШЬЯ БАРАБАНКА (Митя Покровский, миру открывший...) — 359
- ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО (Торф горит за ближайшим селом...) — 360
- И снова батальные эти картины... — 361
- МАКСИМА ГЕРМАНА
(Алексей Юрьевич Герман, для многих просто Лёша...) — 362
- МУЗЫКА СПРЯТАЛАСЬ (— Мёд прирастает сотами...) — 363
- ВЕНЧИЩЕ (Пра-Петербург — конечно, Ниеншанц...) — 364
- КРАСНОЕ И БЕЛОЕ (Александр Аркадьевич Лабас...) — 366
- ПОХОРОНЫ-82 (Погребение по инославному чину...) — 367
- ПАЛИНДРОМАНИЯ (Ну, казалось бы, что тут такого?..) — 368
- МИРОЖСКИЙ СОБОР. КОНЕЦ 70-х (Переписав черновик...) — 370
- Я дал зарок, и потому не мог... — 371
- СТАНИСЛАВ ЕВГРАФОВИЧ ПЕТРОВ... (Жили-были в лучшем из миров...) — 372
- ЛЕНТА МЁБИУСА (Время с Временем встречается...) — 373

- ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГАВАНЬ (Просвистит морозцем Водолей...) — 374
РАРИТЕТЫ ЕРМОЛИНСКОГО (С Эйдельманом и Берестовым...) — 375
ОПАСНЫЕ ВОПРОСЫ (А когда в 30-х завязывались тары-бары...) — 377
БАЛЛАДА О ХРУСТАЛЬНЫХ ПОДВЕСКАХ (Приснится сон...) — 379
ДРУЗЬЯ МОЕГО ОТЦА (Ранен был у Калача-на-Дону...) — 382
ИПАТЬЕВСКАЯ ПОВЕСТЬ (Бабушка, которую не знал...) — 384
Что за причуда холопья... — 387
ПАЛАТИН, ПЕРВЫЙ ИЗ РИМСКИХ ХОЛМОВ (Оно всегда порвётся...) — 388
МИНИМАЛИЗМ ПО-РУССКИ (Отгоняя большую-пребольшую беду...) — 390
БАБЬЕ ЛЕТО — 99 (Те, что её не очень-то любили...) — 391
ПАРИЖСКАЯ ЭЛЕГИЯ (В табачной лавочке на рю-де-Руль...) — 392
К ВОПРОСУ О ЩИТЕ ВЕЩЕГО ОЛЕГА (На своём 95-летьи...) — 396
ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ ОБ УХОДЕ МАМЫ
 Преодолевая ужас, неведомый библейскому Хаму... — 398
 Кто-то невидимый дал отмашку... — 399
 ЛЕСТВИЦА ДОЖДЯ (Эта текучая лестница, спущенная с небес...) — 399
КАК В 83-м (Здесь, в краю замёрзших рек...) — 400

VI. ЖЕНЬКИН БУКЕТ

- БРОДВЕЙ «АВДЕЕВКА» (Нормальные ребята...) — 403
О тех, кто отпевал Четвёртый Рим... — 404
МАЙ 2015 (Ни тебе погоды, ни экзотики...) — 405
Там, где лошадьё движет телега... — 406
СЕВЕРНАЯ ПЕСЕНКА (Вытекла нам выгода...) — 407
Гроздьями чёрной февральской рябины... — 408
Держись за веточку, держись... — 409
Для кого-то — дело частное... — 410
люди СТРАСТНОЙ СУББОТЫ (Ангел облачком прикинется...) — 411
ДОЧКЕ КАТЕ В ДЕНЬ АИСТА (Дом 23 по улице Свободы...) — 412
РУССКИЙ ПУТЬ. 1930-е (Откуда эти рожи повылазили?..) — 413
ПОДЛИПКИ-ДАЧНЫЕ (А летом, где-нибудь в Подлипках...) — 414
В МАСТЕРСКОЙ НА ВАСИЛЬЕВСКОМ (Обыденно, обыкновенно...) — 415
ТРЕТЬЯ ВОЛНА (Значит, вот... Ещё одна проверка...) — 416
В АЛЬБОМ БОРИСУ ВИШНЕВСКОМУ (Для москвичей он просто «Питер»...) — 417
1960 (Рассвет был мучительно розов...) — 418
14 (27) МАРТА 1920. ИСХОД (Стылым ужасом, смертной тоскою...) — 419
Под промытым этим пологом... — 421
МОСКОВСКИЕ ТВЕРДИЛКИ (Азиатская тоска...) — 422
ПИСЬМО КУШНЕРУ (Прощанье с апрелем...) — 423
КАНАЛАРМЕЕЦ ЛИХАЧЁВ (Когда увидел пачку «Беломора»...) — 424
14 АПРЕЛЯ 1912 (Расплатись согласно чекам...) — 425

- ЖЕНЬКИН БУКЕТ (Без черёмухи сошлись. Но вскорости...) — 426
- ЛИТЕРА «V» (Крепы сброшены, гайки сорваны...) — 427
- 30 АПРЕЛЯ 2015 (Первозеленью прозрачных крон...) — 429
- Было. Жили и во время оно... — 430
- ТЕСТОДЕЛЫ (Гончары ржаной закваски...) — 431
- ТРЕВОЖНЫЙ ЧЕМОДАНЧИК ОТЦА (Ну а в прихожей между пачек...) — 432
- ПИСАТЕЛЬ НА КАПРИ (Латунная петунья граммофона...) — 433
- ЮРИЙ ДМИТРИЕВ, СОЛОВЕЦКИЙ ГАМЛЕТ (За ковром аррасским...) — 434
- ПРОСОЗИДАВШИЕСЯ (Перешуршали крысу Шушáру...) — 435
- МОНОЛОГ ГОРАЦИО НАД ТЕЛОМ ПОЛОНИЯ (Под тяжестью...) — 436
- ИНТЕЛЛИГЕНТЫ (От Рылеева да от Радищева...) — 441
- ОДНОМУ ИНТЕЛЛЕКТУАЛУ (Нет-нет, он свой пиар не проворонит!..) — 443
- КАПИТАНША ВАСИЛИСА ЕГОРОВНА (Под защитой бастионов...) — 444
- ДВОРЯНСКИЙ СЫН (Когда ты вырос наконец...) — 446
- ЗАРЕЧЬЕ, БАТОВО, ВЫРА (Нет отклика в родимой стороне...) — 447
- НАТАШЕ С ЛЮБИШИ (Ливень брызнет молнии короче...) — 448
- БЕЛОЙ НОЧЬЮ (Бледно-лиловый, но переходящий в сиреневый...) — 449
- ОПЫТ ИСТОРИКА (В том заведении первая забота...) — 450
- ДВОРЫ МОЕГО ДЕТСТВА (Ботáны, самиздатовские книжники...) — 451
- СТЕРВОЗА (Всё-то дело её карасса...) — 452
- НА УХОД СВЕТЛАНЫ КАРМАЛИТЫ (Который раз...) — 453
- МАЙ В ПРИШКОЛЬНОМ САДУ (А из впечатлений самых важных...) — 454
- ЮНГА В ГАЛЕРНОЙ ГАВАНИ (Железный век — ярмом на вые...) — 455
- ФИЛОСОФ ПАКЛИХИН (Воскликнул доцент Паклихин...) — 456
- Когда спустили водоём... — 457
- АБОНЕНТ НЕДОСТУПЕН (Было, да былием поросло...) — 458
- ДЕИСУС (А на въезде в подворотню Вечности...) — 459
- ЧУЖОЙ СОН (Знаю, знаю: рвётся там, где тонко...) — 460
- Сколько эту горечь ни заглаживай... — 461
- ДЕКАБРИСТ (Ему шинелишка — шлафроком!..) — 462
- НА СМОЛЕНСКОМ (Половодьями ультрамарина...) — 463
- Где конец и в чём начало... — 464
- КРЫСОЛОВ (А из-под черепичных кровель...) — 465
- ИГРА В СЕКРЕТИКИ (На пустыре, где у костра калеки...) — 466
- ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ (Самая пустая тайна — смерть...) — 467
- ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД (Небеса западали на запад...) — 468
- ПОДПАСОК С ОГУРЦОМ (Во временах и в самом деле оных...) — 469
- БАБЬЕ ЛЕТО — 2020 (На чёрный день припасена...) — 472
- ДЕНЬ ДОЖДЕНИЯ («Инспектор по утратам»...) — 473
- ПОСЛЕДНЯЯ ШУТКА ШЕКСПИРА
(Над «второй по достоинству» кроватью...) — 474
- ВИЛЬГЕЛЬМ ОРАНСКИЙ (Вновь на остывшем пепле ни кровинки...) — 475
- СТАРИК (Спросил меня...) — 476

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ. 1991 (Пока астролог Тихо Браге...) — 477
УРОКИ АЛЕКСАНДРА АРОНОВА (В поединке формы с содержанием...) — 478
КАРАМОРА (Над столешницей из мрамора...) — 479
ГРИФЕЛЬНАЯ ОДА ДЕРЖАВИНА — 480

VII. ОСТРОВ НА ПРИБРЕЖЬИ
Долгая повесть — 481

VIII. НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ
2022–2023

А Л И Ш Е Р Н А В О И

Людскою глупостью оброс беды лежалый камень... — 515

Д Ж О З Е Ф Р Е Д Ъ Я Р Д К И П Л И Н Г

МОЙ СЫН ДЖЕК (— О Джеке моём известья пришли?) — 516

ФОРМУЛА (А если спросят, за что мы пали...) — 517

Г И Й О М А П О Л Л И Н Е Р

ВИНОГРАДАРЬ ИЗ ШАМПАНИ (Полк прёт сквозь селение...) — 518

Ж А К П Р Е В Е Р

СЕМЕЙНОЕ (Мать вяжет. Где же сын? Он на войне...) — 519

У И С Т Е Н Х Ь Ю О Д Е Н

1 СЕНТЯБРЯ 1939 (Сижу в дешёвом шалмане...) — 521

P. S.

ПЕРЕД РАССВЕТОМ (А когда пойдёт игра недетская...) — 527

МИЛЛЕНИАРЫ (И вот они вошли. Легки. Поджары...) — 528

ДЕКЛАРАЦИЯ (Современное стиховедение путало...) — 529

ЗАСТЁЖКА (эта сессия истекла...) — 530

ПРИЛОЖЕНИЕ

Андрей Чернов. К переводу с библейского — 533

Анатолий Кулагин. «Зачем мне знать, что там, в начале...» — 542

Об авторе — 548

Андрей Юрьевич Чернов
СТИХИ И ПРОЗА В СТИХАХ

Верстка, оформление и фотография на обложке
Наталии Введенской

Корректор
Валентина Гончар

Подписано в печать 1.10.23. Формат 60×90 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.